

ОЛЬГА ЯГИНЦЕВА

Этимологическое исследование
некоторых диалектных названий
предметов домашнего обихода

ОЛЬГА ЯГИНЦЕВА

Этимологическое исследование
некоторых диалектных названий
предметов домашнего обихода

Отделение славянской филологии института германской, романской
и славянской филологии Тартуского университета, Тарту, Эстония

Научный руководитель: кандидат филологических наук, доктор
философии, PhD (русский язык) Ю. С. Кудрявцев

Диссертация допущена к защите на соискание ученой степени доктора
философии по русскому языку 23 апреля 2014 г. советом института
германской, романской и славянской филологии Тартуского университета

Рецензенты: О. В. Никитин, доктор филологических наук, профессор
Московского государственного областного университета,
Москва, Россия.

Н. А. Нечунаева, кандидат филологических наук, доктор
философии, PhD (русский язык), Таллинский университет,
Таллин, Эстония.

Оппоненты: О. В. Никитин, доктор филологических наук, профессор
Московского государственного областного университета,
Москва, Россия.

Н. А. Нечунаева, кандидат филологических наук, доктор
философии, PhD (русский язык), Таллинский университет,
Таллин, Эстония.

Защита состоится 9 июня 2014 г.

ISSN 1406–0809

ISBN 978–9949–32–564–1 (print)

ISBN 978–9949–32–565–8 (pdf)

Copyright: Olga Jagintseva, 2014

University of Tartu Press

www.tyk.ee

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	7
Глава 1. Сосуды	12
§ 1. Балакирь	12
§ 2. Глѣк	17
§ 3. Егол	25
§ 4. Каганец	28
§ 5. Коморгъ	34
§ 6. Кукшин	39
Глава 2. Корзины	46
§ 1. Борошня	46
§ 2. Котуль	51
§ 3. Пестер(ь)	55
§ 4. Поняга	63
§ 5. Чемеза	67
§ 6. Чечень	71
Глава 3. Кухонная утварь	77
§ 1. Баклуша	77
§ 2. Кочедык	86
§ 3. Потималка	90
§ 4. Тарабарка	92
Заключение	100
Список использованной литературы	107
Принятые сокращения словарей и источников	110
Интернет-источники	111
Список сокращений языков и диалектов	112
Kokkuvõte	114
Curriculum vitae	120
Elulookirjeldus	122
Публикации по теме диссертации	124

ВВЕДЕНИЕ

Язык есть исповедь народа,
В нем слышится его природа,
Его душа и быт родной...
П. А. Вяземский

Данная диссертационная работа написана на одну из актуальнейших тем современной этимологии — на тему изучения диалектной тематической группы лексики, включающей в себя исключительно названия предметов домашней утвари.

Домашняя утварь — это совокупность предметов домашнего обихода, включающая кухонную и столовую посуду, приспособления для хранения и переноски вещей и продуктов питания и т.д. Русская лексика, обозначающая предметы домашнего обихода, занимающая значительное место в языковой «картине мира» и отражающая реликтовые явления семантического и духовного плана, в этимологическом аспекте изучена недостаточно глубоко. Именно язык домашнего быта сохраняет в особой полноте следы древнейших словоупотреблений.

Дом с его атрибутами занимает существенное место в модели мира человека. Посуда, в свою очередь, является одним из обязательных и существенных элементов структуры дома. Человек постоянно связан с нею, используя ее по крайней мере в трех функциях: хозяйственной, эстетической и ритуальной. Посуда принадлежит к наиболее архаичным элементам дома, к тому же она по сути дела консервативна [ЭИВР 1979: 147].

Некоторые названия народной утвари, вошедшие за последние сто лет в состав общенародного языка, были этимологизированы разными учеными на общих основаниях в рамках отдельных словарных статей и монографий¹. Современная этимология в области исторического толкования таких слов уже достигла значительных успехов, однако по-прежнему велико число бытовых лексем, этимологии которых либо еще не найдены, либо нуждаются в серьезной доработке.

К сожалению, у нас такие исследования пока крайне немногочисленны (ср. работу И. С. Вахроса о наименованиях обуви в русском языке [Вахрос 1959], Л. А. Булаховского об общеславянских названиях птиц [Булаховский 1948], ряд статей Н. Гринковой об одежде [Гринкова 1934], далее — Б. Л. Богородского по мореходной терминологии [Богородский 1964], В. А. Меркуловой о некоторых названиях растений, по украинскому языку [Меркулова 1967] — ряд статей Й. Дзэндзелевского и А. А. Бурячка).

¹ Этимологические исследования тематических групп лексики являлись наиболее удобными в плане перспективы подготовки ЭССЯ [Трубачев 1961: 204]. Такие работы продолжаются и в настоящее время.

Некоторые диссертации по истории русского языка посвящены аналогичным проблемам, например, бытовой лексике определенной эпохи или определенного круга памятников. Среди семантических групп выделяются строго ограниченные и в общем постоянные, например, названия частей тела, отношения родства, метеорологические явления, повседневные факты человеческой жизни (пить, есть, спать), а также группы, которые с течением времени подвергаются коренным изменениям: названия предметов одежды, домашней утвари, государственных учреждений, систем транспорта, т.е. всего того, что создано самим человеком [Пизани 2008: 161].

До сих пор проблема этимологического исследования диалектной номенклатуры предметов из области домашнего быта даже не была поставлена, уже не говоря о выполнении хотя бы одного из указанных требований. Отдельные замечания историко-лингвистического характера нашли отражение в «Этимологическом словаре» М. Фасмера, «Этимологическом словаре русского языка» А. Г. Преображенского, некоторых других словарях, а также в работе Д. К. Зеленина «Восточнославянская этнография», в отдельных статьях В. П. Строговой («Бытовая лексика новгородских берестяных грамот и говоров (названия предметов утвари)»), сборнике «Этимология» разных годов (статьи О. Н. Трубачева, Л. В. Куркиной, Е. Гавловой и некоторых др.), но в целом специальных работ, посвященных истокам диалектных названий предметов домашней утвари, найдется немного.

Для исследования в нашей диссертации выбраны не глаголы движения, не личные местоимения, которые являются языковыми универсалиями, биологически присущими человеку, и представлены во всех языках мира, а именно названия предметов быта, т.к. такая лексика своеобразна у каждого народа. Возникновение вещей построено на традициях, их «имянаречение» уходит глубоко в старину.

Принцип, по которому слова отбирались для изучения, состоит в следующем. Вопрос происхождения лексем затрагивался в научной литературе, и они отражены в этимологических словарях, но имеют там помету *неясное*, либо в словарной статье отмечается сомнительность предложенных этимологами объяснений. Эти слова чаще всего принадлежат как раз к диалектной лексике, и нередко причина неясности слова заключается в недостаточности сведений о нем, о его родственных связях в говорах. Необычная, на первый взгляд, форма слова может отражать какие-то фонетические или морфологические процессы в говорах, еще не описанные или не вошедшие в научный обиход. Такая лексика с точки зрения исторического языкознания наиболее интересна и такие слова заслуживают изучения.

Сохраняясь в диалекте в «законсервированном» виде, лексемы выявляют не только фонетическую, словообразовательную, но, что очень важно, семантическую структуру, которая сама по себе будучи чрезвычайно подвижной, с наибольшим трудом поддается реконструкции. Нельзя не согласиться с Ю. В. Откупщиковым, что материал диалектов — это неисчерпаемая со-

кровищница, в которой хранятся поистине бесчисленные архаические слова и формы, давно уже утраченные в литературном языке. Изучение материала диалектов помогает этимологу в его нелегком пути к истокам слова.

О необходимости проводить этимологические исследования на диалектной лексике писали А. С. Львов, В. А. Меркулова, О. Н. Трубачев и другие этимологи. Так, например, в ЭССЯ исчерпывающе использованы все доступные исторические, диалектные словарные материалы, опубликованные и архивные. Методика работы над ЭССЯ заключается в исчерпывающем использовании лексики всех славянских языков с особым вниманием к диалектным и историческим данным.

Среди этимологов, занимающихся анализом диалектной лексики, конечно, можно было бы назвать имена О. Н. Трубачева, Ж. Ж. Варбот, С. А. Мызникова, Ю. С. Кудрявцева, Е. А. Аникина и др.

В предлагаемой работе представлена попытка еще раз доказать, что изучение диалектных слов — один из самых важных аспектов в работе этимолога.

Проанализированы 16 существительных из этой области. Цель работы заключалась в изучении этимологической перспективы сущ. *кушин*, *пестер(ь)*, *коморг*, *кочедык*, *глѣк*, *тарабарка*, *борошня*, *егол*, *чемеза*, *паняга*, *чечень*, *котуль*, *балакирь*, *баклуша*, *потималка*, *каганец*, а в задачи входило: а) рассмотреть реалию или дать исторический комментарий; б) выявить имеющиеся в литературе (монографиях, статьях, словарях) объяснения происхождения лексемы; в) классифицировать и проанализировать различные точки зрения по данному вопросу; г) отметить сильные и слабые стороны предлагавшихся этимологических решений; д) предложить новое этимологическое решение.

Вопрос о группировке материала по диалектам не ставился — решение подобных вопросов требует привлечения большого массива лексики, а в диссертации рассматриваются проблемные лексемы, требующие штучной работы. При этом использовались наличные лексические данные диалектных и исторических словарей.

Композиция работы имеет определенную специфику, что объясняется особенностями ее содержания и задач. Этимологическое исследование носит принципиально атомарный характер, поскольку каждое слово в конечном итоге обнаруживает свой индивидуальный этимон. По этой причине основная часть диссертации представляет собой сборник очерков, небольших монографий, посвященных конкретным лексемам. Обобщения возможны только при широком культурно-межъязыковом сравнении, но такая задача не ставилась.

Бывает, что лексическая группа при анализе демонстрирует тяготение к единому деривационному принципу. Например, русские кулинарные термины тяготеют к производности от глаголов физического воздействия на кулинарное сырье. В группе бытовой лексики такого единства не обнару-

жено. Из осторожных обобщений можно отметить большой процент проблемных лексем среди названий разного рода вместилищ – сосудов, сумок и т.п. Видимо, они более древние, чем кажется, и успели в высокой степени затемнить свою внутреннюю форму.

Из использованных в данной диссертации методов этимологического исследования наибольшей объективностью отличается метод словообразовательный. Фонетический принцип представляет собой необходимое условие всякой этимологической работы. Принцип семантический — одно из важнейших средств проверки правильности той или иной этимологии, но в качестве отправного пункта исследования эти два принципа допускают большую долю субъективизма сравнительно с принципом словообразовательным. Сближение слов на базе их фонетического или семантического сходства часто приводит к тому, что исследователь невольно навязывает то или иное решение этимологической задачи. В этом отношении словообразовательный анализ позволяет подойти к вопросу об этимологии слова с большей объективностью, поэтому такой метод в качестве исходного пункта этимологического исследования должен во многих случаях приводить к положительным результатам. Частотность применения того или иного метода зависит от степени изученности лексемы.

Конечная цель этимологии — реконструкция этимона — может быть достигнута только путем применения исторического метода. Этимология опирается на данные исторической лексикологии, исторической грамматики, хотя этимология не тождественна этим историческим дисциплинам и имеет свои задачи [Варбот, Куркина 1980: 190].

Мы использовали различные методы обработки материала: сравнительно-исторический (в форме внутренней реконструкции² на основе русского языка и внешней — на фактах славянских языков), лингво-географический, описательный (при характеристике реалии), типологический и др.

Сравнению подвергались звуковые, грамматические и лексические соответствия родственных языков. Так, от русских фактов мы обращаемся прежде всего к фактам украинского и белорусского языков, а затем к фактам южнославянских и западнославянских языков; от славянских языков — к балтийским языкам (например, литовскому); от балтославянских фактов — к германским, иранским, греческим и т.п. фактам.

Лексика языка — результат многовекового процесса освоения действительности с помощью (не умышленного, запланированного, а «стихий-

---

² Прием внутренней реконструкции состоит в том, что древнейшая форма восстанавливается путем сопоставления разных отражений ее в пределах одного и того же языка. Внутренняя реконструкция имеет большое значение и для изучения смысловой стороны языковых явлений: сопоставление фактов одного и того же языка на разных этапах его развития вскрывает законы его развития и проливает свет на более древнее состояние [Кодухов 1963: 45].

ного») применения этих операций. Объем и структура лексики соответствуют объему и структуре общественной практики и общественного сознания в прошлом и в настоящем. И когда мы говорим о языке как историческом источнике, мы имеем в виду в первую очередь лексику. Этимология призвана раскрывать все потенции, которые заложены в лексике как историческом источнике. В проблеме «лексика и реалии» этимологическая наука выходит за рамки лингвистики в узком смысле и становится наукой историко-культурной, а добытые ею результаты получают широкий общественно значимый интерес [Абаев 1986: 22–23].

Успех такого рода изысканий может быть обеспечен только в том случае, если разбор — двусторонний: от слов к реалиям и от реалий к словам. А это значит, что этимолог должен быть вооружен не только хорошим знанием лексики, но и широкой осведомленностью относительно исторического прошлого народа, его материальной и духовной культуры. Слова нередко проливают свет на реалии прошлого, а знание реалии помогает раскрыть этимологию слова. Сопоставление различных групп лексики иногда приводит к некоторым наблюдениям, в частности, и об их сравнительной хронологии, что в конечном итоге может представлять интерес и для истории народа в широком смысле.

Современная этимология не мыслит себя без той фундаментальной исследовательской установки, которая была сформулирована в начале XX в. в рамках знаменитой школы «Wörter und Sachen». Этимологи стали историками не только слов, но и вещей (в широком смысле), реалий, хорошо усвоив тезис о необходимости проследить движение волн вещей, которым сопутствуют волны слов, выявить культурно-исторические обстоятельства, отраженные в лексических единицах [Варбот, Куркина 1980: 190].

Подводя итоги, следует указать, что все аспекты выступают в синтезе, в определенном единстве: этимология слова должна быть убедительна и с фонетической, и со словообразовательной, и с семантической стороны. Только такая этимология может быть признана доказательной, при которой форма слова фонетически и морфологически обоснована, семантическое развитие вероятно и подтверждается историей самих вещей и понятий [Шелепова 1977: 37].

Настоящая докторская диссертация состоит из введения, трех основных глав, заключения. Диссертацию завершает список использованной литературы, принятых сокращений словарей, источников, Интернет-источников, языков и диалектов, приведено резюме на эстонском языке.

Первая глава содержит этимологии некоторых диалектных названий сосудов. Во второй главе представлен материал относительно различных корзин. Третья глава является попыткой этимологизации других предметов из области домашнего обихода, не вошедших в первые две.

ГЛАВА 1

СОСУДЫ

§ 1. Балакирь

В нижегородских, казанских, оренбургских, тамбовских, симбирских, саратовских, саратовских, вятских, пермских, костромских и астраханских говорах русского языка зафиксировано интересное слово *балакирь* в значении ‘кувшин, кринка, горлан, глиняный муравленный горшок с узким горлом для молока; бадейка, чугу́н’ [СРНГ 2: 70; Даль 2003 I: 66], встречающееся также в форме *балакарь* ‘горшок с узким горлом’ и *балакер* ‘посуда для молока’ (место ударения не указано) [СРНГ 2: 70]. Ни один из вариантов, насколько нам известно, не зафиксирован в других славянских языках. Это означает, что слово является либо поздней инновацией, либо заимствованием из экзотического языка (восточного или уральского), либо глубоким архаизмом. Постараемся в этом разобраться.

М. Фасмер считает, что распространение интересующего нас слова указывает на восточное происхождение [ЭСФ I: 112]. Этим он ограничивается, и конкретного источника заимствования в словаре мы не находим. С другой стороны, образование слова в русском языке маловероятно — производящая основа не ясна, способ словообразования также остается неясным. О. Н. Трубачев вскользь высказывал мнение о том, что в рус. *балакирь* представлено очевидное заимствование [Трубачев 1966: 301]. Однако несколько позже ему кажется более вероятным, что это слово продолжает исконное **bьlkyрь* (ср. тот же корень в глагольных основах польск. *belk-*, укр. *бовк-*). Сюда же относятся рус. диал. *болха́рь* ‘большой колокольчик’. Отношение суффиксальной огласовки последнего к *балакирь* — то же, что и в паре рус. диал. *мизги́рь* — *мазга́рь* [там же: 405–406]. Согласно [ЭССЯ 3: 119], от звукоподражательного **bьlkati* ‘балакать’. Сопоставление *балакирь* и *болхарь* сомнительно как с фонетической, так и с семантической точки зрения. Чтобы сблизить два этих существительных, нужно предполагать сразу три процесса: второе полногласие (характерно для северных говоров), аканье (свойственно южным говорам) и смещение ударения с суффикса на корень. Даже территориально эти процессы не являются согласованными. Часть фонетических замечаний сохраняется и при сопоставлении польск. *belk* ‘водоворот, течение, глубина’ и укр. *бовкати* ‘болтать’ [Рудницкий 1962–1972 I: 158]. Семантические отношения непонятны (*балакирь* — гремющий?). Поэтому мы попытаемся рассмотреть анализируемую лексику в качестве гипотетического архаизма.

С. М. Данильченкова занималась рассмотрением системы разновидностей мотивировки в процессе номинации внутри некоторых тематических групп лексики. Она определила специфику выбора мотивировочных признаков для русских диалектных названий посуды. В своей статье [Данильченкова 1980: 110] она отмечает определенную регулярность при образовании слов, относящихся к одной тематической группе лексики:

Таблица 1.

Признак	Посуда
Вкус	—
Цвет	1
Форма	2
Размер	—
Деталь внешнего вида	5
Температура	—
Порядок по счету	—
Способ изготовления	1
Функция	7
Пространство	—
Материал	—

Из таблицы следует, что в названиях посуды преобладает мотивировочный признак по функции. Чем можно объяснить такое распределение признаков? Очевидно, в первую очередь экстралингвистическими факторами, на которых базируются типичные семантические модели, связанные со свойствами называемых явлений конкретного материального мира. Посуда функциональна по своей природе, и выбор мотивировочного признака по функции вполне естествен. Напр., *масляница* ‘посудинка для коровьего масла, подаваемая на стол’, *блинка* ‘посуда для растворения теста для блинов’ [Зеленин 1991: 138].

Поскольку такой предмет, как *балакирь*, предназначен для хранения молока («Форма неправильного цилиндра у кринок для воды и молока, ср. рус. *кринка*, *балакирь*, *горлач*» [там же]), мы можем предполагать, что в составе существительного, обозначающего соответствующую посуду, имеется корень, содержащий сему ‘молоко’.

Допуская исконный характер сущ. *балакирь* и учитывая его значение ‘горшок для молока’, мы могли бы попытаться выделить корень *-лак-*, приставку *ба-*, суффикс *-ирь / -арь / -ер*. Упомянутый корень (в различных формах) известен латинскому, греческому и хеттскому языку.

Хозяйственная функция коровы как дойного животного реконструируется уже для глубокой древности, соотносимой с общеиндоевропейской эпохой или во всяком случае с древними индоевропейскими диалектными общностями.

Такую функцию коровы Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов видят прежде всего в наличии в древних диалектных общностях особых слов со значением ‘молоко’: греч. *γάλα*, род. п. *γάλακτος*; (с дальнейшими фонети-

ческими преобразованиями в позднейших диалектах) ‘молоко’, лат. *lac*, род. п. *lactis* (из **glakt-*, с диссимилиативной утерей начального заднеязычного). К этой группе слов они относят этимологически и хетт. *galaktar / galattar* ‘приятный, сладкий сок растений, используемый в ритуалах’, *galank-* ‘накармливать досыта’; ср. причастие *galankant-* ‘насытившийся’: *Aš-šan kuiš kururi para galankanza* «кто враждой / войной вдоволь насыщен» (оба этих значения хеттских форм от основы *galak-* можно возвести к первичному значению ‘молоко как жидкость, выделяемая дойным животным’ и ‘молоко как сытный продукт питания’).

Этимологическое соотнесение хеттских слов с соответствующими формами греческого и латинского языков дает по схеме диалектного членения индоевропейского языка общеиндоевропейскую древность соответствующей формы со значением ‘молоко’. Это положение подкрепляется дополнительно наличием в древнекитайском формы *lac в значении ‘молоко’, попавшей, согласно Б. Карлгрену, в древнекитайский из какого-то восточного диалекта индоевропейского языка.

Такое соотнесение позволяет авторам считать соответствующую форму в значении ‘молоко’ существовавшей в общеиндоевропейской языковой системе с предположением дальнейших ее замен в отдельных диалектах [Гамкрелидзе, Иванов 1984 II: 568].

Но в диалектах русского языка сохраняются не только древнейшие значения слов, но также и многие из словообразовательных типов, утраченных в литературном языке [Откупщиков 1968: 185].

Мы полагаем, что такие хеттские формы, как *galaktar*, *galank-* и причастие *galankant-*, состоят из приставки *ga-*, корня *-lak-* / *-lank-*, суффиксов *-tar*, *-ant* и свидетельствуют о том, что *-t-* в данных случаях не является корневым, а присоединился позднее (т.о., греч. *γάλακτος*, лат. *lactis* имеют *-t-* также вторичного характера). Вероятно, наш *балакирь* демонстрирует более раннюю форму корня без *-m-* и *-n-*, который в славянском обычно занимает место после корня (ср. *-ø-* / *-ну-*: *прыгать / прыгнуть*), но в хеттском, как и в латинском, вставлен в корень.

Все сказанное подтверждает возможность выделения в сущ. *балакирь* индоевропейского корня *-лак-* со значением ‘молоко’. Еще раз подчеркнем, что любой реальный объект может рассматриваться носителем языка с разных точек зрения, в зависимости от восприятия данной ситуации. При этом может акцентироваться тот или иной признак данного предмета, который затем отражается в значении слова как определенный семантический компонент. Поскольку молоко уже в древности являлось незаменимым продуктом, которому придавалось магическое значение, то вполне возможно предполагать, что и в основу наименования сосуда положен соответствующий семантический признак. А если предметы домашней утвари используются строго для определенных целей, то вступает в силу мотивировка по функции.

Продолжая наш словообразовательный анализ, перейдем к гипотетически выделяемой приставке *ба-*. Такой префикс в славянской лексике редок, но в нескольких словах выделяется бесспорно.

Существующие словари [см. Кузнецова, Ефремова 1986; Тихонов 1985; Тихонов 1996] такой морфемы в современном русском языке не отмечают. Однако напомним, что отсутствие там какого-либо аффикса не означает, что его не было в древнерусском или праславянском языках.

Префикс *ба-* (и его варианты *бо-*, *бе-*, *бу-*) не единично представлены в русской диалектной лексике.

Убедительной представляется этимология слова *багрец*, предложенная А. С. Львовым. Исследователь считает, что ст.-слав. *багъръ* ‘пурпуровый, красный’ образовалось присоединением частицы *ба-* к корню *гър > гор* ‘гореть’. А. С. Львов подтверждает тем, что приводит образования того же типа, известные в диалектах: *басалай* ‘сорванец, повеса, наглец’ — *саласа* ‘егоза, юла’ [Шелепова 1977: 26].

Данный префикс можно выделить в волж. *багружка* ‘род грузового судна на Волге’ < *ба-гружка* (к *груз*, *грузить*), иркут. *багрыза* ‘название старого дряхлого животного и человека’, вероятно, можно проэтимологизировать как *ба-грыза* (к *грызть*), свердл. *багулистый* ‘холмистый’, возможно, *ба-гулистый* (к *гуля* ‘шишка, холм’), *бадерюга* ‘неубранные остатки конопля; одежда из грубого домотканого полотна’, *бадерёга* ‘грубая пеньковая или льняная ткань; употребляется для подстилки’, легко членится как *ба-* и *дерю(ё)га* — то же; псковск. *бадора* ‘стильный ветер, буря, шторм’, это слово можно проэтимологизировать как *ба-дора* (к *драть*; ср. *падора*); вост.-сиб. *батарчина*, *поторчина?* ‘дубина, кол, рассоха’, возможно, из *ба-* и *тарчина* (к *торчать*); *баторчина*, иркут. также ‘торчащий конец дерева’, перм., кург. *баторить* ‘разговаривать, беседовать’, ср. *буторить* (можно объяснить как *ба-* и *торить* ‘наставлять, внушать’); симб. *батурить* ‘нести, тащить что-либо тяжелое или громоздкое’, ряз. ‘упрямиться, ломаться’, можно проэтимологизировать как *ба-* и *турить* (ср. близкое *натурить*, *натуривать* ‘пригонять и нагонять’ и курск. *натурить* ‘неволивать, силовать’); иркут. *бахряк* ‘о здоровом, полном ребенке, подростке’ (< *ба-* и *хряк*) [Горячева 1982: 108].

Теперь перейдем к предполагаемому суффиксу. В «Грамматическом словаре русского языка» А. А. Зализняка [Зализняк 1977: 599] дан определенный ряд слов с похожей структурой:

вахирь ‘порода диких голубей’, ‘веревочная сетка для сена’;

мизгирь ‘паук’ (другая ступень вокализма *мазгарь* [ЭСФ II: 558], ср. вариативность *балакирь* / *балакарь*);

пустырь ‘опустевшее или незастроенное место, промеж жилья’ [Даль 2003 III: 903];

цифирь ‘способ записи чисел с помощью букв славянского кириллического алфавита’ (другая форма *цыфарь*). Сущ. *цифра* имеет корневое *-р-*,

поскольку является заимствованием через польск. *cyfra* или нем. *Ziffer* 'цифра' из итал., ср.-лат. *cifra* от араб. *ṣifr* 'пустой, нуль' [там же IV: 303], а указанные выше слова представляют собой русскую обработку с использованием русских суффиксов *-ирь*, *-арь*, обозначающих некий набор, совокупность;

В сущ. *снегирь* можно произвести следующее морфемное членение: суффикс *-ирь* и корень *снег-* [Кузнецова, Ефремова 1986: 316; ЭСФ III: 698]. В сущ. *вахирь* Н. В. Горяев выделяет корень *вах-*, предлагая сравнить с диал. *вах* 'ветвь' [Горяев 1896: 62]. В сущ. *пустырь* А. И. Соболевский выделяет суффикс *-ырь* и производит данное слово от **pustь* (ср. *пустой*) [ЭСФ III: 411]. В двух других лексемах наличие словообразующего суффикса *-ирь* (вариант *-арь*) предположительно.

Суффикс *-арь* может являться нерегулярной словообразовательной единицей, выделяемой в именах существительных мужского рода со значением вместилища, совокупности того, что названо мотивирующим именем существительным, напр., *словарь*, *стихирарь*, *букварь* [Ефремова 1996: 58]. Напомним, что *балакирь*, *балакарь* — сосуд для молока, т.е. вместилище того, что названо мотивирующим словом с корнем *-лак-*.

При анализе слова *балакирь* и его вариантов существенно понимание грамматических характеристик. Как было отмечено выше, встречаются формы данной лексемы на твердый и мягкий согласный. Чем можно объяснить такое различие?

Ответ на этот вопрос можно найти в параграфе, посвященном диал. сущ. *пестер(ь)*. Кратко напомним, что в склонении на согласный именительный падеж имел твердую основу, а косвенные — мягкую. Этим различием объясняется колебание в твердости-мягкости.

То же самое можно в принципе предположить и относительно форм *балакер* — *балакирь*. Мягкий *-r'* появляется из косвенных падежей. Чередование *-r* и *-r'* является признаком того, что раньше слово *балакер* относилось к склонению на согласный.

Чеш. *játra*, болг. *ятро* 'печень', которое также относится к склонению на согласный, имеет предметное, как и *балакер*, значение. Это два примера названий неодушевленных предметов, относящихся к склонению на согласный [Трубачев 1964: 72]. Перечисленные выше слова доказывают, что, несмотря на отсутствие регулярности рефлексов, *-er* сохранялся в общеславянском языке, и мы имеем право утверждать возможность такого суффикса в русском слове *балакер*, т.к. оно может являться глубоко архаичным. Общеславянские суффиксы проявляют себя и в русском языке.

§ 2. Глѣк

В настоящем параграфе в центре этимологического рассмотрения окажется диал. суш. *глѣк*. *Глѣком* обычно называется глиняный горшок, кринка, горлач, балакирь. Слово характерно для говоров южных и западных регионов России [Даль 2003 I: 583]. Так, *глек* ‘узкая длинная корчажка’ широко представлено в воронежских говорах; *гилѣк*, *глек* ‘глиняный рукомойник’ — в брянских, курских, смоленских, самарских, орловских, псковских говорах [ЭСЛРЯ I: 92]. В говорах Тверской области зафиксировано слово *гличик* со значением ‘ковш с ручкой для воды’ [ТСГТО 2004 3: 60]. Т.о., изучаемая нами лексема не имеет замкнутого диалектного ареала.

По форме глиняная посуда восточных славян делится на три основных типа. Она может иметь форму овала, цилиндра или усеченного конуса, повернутого основанием кверху. Так, напр., воронеж. *глѣк* имеет форму неправильного цилиндра [Зеленин 1991: 138].

Укр. *глек*, *гличик* ‘горшок, кувшин (для молока)’, блр. *глѣк*, *гляк*, *гличек* ‘круглый горшок с коротким горлышком’ О. Н. Трубачев относит к юго-западным восточнославянским диалектизмам, неизвестным собственно великорусским говорам, отмечая при этом, что южные и западные славянские языки также не знают этого названия [Трубачев 1966: 217]. Уменьш. укр. *гличик*, кроме значения ‘маленький кувшин’, имеет также значения ‘внутренняя труба в самоваре’ (по-русски она называется *кувшин*) и ‘род детской игры’; *жовті гличики* ‘*Nuphar luteum*, водяная лилия’, так же, как и рус. *кубышка желтая* с тем же значением, названы, по-видимому, из-за сходства формы семенника с кувшином [Гавлова 1968: 97]. Устойчивое юго-западное употребление указанных слов, по мнению В. П. Строговой, сохраняется и в наше время [Строгова 1993: 180], хотя в словарях литературного русского языка ни один из фонетических вариантов данного обозначения посуды не отмечен.

Существительное представлено в древнерусских памятниках в разных формах и контекстах употребления. Опишем подробности значения изучаемого нами слова, отмеченного некоторыми словарями:

др.-рус. *гълькъ* ‘сосуд (для вина)’:

Десять глекъ вина. Держаше гълекъ мира;

гълекъ, глькъ, голкъ ‘сосуд, кувшин’, *голькъ* ‘рукомойник’:

*Омываиѣа чашам и голком и мгѣднѣимъ (чьбаномъ). Обихода ть около бра-
тѣи, въ гъльцѣхъ оукропѣ имоуще испльнѣ въ роукоу и чрълלותь комоуждо*
[Срезневский 1989 I: 612].

Слово несомненно древнее, зафиксировано также в СРЯ XI–XVII вв.:

*Держаше гълекъ мира бѣѣиѣ пѣнѣ (XIII). Десять глекъ вина. Тяжкое и легкое или въ
глькахъ зрѣтѣя; якоже на мгѣрилѣ меримыхъ. Гъльком и стьяляницами и блюдом и
инѣ м сосудом крѣиенѣя пѣстью руцѣ умывають (XVI) [СРЯ XI–XVII 4: 32].*

Как замечал Ф. П. Филин, первые примеры на употребление *глькъ*, *гълькъ* ‘глиняный сосуд’ приходится на южнорусскую письменность XII в. (Киевское Мстиславово евангелие начала XII в. и др.), свидетельствуя о раннем существовании этих слов [Филин 1972: 528].

Обратимся к лексике берестяных грамот. Как верно указывает В. П. Строгова, они удревляют фиксацию изучаемых слов в сравнении с другими письменными источниками на 100–125 лет, что важно для подтверждения древности жизни слова на русском северо-западе, а также в древнерусском языке эпохи Киевского государства. Сохранение изучаемых слов в современных новгородских и других северо-западных говорах свидетельствует о непрерывной жизни их на протяжении многих веков [Строгова 1993: 183]. Берестяная грамота № 429, датируемая первой половиной XII в., содержит описание имущества, где приводится слово *гълькъ* (в грамоте *гълько*) со значением ‘глек, рукомойник’:

Монисто, оусьрязи, кожоуха <...> шьсть гоубиць <...> оков[еи]ь мед <...> гълько, ларь.

В современных новгородских говорах известно *глек* ‘кувшин, горшок’ и ‘глиняный рукомойник’. Первое значение встречается реже, чем второе. В значении ‘рукомойник, умывальник’ употребительно и *гелёк* [там же: 179]. В украинском языке встречаются следующие примеры:

Глекъ ‘высокий горшок с ушком’:

Десять глекъ вина. В збану або в’ глеку. Я <...> вкрал <...> меду глекъ. Найдено еи (св. голову) в’ глеку. Есть и в глеку молоко, да голова не влезет. Глек цекований и корцей два медяных. Какъ сищець муравю, оной набери в глек. Единъ глекъ кварть какбы в чотире;

гличикъ, глечокъ — уменьш. от *глекъ*:

Гличикъ шлѣонскій. Марія <...> взявши глечокъ пошла по воду. Санки <...> я <...> окововаль, за якую окову далъ мне (сотникъ) глечокъ горелки;

глечичокъ — уменьш. от *гличикъ*:

Глечичковъ льмонныхъ тры [Тимченко 1930–1932 I: 527].

Я. Б. Рудницкий приводит формы интересующего нас слова с датами их употребления:

В збану або в’ глеку (XVI), глекъ (1699) в’ глеку (1678) в глеку (XVIII), в глек (XVIII), глекъ (XIII), гълькъ, голкомъ (1117, 1307), гличик, глекар (1748), глечокъ (1755), глечичокъ (1764) [Рудницкий 1962–1972 I: 642].

Гилёк ‘глиняный или чугунный рукомойник (умывальник)’:

Старики называли рукомойник — гылёк, глиняные такие, з двума носиками и два ушка, верёфку — и к потолку. Гильки накупались муравляные, глиняные и лужоные, чугунные, гилёк наклонши, у яво насок был, вада-та в насочик бегла. Гилёк, раншиэ гильки были чугунные, круглые, провьльчины зацпляли и вешали, как каски салдатские, вада черес край. А параншиэ мы мылись з гилька, теперь

рукамойник, а раньше гилёк такой, навешэна на верёфку, два рашка, туда и сюда. Гилок висит над лаханью, на руки сливаши ы на лицо прыскаши;

гилёчек ‘маленький гилёк’:

Лейтя в гилёк вады, гилёчек чугунный, прицэпиши к пьталку;

гилок, гылёк ‘котелок’:

Мама, стафь гилёк на стол;

гличик ‘глиняный кувшин с широким дном и узким горлом’:

Налейте гличик малака [ПОС 6: 161–162, 179];

укр. *глек*, *гличик* ‘глиняная посуда; толстый самовар’, рус. диал. *гилёк* ‘рукомойник’, ст.-слав. *голец* ‘посудина, используемая как мера сыпких тел’, блр. *гляк* ‘глёк’, др.-рус. *гълькъ*, *гълекъ*, *глекъ*, *голькъ*, *голкъ*, польск. *hlak*, *lak* < блр. *гляк*, *hleak* < укр. *глек* [ЕСУМ 1982 I: 522];

Интересно отметить, что различные диалекты характеризуются широким разбросом значений для сущ. *глёк*. Так, в курских говорах оно означает ‘глиняный кувшин с узеньким горлышком, удобный для носки и в путешествии для воды, вина, квасу и других жидкостей’:

Сторожу отнеси миску и глек. Глек, их зовут и кувшины. Молока гличик отнесла на покос. Кувшины для молока гличиком называют. Кто гличик, кто кувшин. Потом вымоешь чаши и гличик. Я же накрывала гличик блюдцем. Гличик — в ем молоко отстивается; говорим и кринка, чаще крынка; кипячим молоко в чем придется;

в смоленских — *глек*, *гляк* ‘глазированный кувшин с ручкою’, ‘узкая глиняная корчажка’; в брянских — ‘горшок с носиком, в котором хранилось конопляное масло’; в курских — ‘глиняный рукомойник’; в Прейл. у. Латвии ‘жестяная посудина для керосина’:

Глек надо купить;

гличка — кринка с молоком:

Наш кот — сатана сегодня всю гличку разлил, видать за мышом поднялся [СРНГ 6: 195–196].

Обратимся к существующим точкам зрения на происхождение разбираемого нами слова.

М. Фасмер дает *глек* ‘глиняный горшок’ с пометой южн., зап., ссылаясь на В. И. Даля, а также укр. *глек*, др.-рус. *гълькъ*. Этимология им не приводится [ЭСФ I: 412].

В [ЭСлРЯ I: 92] наше слово считается диалектным. Вероятно, образовано от того же корня, что и *глей*, *глина*, восходящих к и.-е. **gloi*.

Э. Бернекер предлагал сравнить с *глей* ‘глина’ [Berneker 1908–1913 I: 310]. Однако М. Фасмер пишет, что формы *глек*, *гольк* затрудняют такое сближение [ЭСФ I: 412]. В свою очередь Е. Гавлова обращает внимание на то, что праформу **gļjъ* нельзя совместить с рус. *гольк*, др.-рус. *гълькъ*

[Гавлова 1968: 98]. Действительно, нет никаких свидетельств того, что в корне **glb-* между **g* и **l* в индоевропейском языке имелся гласный. Данное недоразумение она объясняет тем обстоятельством, что «Бернекер знает и приводит только укр. *глек*, которое, по его мнению, тождественно рус. диал. (влад.) *глѣк* ‘слизь, сукровица, гной’» [там же]. В действительности это разные слова с различной фонетикой и происхождением.

В словаре И. И. Срезневского приведены др.-рус. формы *гълькъ*, род. п. *гълька* ‘сосуд, кувшин’ и *глек/гълекъ* ‘сосуд (*глекек*)’ со ссылкой на Мстиславово евангелие до 1117 г. и др. [Срезневский 1989 I: 519, 612]. А. Г. Преображенский, как и Э. Бернекер, считал, что производящей основой послужило сущ. *глей* ‘липкая, мокрая глина’, к основе которого присоединился суффикс *-къ*. Если реконструировать праформу **gloi-ko-*, то можно предположить, что изначально слово имело вид *глькъ* [Преображенский 1989 I: 125]. Однако такая праформа очевидным образом противоречит древнерусским данным. Это понимал сам А. Г. Преображенский, и на это обращал внимание М. Фасмер [ЭСФ I: 412]. Е. Гавлова в своей краткой, но содержательной статье четко обрисовывает происхождение разных современных славянских форм через различные выравнивания и последующие заимствования [Гавлова 1968: 97].

Сомнения А. Г. Преображенского и критика М. Фасмера не оказали воздействия на мнение Н. М. Шанского, который продолжал связывать анализируемую лексему с сущ. *глей* ‘глина, клей’, восходящим к и.-е. **gloi-* [ЭСлРЯ I: 92].

О. Н. Трубачев в «Ремесленной терминологии» утверждал, что «перед нами старое, еще праслав. **gьlkъ*, название ограниченного распространения, связанное (**gьl-къ*) <...> с праслав. **gьljь*, также ограниченного распространения: укр. *глей* ‘вязкая, глинистая почва’, блр. *глей* ‘ил’» [Трубачев 1966: 218]. Логика О. Н. Трубачева, который в данном случае следует за Э. Бернекером и Я. Рудницким, понятна, однако такое сближение заставляет задуматься, поскольку в славянских языках вообще неизвестно ни одно название гончарной посуды, образованное от наиболее активного варианта основы — **glin-*. Это уже придает данной этимологии привкус гипотетичности. Однако решающим моментом оказывается то, что древнерусские формы фонетически необъяснимы в связи с *глей*. Этот факт О. Н. Трубачев признал в [ЭССЯ 7: 192], приведя на этот раз заглавную форму в виде **gьlьkъ*.

Очень неопределенно толкование А. Брюкнера, который связывает **gьlьkъ* с польск. *głeń* ‘ломоть хлеба’, возводя оба слова к корню **gũl-*, возможно, связанному с лит. *gulti* ‘лежать’, но, скорее, лежащего в основе нем. *Knäuel* (< *Kläuel*) ‘клубок’, *Kugel* (< *Klugel*) ‘шар’, *Klotz* ‘колода, чурбан’, греч. *γλυτός* ‘что-то круглое’ [Brückner 1957: 141, 172].

И. Носович и Ф. Славский сопоставляли наше слово с глаголом **gьltati* ‘глотать’, но, как справедливо пишет Е. Гавлова, с семасиологической

стороны формы **glbt-* и *gьlьkъ соединять нельзя [Гавлова 1968: 97], а в фонетическом отношении данная реконструкция также уязвима, как и сравнение с *глей*.

Несколько больше шансов у этимологии, предложенной Е. Гавловой, которая, как и литовский исследователь К. Буга, сопоставляет наше слово с греч. *γαλός* ‘кувшин, круглый сосуд для воды или молока; круглый улей’, *γάλλας* ‘вид чаши’, др.-инд. *golah* ‘круглый сосуд для воды’, др.-евр. *gullā* ‘круглый сосуд для молока’, аккад. *gullatu* ‘вид сосуда’, араб. *gulletā*, ‘кувшин для вина’, араб. *qulla* ‘кувшин’, груз. (возможно, заимствованном из араб.) *kula* ‘узкогорлый кувшин для вина, из дерева или из сушеной тыквы’, ссылаясь на Ю. Покорного, который приводит эти слова как производные от индоевропейского корня **geu-* ‘сгибать, округляться’. Упомянутое греческое слово, чаще всего с вторичным ударением, обозначает также ‘круглое финикийское грузовое судно’ и соединяется с др.-исл. *kjóll*, исл. *kjóll*, др.-англ. *cēol*, др.-сакс. и др.-в.-нем. *kiol*, *kēl* ‘корабль, судно’. Е. Гавлова объясняет это тем, что названия сосудов часто применяются для наименования судов, ср., напр., рус. *судно* ‘сосуд’ и ‘корабль’. Но если профессор Буга считал все эти слова исконно родственными, то вывод Е. Гавловой заключается в том, что в данном случае мы имеем дело с культурным термином восточно-средиземноморской области, распространившимся на север к славянам и германцам [там же: 98–99] (у славян проникло только в восточную область, где и было преобразовано на местный лад с помощью славянского уменьшительного суффикса *-икъ* или *-ьсь*) и на восток к индийцам. Возможно его семитское происхождение.

Мы в свою очередь позволим себе не согласиться с вышеизложенным мнением Е. Гавловой, поскольку такое древнее сепаратное заимствование (присутствует в восточнославянских языках, но отсутствует в западно- и южнославянских языках) представляется нереальным. Кроме того, сопоставление с аккад. *gullatu* ‘вид сосуда’ следует также отвергнуть с точки зрения культурной истории ввиду очень большого хронологического разрыва.

Напротив, мнение о большой исконной древности лексемы *глѣк*, вытекающее из сопоставлений К. Буги [Būga 1959: 295], делает непонятным ее отсутствие у западных и южных славян. Данный факт указывает на довольно позднее появление этого существительного (позднее VI в., т.е. после разделения южных и восточных славян).

Заканчивая таким образом историю вопроса о возникновении этого важного в восточнославянской культуре слова, мы видим, что было выдвинуто немало этимологических версий, но ни одна из них не является безусловно убедительной. Все указанные обстоятельства дают нам основания продолжить анализ и предложить альтернативную версию происхождения для лексемы *глѣк*, связав ее со словом *гусли*. Нас побуждает об этом говорить роль музыкальной культуры в жизни древних славян.

Как известно, материальная жизнь древних славян, развитие их социальных отношений, духовная жизнь нашли отражение в их языке, который оказывается наиболее прочной, содержательной и богатой исторической памятью славянства.

Наличие в языке древних славян тех или иных слов, названий позволяет установить, что в тот или иной период они были знакомы с теми или иными предметами и явлениями.

Песенное искусство древнейшего периода было очень развитым. Песня глубоко проникала в жизнь человека, сопровождая всю деятельность человека от рождения до смерти. Праздники, труд, события личной жизни человека — всюду присутствовала песня, заполняя труд и досуг, охватывая разные эмоциональные сферы. Пение интересно еще и тем, что оно хранит в себе следы древнего видения мира.

Музыкальная культура славян не ограничивалась песенным творчеством. Наряду с ним была распространена и инструментальная музыка, струнная и духовая. В Древней Руси существовало два изначальных понятия — музыка и пение. Игра на струнных музыкальных инструментах называлась гудением, на духовых — сопением [Владышевская 2006: 37]. Безусловно, как и в любой архаичной культуре, в русской музыке был и ударный компонент (см. ниже), но специального термина для такого вида игры мы не знаем. Одним из наиболее распространенных инструментов в Древней Руси были гусли. Название последнего — из праслав. **gǫd-sl-i*, связанного с *guděť* [ЭСФ I: 477]. Допустимо искать древние связи между этим глаголом и словом *глѣк*. Иными словами, мы предлагаем видеть в основе номинации анализируемого нами слова его архаичную функцию обозначаемого им явления. В исторический период *глѣк* играет роль вместилища для различных веществ. Но это не исключает возможности того, что в более раннее время этот же предмет использовался в качестве музыкального (ударного) инструмента. Для материального предмета выбор мотивировочного признака по функции вполне естествен. Т.о., мы подводим сущ. *глѣк* к глаголу *гудеть*.

При таком понимании праформа **gьl-ьk-ь* не является первичной. Ее более ранний вид предлагаем реконструировать следующим образом: **gǫd-l-ĭk-ŭs*. Известно, что в русском, украинском и белорусском языках сочетание **dl* представлено в упрощенном виде, в отличие от западнославянских языков, которые сохраняли эту группу согласных. Данный факт находится в связи с общепринятым мнением о том, что польские формы, родственные нашему слову, заимствованы из восточнославянского. В целом анализируемое слово выглядит восточнославянской инновацией на базе исконных морфемных единиц. При этом *ь < ĭ* мы рассматриваем как нулевую ступень аблаута без носового инфикса, подобно лит. *gaudžiù, gàišti* ‘звучать, гудеть’, *gaudonė* ‘овод’, лтш. *gáudas* ‘плач, жалоба’ [там же: 470].

Косвенным свидетельством того, что *глѣк* относится к этой лексической группе, могут служить *гул*, *разгул*, *гулять*³. Последнее из них имело в литературе различные толкования, см. [там же: 473–474], которые в целом являются неудовлетворительными. В настоящее время популярностью пользуется объяснение из **god-*, предложенное Р. О. Якобсоном [по ЭССЯ 7: 173]. Несмотря на замечания О. Н. Трубачева, оно представляется убедительным. Ср. о сущ. *гул*: «Праславянская форма могла быть **gudlъ*, с корнем (**gud-*), представляющим собою неназализованный вариант к о.-слав. **god-* (ср. польск. *gędzić*; рус. *гудеть*)» [Черных 1993 I: 226]. Первоначальное значение звукопроизводства в глаголе *гулять* может быть сопоставлено с современным жаргонным *гудеть* в значении ‘гулять, пьянствовать’.

С точки зрения аблаута *гулять* является недостающим звеном в цепи, соединяющей рус. *глѣк* с лит. *gaudžiù*, поскольку в *гулять* проявляет себя полная ступень, как в литовском слове. Реконструкция сочетания **dl* оправдана восточнославянским характером слов этой группы (похожие польские, чешские, словацкие и болгарские слова большинство исследователей считают заимствованиями из русского языка) [см. подробнее ЭСлРЯ I: 196; Черных 1993 I: 226].

Реконструируемый нами суффикс **-l-* при глагольном корне естественно рассматривать как суффикс причастия прошедшего времени. Сделанные выше сопоставления также позволяют подтвердить наше предположение о первоначальном суффиксальном характере **-l-*. Как суффикс *-l-* рассматривает Н. М. Шанский [ЭСлРЯ I: 195].

Обычно суффиксы, не утратившие своей продуктивности в современном русском языке, могут быть выделены в слове без особого труда. Иное дело, когда этимологу приходится сталкиваться с устаревшими суффиксами, особенно если они настолько прочно вросли в слово, что, с точки зрения современного языка, вообще не могут быть отделены от корня [Откупщиков 1968: 63].

Специальные ударные инструменты в древнерусской музыкальной культуре немногочисленны:

баклуша ‘музыкальный инструмент, похожий на деревянную миску, по которой бьют деревянными клюшками’;

било (похожее на блюдо);

трещотки ‘ударный музыкальный инструмент: набор деревянных пластинок или досок’;

бубен ‘металлический котел с натянутой кожаной мембраной’. Удар по мембране производился с помощью колотушки;

пастуший барабан ‘цельная деревянная доска со слегка скошенными или закругленными верхними углами’ [Гуленко 2006].

³ Родство этих слов признают Э. Бернекер, А. Брюкнер, Ф. Славский, П. Я. Черных. См. [ЭСлРЯ I: 196; Черных 1993 I: 226].

Для замены таковых часто использовались предметы домашней утвари. Напр., барабаны заменяли горшками. То же самое можно сказать о тарелках, ложках, рогах домашних животных (использовались в качестве сосуда и как музыкальный инструмент). Использование посуды не по основному ее назначению, а для подачи звукового сигнала отмечено уже в Мстиславовой грамоте ок. 1130 г.: ... *велѣлъ ксмь бити въ нк (блюдо) на шбѣдѣ* [Срезневский 1986: 46].

Отмечается использование следующих материальных предметов для замены ударных инструментов:

рубель ‘инструмент для прокатки (разглаживания) домотканых льняных изделий’; также использовался как музыкальный инструмент: одной рукой держат инструмент за ручку, другой рукой — ложку либо деревянную палочку, которой быстро проводят по ребристой стороне;

ухват ‘приспособление, при помощи которого ставили и вытаскивали из русской печи чугуны и горшки’. Торцами ухватов отбивали об пол плясовые ритмы;

рогач ‘приспособление для сушки кухонной посуды’; применяется в деревнях Орловщины в качестве ударного инструмента;

коса ‘инструмент для распиливания’; на ней также играют, предварительно сняв с древка. Одной рукой держат косу за основание острием вниз, другой рукой — большой гвоздь и выбивают о косу различные ритмы.

Все это имело две функции.

Для развития слуха маленьких детей родители играли с ними в игру «Музыкальные бутылки». В стеклянные сосуды, напр., бутылки, или рюмки, или стаканы набирали воду и ударяли по горлышку ложкой, держа ее (ложку) за самый край.

Предмет мог получать и более сложную музыкальную функцию. Поющая пила — это музыкальный инструмент, своего рода «окультуренная» пила, на котором играют как смычком, так и наперстком. Пила левой рукой сгибается в два-три или больше раз, в зависимости от чего изменяется звуковая высотность этого инструмента [Гуленко 2006].

Варган — музыкальный инструмент. Его использование доказывает, что в самое древнее время существовала бифункциональность предметов быта, орудий труда и охоты. Полагают, что родоначальником варгана был лук, появившийся в доисторические времена, в эпоху мезолита, приблизительно 9–12 тысяч лет назад: человеку было достаточно упереть один конец лука себе в небо или в зубы, а другой в землю, и смертоносное орудие превращалось в музыкальный инструмент, на котором играли ударяя пальцами или палочками по тетиве [Коненко].

В руках шутов часто в качестве инструментов начинали «звучать» самые, казалось бы, не подходящие для музицирования предметы.

«Употребление предметов в несвойственной для них роли — один из приемов буффонной комикки. Повседневные вещи как бы «обновляли»,

вводя их в иную сферу бытования, и тогда оно получали неожиданное, смешное переосмысление. Фантастическое музицирование отвечало карнавальному мироощущению, когда как бы стирались привычные грани между предметами, все становилось неустойчивым, относительным» [Даркевич 2004: 259].

В качестве эксцентрических инструментов выступали воздуходувные мехи со щипцами-смычком. На кузнечных мехах играли и плектром, как на лютне. Смычком служили грабли, которыми водили по виоле, по клюшке для игры в мяч, хлебному снопу или челюстной кости. Трубами оказывались метлы и прялки. В качестве музыкального реквизита употребляли кухонную утварь: надев на голову котел, играли щипцами на рашпере или палкой на большой ложке-«виоле». Иногда ложка оборачивался смычком, а щипцы — виолой. Карнавальными атрибутами ряженных служили сковороды и рашперы, из которых ножами извлекали режущие ухо звуки [там же].

Приведенный в настоящем параграфе материал, с нашей точки зрения, свидетельствует о возможности пересмотра этимологии сущ. *глѣк* в пользу гипотезы о его производности от глагола *гудеть*. Рассматривая различные способы применения посуды, мы обнаруживаем, что некоторые предметы домашней утвари использовались в процессе звукопроизводства. Возможно предположить, что кувшин употреблялся в такой вторичной функции, и сущ. *глѣк* по внутренней форме обозначало ‘некий музыкальный инструмент’.

Семантические и формальные отношения, которые мы выше старались реконструировать, носят достаточно архаический характер, о чем можно судить по утрате словом *глѣк* словообразовательной продуктивности. Кроме того, его древность подтверждает сопоставление данных о сущ. *гълькъ* по письменным памятникам и историческим словарям с фактами новгородской берестяной грамоты № 429. Употребление его было гораздо шире, чем это представлялось Ф. П. Филину в названной выше монографии: *гълькъ* было известно в XII в. не только южнорусской письменности, но и письменным источникам Новгорода, связанным с бытом. Кроме того, наличие слов *глек* (*гелѣк*) и уменьш. *глечек*, *глечик* в современных новгородских говорах свидетельствует о непрерывном его бытовании на северо-западе в течение девяти веков. Следует подчеркнуть и то, что наши данные (исторические и современные) уточняют ареал изучаемого слова, а также указывают на изменение семантики, обусловленной его новой функцией реалии (ср. *глек* ‘кувшин’ и ‘рукомойник’).

§ 3. *Егол*

В данном параграфе попытаемся осуществить лингвистическую реконструкцию и постараемся установить этимологию диал. сущ. *егол* ‘черепок’. В русских говорах встречаются также фонетические варианты *ягол*, *еголь* и

суффиксальные производные *егóльник*, *ягóльник* ‘глиняный печной горшок’ [ЭСФ I: 8].

Сущ. *егол* представляет несомненный интерес с точки зрения своего происхождения. В самом авторитетном «Этимологическом словаре» М. Фасмера данное слово дано с пометой «неясно» [там же]. Это обстоятельство обуславливает исследовательский интерес к его происхождению.

По своему фонетическому облику исследуемая лексема, на первый взгляд, напоминает заимствование. Известно, что, во-первых, обычно заимствуются слова для тех понятий, которых не было в исконном языке (названия одежды, утвари, кушаний), а во-вторых, некоторые слова исконного языка могут замениться словами языка «завоевателей» — это будет лексика из тех сфер, которые обслуживались языком «завоевателей». Поскольку при заимствовании большого количества слов из одного языка в другой между этими языками возникают регулярные фонетические соответствия, устанавливая влияние одного языка на другой, очень важно уметь отличать исконно родственные слова от заимствований. Хотя выбранное нами существительное имеет структуру, не совсем характерную для исконных слов русского языка, мы попытаемся доказать его исконное происхождение.

В. И. Даль, основываясь на значениях производных существительных (ряз. *егольник*, *ягольник* ‘горшок щаной или кашник’; тамб. ‘малый кашничек’: *Ягольник яруя, двухвостка, возьми-ка цупызник, да цупызни яго!* — *Горшок перекипает, невестка, возьми-ка уполовник, да уполовни его* [Даль 2003 I: 845]), неуверенно предполагает родство данной темы с польск. *яглы* ‘пшено’. У М. Фасмера почему-то для польского слова приводится форма ед.ч. *jaġla* [ЭСФ I: 8], ср. мн.ч. у А. Брюкнера [Brückner 1957: 197]. Основное внимание этот последний уделяет проблематичному происхождению русского слова *яглый* ‘быстрый’ [там же], а П. Скок весьма неопределенно намечает сближение серобохор. *jàġla* ‘просо’, с одной стороны, со словом *ягода*, а с другой стороны, со словом *игла* [Skok 1971 I: 745]. Такой подход характеризуется расплывчатостью, и весь богатый материал, представленный в данной статье его словаря, не дает однозначных перспектив для решения интересующего нас вопроса.

Значение исходного, бессуффиксного слова никак не свидетельствует в пользу гипотезы В. И. Даля: *еголь*, *егол*, *еголесик* ‘черепок от битой посуды, иверень⁴, верешок’ [Даль 2003 I: 845]. В рязанских говорах *егол*, *еголь* — ‘черепок от глиняной посуды’, 1858 г.; в тамбовских, томских, тульских, самарских и др. *егольник* — ‘небольшой горшок для каши’, ‘малый кашничек’ [СРНГ 8: 316]. К сожалению, в других словарях данной лексемы не обнаруживается.

---

⁴ Это малоупотребительное ныне слово означает ‘щепа, ощепок; черепок, осколок’ [Даль 2003 II: 6].

Анализируемое слово по своей семантике напоминает *глѣк* ‘глиняный горшок’. Отличия во внешней форме заключаются в том, что

1) у сущ. *егол* имеется корневой гласный *о*. Однако он может происходить из *ѣ* в сильной позиции;

2) в *егол*, *ягол* имеются начальные гласные *е* и *я*. Если это слова родственные, то они (гласные) должны иметь префиксальный статус⁵. Действительно, в русском и славянских языках отмечается префикс *я-* в качестве приставки с ослабляющим или приблизительным оттенком значения. См. [ЭСФ IV: 537]:

Таблица 2.

без приставки	с приставкой
рус. <i>вода</i>	рус. диал. <i>яводь</i> ‘струя, быстрина’
с.-слав. <i>скждь</i> ‘безобразный’	с.-слав. <i>яскудь</i>
ст.-слав. <i>гжгивь</i> ‘косноязычный’	с.-слав. <i>ягугнивь</i>
рус. <i>вдовица</i>	болг. <i>явдовица</i> ‘вдова’
сербохорв. <i>запад</i> ‘тенистое место’	сербохорв. <i>јапад</i> ‘тенистое место’
блр. <i>кориць</i> ‘корить’	блр. <i>якориць</i>

Такая же приставка обоснованно выделяется в анализируемых словах при предлагаемом нами этимологическом решении: **гьль > я-гол > е-гол*;

3) в сущ. *глѣк* наличествует отрезок *-ѣк*. При сравнении с **гьль* понятна функция данного отрезка как первоначально уменьшительного суффикса.

Имеющаяся в словаре И. И. Срезневского форма *гольк* ‘рукомойник’ (*гольк* ‘сосуд, кувшин’) [Срезневский 1989 I: 612] свидетельствует о том, что между *г* и *л* некогда был гласный, который в сильной позиции прояснился. Причем он мог быть даже вторичным, а не органичным. Т.о., *егол*, *ягол* понимаются как однокоренные слова с лексемой *глѣк*, в составе которой мы вычленим уменьшительно-ласкательный суффикс. Тогда как *егол*, *ягол* представляют собой бессуффиксальные образования, но имеющие приставку со значением приблизительного сходства.

Гипотеза о префиксальной производности сущ. *егол*, *ягол* объясняет редкость этих существительных по сравнению с *глѣк*, т.к. указанная приставка сама по себе является редкой. Это дополнительное, хотя и косвенное свидетельство в пользу того, что данные существительные вполне могут являться префиксальным ответвлением от сущ. *глѣк*. С историко-фонетической точки зрения такое родство допустимо и не вызывает никаких противоречий.

Т.о., мы полагаем, что в основе заглавного существительного лежит тот же самый корень, что и в сущ. *глѣк*. Подробнее об этом корне можно про-

⁵ Форма *ягол*, по всей вероятности, является первичной по отношению к *егол*. Мы это утверждаем потому, что безударное *е* может отражать редукцию безударных гласных.

читать в нашей статье [Ягинцева 2010а], где разбирается происхождение названного слова, или в предыдущем параграфе.

Исходя из сказанного, можно полагать, что вынесенное в заголовок сущ. *е(я)гол* является по происхождению причастием на *-л-* от глагола *гудеть*, осложненным при переходе в существительное приставкой *я(е)-*. Реконструируемая праформа *егол* выглядит так: **ē(ā)-gŭd-lъ*.

Для материального предмета выбор мотивировочного признака по функции вполне естествен. В данном случае мы предполагаем двойную функцию: во-первых, это бытовой сосуд, а во-вторых, музыкальный инструмент. Поскольку некоторые предметы домашней утвари использовались в процессе звукопроизводства, кажется естественным, что и наш щаной горшок употреблялся в такой вторичной функции. С этим связана и его внутренняя форма.

Дальнейшее семантическое развитие проходило по двум направлениям. Одно направление — ‘ущербный горшок’ и далее — ‘черепок’. Это направление оправдано «ослабляющим» значением приставки. Другое направление сохраняет в производных существительных *глек*, *гличик*, *егольник*, *ягольник* воспоминание о применении данного предмета для варки пищи.

Подытожим наши наблюдения. В ходе лингвистического анализа с опорой на этнографические факты мы выдвинули свою этимологию для лексемы *егол*, предположив его родство с сущ. *глѣк* и приведя аргументы в пользу их происхождения от одного общего глагола. Внутренняя форма диал. сущ. *егол* удовлетворительно объясняется через генетическое родство с глаголом *гудеть* и с параллельным субстантивным образованием *глѣк*. Если анализируемая лексема сейчас однозначно интерпретируется как ‘черепок’, то в далеком прошлом она могла быть истолкована синкретически как ‘предмет кухонной утвари / музыкальный (ударный) инструмент’.

§ 4. *Каганец*

Настоящий параграф посвящен изучению лексемы *каганец* ‘светильник с фитилем из ткани, пропитанной маслом; жирник’, ‘светильник в виде черепка; плошки, в которые наливают сало или растительное масло и кладут фитиль’ (южные и западные говоры: воронежские, краснодарские, орловские, брянские, смоленские и др.) [СРНГ 12: 296]. Данный бытовой термин до сих пор не получил удовлетворительного этимологического решения. Слово, несмотря на многочисленные попытки, бесспорно, не объяснено. В словаре М. Фасмера в статье *каганец* читаем: «Неясно» [ЭСФ II: 155]. Обозревая известные этимологии интересующей нас лексемы, он справедливо признает их сомнительными и недостоверными.

Несмотря на то, что данное существительное не получило отражения в ЭССЯ, есть определенные основания видеть в нем архаизм общеславян-

ской эпохи. Слово представлено повсеместно: ср. укр. *каганець* ‘светильник’, чеш. *kahan*, *kahanec*, словц. *kahan*, польск. *kagániec* с тем же значением, *kaganek* ‘ночник’.

А. Брюкнер указывает: «*Kaganek*, *kaganiec* ‘лампадка’, ‘подставка для свеч (в Библии)’, ‘железная корзиночка для света’. Повторяется исключительно у чехов (чеш. *kahan*), а из польского перешло на Русь. Происхождение неясно. Приросток *-an* характеризует праславянские названия посуды, следовательно, это может быть собственно польским словом» [Brückner 1927: 212–213].

Я. Б. Рудницкий [Рудницкий 1962–1972 II: 336–337] ссылается на А. Маценауэра, который предполагает заимствование из греч. *τάγηνον* (*τήγανον), ‘сковорода’ [Berneker 1908–1913 I: 468]. Такое объяснение опровергается тем, что в среднегреческом отсутствует форма на *ā* долгое, а есть только *τήγανον* [ЭСФ II: 155; там же]. Хотя рус. *таган* ‘круглый железный обруч на ножках, под которым разводят огонь, ставя на него вареву; треножник’ рассматривается как заимствование из греч. *τήγανον* ‘сковорода’ через тюркское посредство, М. Фасмер отделяет его от слов на *к-*. Х. Паасонен сравнивал с чув. *kəgan* ‘ручка на посуде’, но его значение слишком далеко [ЭСФ II: 155; IV: 9]. В «Украинском этимологическом словаре» приводятся те же версии. Кроме того, праслав. *kaganь с возможным значением ‘примитивная лампочка; намордник’ [ЕСУМ 1985 II: 337].

Таков итог различных попыток разобраться в истории и составе данного слова. Все они сопряжены с серьезными трудностями, которые делают предлагаемые этимологии очень проблематичными. К сожалению, иных, более приемлемых, этимологических решений, по-видимому, до сих пор не предлагалось, поэтому изложенный выше материал свидетельствует о необходимости пересмотра этимологии для сущ. *каганець*.

Чтобы наш анализ был наиболее полным, необходимо выяснить, претерпело ли исследуемое слово фонетические, семантические изменения. Если да, то какие. Прежде всего определим, с помощью каких словообразовательных средств оно было сформировано. Предположим, что историческое членение данного существительного на морфемы было следующим: приставка *ка-*, корень *-ган-* и суффикс *-ець*.

В ходе своего исторического развития слово нередко теряет все генетические связи, оказывается одиноком, поэтому становится неясным его морфологический состав.

К сожалению, мы до сих пор не имеем полного инвентаря славянских словообразовательных морфем. При этом если с суффиксами дело обстоит благополучнее и со времен Ф. Миклошича более или менее известен круг славянских суффиксов и — с некоторым приближением — их абсолютное количество, то значительно менее удовлетворительно обследованы префиксы [Трубачев 1972: 17]. До недавнего времени, напр., были возможны прямо противоположные высказывания по вопросу, есть ли в славянском

имена с *k-* префиксальным. Несмотря на наличие определенного материала, свидетельствующего о существовании *k-* префиксального (в вариантных огласовках *ka-*, *ko-*), до сих пор возможны этимологии, вопреки всякой очевидности, членищие то или иное слово противоположным образом [там же: 18].

Приставки *ka-* и *ko-* (*ku-*) относятся к числу архаичных аффиксов. По предположению Н. М. Шанского, в словах, этимологически содержащих в своем морфемном составе приставку *ko-*, она может выступать в виде нескольких фонетико-орфографических вариантов: *ко*, *че*, *чи*, *ка*, *ча*, *ку*, *чу* (ср. *конура*, *отчекрыжить*, *расчихвостить*, *каверза*, *кувыркаться*, псковск. *чафрыка* ‘брюзга, каприза’, *чумазый* и др.). Все они в конечном счете, как предполагают, восходят к местоимению *къ, *къ, отраженному также в словах *кой*, *кто*, *чей*, *что*, *каждый*, *где*, *куда* и др. [Шанский 1972: 203].

Ряд диалектизмов отражают уже вышедшие из живого употребления древнейшие (архаичные) способы словообразования, в частности славянские образования с архаичными префиксами. Напр., новосиб. *ко-сорочка* ‘домотканая нательная рубашка’, *ку-разёнок* ‘незаконнорожденный ребенок’, *ко-носиться* ‘сердиться’, рус. диал. *ка-ржаветь* ‘ржаветь’ и др. [Шарифуллин 1985: 32].

И. П. Петлева в статье «К этимологии рус. *колошматить*» анализирует происхождение этого глагола, представленного и в других восточнославянских языках. Автор предполагает его возникновение на белорусской почве как производного от прилагательного *калашматы*, с дальнейшим распространением в соседние русские и украинские говоры. Блр. *калашматы* ‘лохматый’ интерпретируется автором как образование от *лахматы* ‘лохматый’ с помощью архаичного префикса *ко-*, *ка-* (иллюстрируемого многочисленными материалами из славянских языков) [Горячева 1985: 171].

Этимологически префиксальные морфы *ко-*, *ка-*, *ку-* свободно вычлениаются во многих полесских диалектизмах: *каверт* ‘небольшая глубокая яма с водой’ < *vьrtěti ‘вертеть’, рус. *коворот* ‘затылок’ < *ворот* ‘шея’, *кавеза*, *ковеза* ‘капризник’, ср. *розвеза* в том же значении; *каверза* ‘каверза, подвох’ < *верзти* ‘говорить бессмыслицу’, *кагалузина* ‘большая ветвь’ при *галуза*, *галузина* в том же значении; *какардючка* (при параллельном *кардучка*) ‘клюка-палка с загнутым концом, употребляемая для опоры при ходьбе’, *калеска* ‘клюка’ при *леска* ‘то же’, *наковесіца* ‘нахмуриться’ из *на-ковесит*, *кадоуб* ‘кадка’, *какарака* ‘одно из двух деревьев, которые вырастают из общего корня’, при *карака* в том же значении, *кателешок* ‘чурбан’, ср. *телес* ‘ствол стоячего дерева до ветвей’ [Никончук 1979: 122-123]. Этими примерами функционирование приставок *ко-*, *ка-* не ограничивается. Дальнейшее изучение говоров пополнит список таких дериватов и позволит объяснить происхождение многих слов.

Обращение к диалектному материалу свидетельствует о том, что в народных говорах приставка *ко-* вычленяется в целом ряде слов и является

регулярной (ср. диалектные *коверзень* ‘лапоть’, *коледуха* ‘гололедица’, *калужа* ‘лужа’).

Производные слова с приставкой *ко-* и ее алломорфами частотны в южновеликорусском наречии. Регулярный характер приставки *ко-* в народных говорах позволяет считать, что ранее этот префикс был продуктивным; следовательно, он скрытно может присутствовать и в таких словесных структурах, деривативность которых (самых или их производящих) с помощью приставки *ко-* до сих пор даже не предполагается [Шанский 1972: 204]. Однако в словообразовательной системе современного русского литературного языка приставка *ко-* (во всех ее алломорфах) явно нерегулярна.

Возникает вопрос о характере значения, которое имела данная приставка и которое она добавляла к значению производящих основ. В этом отношении мы опираемся на мнение Н. М. Шанского: «Общей семантикой этих нерегулярных приставочных морф является указание на близость, приблизительность или смежность тому, что обозначено производящим словом» [там же: 205]. Сразу отметим, что на сегодняшний день определение исходного значения представляется довольно сложной задачей. В индоевропейском языке такой приставки не было. Кроме того, в современных славянских языках она проявляет себя мало продуктивной. Вот что по данному вопросу сообщает Ж. Ж. Варбот: «Функции приставки *ко-* / *ка-* в славянских языках еще не определены. Она выделяется во многих отглагольных и отыменных образованиях, в том числе в укр. *кадовб*, *кадуб*, *каверза*, *коверза*, *коворот*. Во всех славянских языках эта приставка является архаизмом [Варбот 1971: 68–69].

Очевидна ошибочность точки зрения А. Вайяна о том, что слав. **къ* может выступать только как предлог (из первоначального послелога) и не выступает как приставка, в чем А. Вайян, вслед за Э. Бенвенистом, усматривает черту близости с иранскими фактами. Однако это мнение обладает лишь кажущейся очевидностью, потому что существует значительное количество этимологически выявимых случаев как глагольной, так и именной приставки **къ* (сербохорв. *кнадити*, рус. диал. *конозить*, рус. *кандёр* и др.) [Трубачев 1961: 208].

О. Н. Трубачев не согласен с этимологами, отвергающими происхождение сербохорв. *кобацати* (и соответственно болг. *кубацам* ‘идти, подволакивая ногу’) от сложения приставки *ко-* и глагольной основы *баца-*. *Кочун*, *кукунь* (в сочетании *от кочун дядя* ‘с давних пор’) нельзя рассматривать в отрыве от сербохорватских названий прапрадеда — *чукундед*, *шукундед*, *шукунћед*, *шакунћед* [Трубачев 1983: 160].

Как нередко бывает, у любой теории имеются также противники. Напр., Ф. Копечный отрицает существование подобного префикса, проводя слишком прямолинейную параллель между слав. **къ* и иран. *ki*. В том, что это по меньшей мере неточно отражает действительное положение в славянском, можно убедиться на славянских примерах, которые нельзя объ-

яснить, не принимая **k(ь)*- префиксальное: рус. *конура*, *каверза*, укр. *ковертати*, *прикмітити*, *ков'язнути*, если брать только этимологически ясные примеры, не говоря о гораздо большем количестве случаев, где наличие приставки *кь (или ее вариантов) этимологически затемнено сильнее, хотя тоже вероятно [Трубачев 1976: 176].

Такой бытовой предмет, как *каганец*, известен жителям Воронежа, Краснодара, Смоленска, Пензы и некоторых других городов с 1848 г.: *Тряпку пропитывают воском или салом и каганец зажигают*. Кроме того, в СРНГ зафиксированы формы *каган* 'ночник, плоска', *каганец* 'примитивный осветительный прибор, иногда с ручкой; фитиль' [СРНГ 12: 296–297].

Различный осветительный материал требует различных светильников. Украинцы и белорусы, которые жгли сосновые щепки в виде чурок, пользовались довольно громоздким приспособлением, которое называлось *каганец*, или *посвіт*. В потолке в центре комнаты просверливали небольшое круглое отверстие. В это отверстие вставлялся длинный полый или специально выдолбленный древесный ствол, более тонкий верхний конец которого проходил сквозь отверстие в крыше и выступал над ней как печная труба. Нижний, более широкий конец полого ствола находился над полом помещения на расстоянии немногим более одного метра. К нему подвешивают железную решетку или противень, на которых жгут лучину, так что дым выходит через этот ствол. Вместо железной решетки использовали вертикально поставленную деревянную колоду, на которую кладут плоский камень для лучины. Вместо полого дерева часто брали полый конус, сделанный из досок или же конический холщовый мешок, обмазанный изнутри и снаружи глиной или мелом [Зеленин 1991: 309].

Для понимания внутренней формы этого слова важно иметь ясное представление об устройстве, именуемом *каганцом*. Принцип функционирования, положенный в основу данного предмета, состоит в том, что масло или жир по фитилю поступает (*гонится*) вверх, где затем возгорается. Приведенный факт свидетельствуют в пользу того, что семантика глагола *знать* могла инициировать участие корня этого слова в образовании изучаемой нами лексемы.

В таком случае выделение корня *-ган-* семантически оправдано. Сущ. *каганец* 'светильник с фитилем из ткани, пропитанной маслом' является именным образованием с суффиксом *-ец* от глагола *знать*. Чередование *-ган-* / *-гн-* представлено в сущ. *каганец* 'светильник; фитиль в каганце' [СРНГ 12: 292]. Форма *каганец* может быть отражением аканья. При этом ударение может быть подвижным: ср. *каганец*, *каганечный*, *каганчик* [Даль 2003 II: 115; СРНГ 11: 296–297].

У Ж. Ж. Варбот в книге «Древнерусское именное словообразование» представлены следующие слова, имеющие структуру суффикса: *ь* + сонант, согласный:

*-ьсь: *бивыць* (к *бити, бивати*), *борець* (к *бороти*), *видыць* 'зритель', *насовыць* 'одна из священнических одежд' (к *насунути*), *клевыць* 'знак военачальника в виде остроконечного молотка' (к *кльвати*) [Варбот 1969: 82].

Суффикс *-ец* является широко распространенным, претерпел семантическое движение на протяжении многовековой жизни русского языка. При этом он следует, как правило, за фонологически твердыми согласными.

Рассмотрение лексики с названным суффиксом в историческом аспекте показывает, что этот аффикс весьма древен: он является принадлежностью языка самых ранних памятников письменности русского языка X–XI вв. и является словообразующим элементом в лексике разных литературных жанров (летописей, договоров, грамот, текстов религиозного содержания). Следовательно, уже к началу нашей письменности суффикс *-ец* был широко известен как словообразующий формант с определенным значением.

Сравнение с другими славянскими языками обнаруживает, что этот словообразующий элемент является принадлежностью и других славянских языков: украинского, белорусского, болгарского, чешского, сербского, польского.

Рассмотрение лексического материала, содержащего морфему *-ец*, дает основание считать, что этот суффикс в древнерусском языке был распространен значительно шире по сравнению с языком современным.

Образования на *-ец* были возможны от основ имен существительных (*городыць, соколыць, агныц*); от основ имен прилагательных (*черныць, простыць*); от основ глаголов (*борыць, купыць*) [Аверьянова 1951: 280].

В современном русском языке соотношения другие. С развитием языка суффикс *-ец* вытесняется другими суффиксами, хотя, по свидетельству Т. Ф. Ефремовой, и остается достаточно регулярной, но непродуктивной словообразовательной единицей, образующей имена существительные мужского рода со значением предмета или явления, которые характеризуются признаком или действием, названными мотивирующими именами прилагательными или глаголами, как: *варенец, зверинец, резец, рубец, светец, сырец, холодец* [Ефремова 1996: 143].

Категория имен существительных, дававшая образования слов с суффиксом *-ец* в значении уменьшительности, и категория глаголов, служившая в древнерусском языке источником для образований на *-ец*, в современном языке не являются живой основой для подобных образований [Аверьянова 1951: 282].

В категории уменьшительности он был не единственным словообразующим элементом. Наряду с ним существовали в том же значении суффиксы *-ок* и *-ик*. Имеются ранние параллели: *топорыць* и *топорок*, *городыць* и *городокъ* [там же: 281]. В словаре В. И. Даля зафиксировано сущ. *каганок* 'кугунок, котелок, вмазываемый в печь' [Даль 2003 II: 115]. Сам автор словаря данный вариант воспринимал с сомнением: «*Кага́нок* м. пск. *кугунок*, котелок, вмазываемый в печь (не ошибка ли, не *казанок* ли?)

[Таких ошибок в Областн. Словарь Ак. много; легче наделать их, чем разгадать и исправить] [там же].

В заключение отметим, что, во-первых, в процессе развития языка изменились морфологические основы для образований лексики с данным суффиксом, во-вторых, произошли изменения в семантике самого суффикса.

После изложенных соображений не остается никаких сомнений в том, что диал. сущ. *каганец* может реконструироваться на исконной славянской почве. Выводы, к которым привело такое исследование, вкратце заключаются в том, что *каганец* — русская инновация. Слово делится на приставку *ка-*, корень *-ган-* и суффикс *-ец* (окончание нулевое) и представляет собой именное образование от глагола *знать*. Фонетическая сторона этой этимологии безупречна, и с точки зрения семантики мало что можно возразить.

В завершение важно отметить, что представляется вполне возможным употребление исконно русского сущ. *каганец* наравне с заимствованным из греческого сущ. *лампада*. Причем последнее встречается в живой речи чаще в уменьшительной форме, а именно: *лампадка*. Следовательно, в слове *каганец* суффикс имеет диминутивное значение, тем более что такой суффикс образует имена существительные с уменьшительно-ласкательным значением.

§ 5. *Коморгъ*

В настоящем параграфе в центре рассмотрения окажется др.-рус. и цслав. лексема *коморгъ* 'глиняный сосуд, кувшин'.

Следует подчеркнуть, что это существительное принадлежит к числу т.н. «темных слов». Такое положение дел обычно обязывает к особой исследовательской ответственности. Если слово уже имеет ряд этимологий, то собственную этимологизацию можно строить, по крайней мере, отталкиваясь от уже существующих. Сложнее дело обстоит, когда есть этимология, но она весьма сомнительна, либо ее нет вообще. Данное слово относится именно к подобной категории.

В толковых словарях литературного языка [Ожегов, Шведова 1992; СРЯ 1982; БТС 1998] информация о лексеме *коморг* отсутствует. Это означает либо ее принадлежность только к диалектным формам русского языка (хотя в СРНГ такого слова тоже не зафиксировано), либо указывает на ее архаичность. Нет информации о присутствии данного слова и в других славянских языках, следовательно, мы имеем дело с собственно русским (древнерусским словом).

М. Фасмер лишь приводит значение данной лексемы — глиняный сосуд, кувшин [ЭСФ II: 305]. В других этимологических словарях слова *коморг* мы вообще не находим [ЭСлРЯ; Преображенский 1959; Черных 1993].

И. И. Срезневский характеризует форму *комърогъ* = *комьрогъ* как первичную:

Сърацетъ въ члвкъ, въ комърозъ водоу несы. 1119 г. Въдасть комърогы тѣща, свѣща же среде комърогъ. Ношаше канпилии комърогы имоушь четыре [Срезневский 1989 I: 1266]. *Отътолъ же мльвльшию старъцю ношаше комърогы и мушь четыре. XII в. [СРЯ XI–XVII 8: 268].*

Следующие две формы — *коморгъ*, *коморогъ* — относятся к XIV в.: *Въ коморозъ водоу несѣи. 1307 г. Самым поздним вариантом данного слова (1499 г.) является форма без ъ между м и р — комрогъ* [Срезневский 1989 I: 1266].

Чтобы наш этимологический анализ был наиболее полным, необходимо выяснить, претерпело ли исследуемое слово фонетические, семантические изменения. Если да, то какие. Прежде всего определим, с помощью каких словообразовательных средств оно было сформировано.

Дело осложняется тем, что сущ. *коморг* зафиксировано лишь в нескольких словарях [Срезневский 1989 I: 1266; Дьяченко 2000: 261; ЭСФ II: 305; СРЯ XI–XVII 8: 268]. Поскольку мы не можем опираться также и на «Словарь морфем русского языка» и другие словообразовательные словари [см. Кузнецова, Ефремова 1986; Тихонов 1996; Тихонов 1985], то предположительно выделим в сущ. *коморг* следующие аффиксы: приставку *ко-* и корень *-морг*.

В ходе исторического развития слово, растеряв все генетические связи, оказывается одиноким, поэтому становится неясным его морфологический состав, т.е. что же в данном слове является корнем, суффиксом или префиксом [Львов 1967: 180].

Как пишет академик Н. М. Шанский, префиксальный фонд русского языка в его определяющих частностях и элементах изучен до сих пор совершенно недостаточно. Особенно не повезло приставкам, которые в современном русском литературном языке представляют собой нерегулярные морфемы, выделяющиеся в настоящее время в отдельных и структурно изолированных словах, не образующих словообразовательной модели.

Между тем серьезный и разноаспектный анализ нерегулярных в литературной речи приставок в более широком языковом контексте предоставляет в наше распоряжение новые и очень важные материалы и выводы для этимологических исследований (особенно для определения родословной некоторых слов, толкуемых как генетически темные и неясные) [Шанский 1972: 203].

Изучение непродуктивных аффиксов, их систематизация очень важны для определения структуры многих непонятных диалектных слов, а для осмысления генезиса и строения слов литературных языков их вычленение имеет исключительное значение.

Оказывается, что говоры (это особенно наблюдается в периферийных диалектах) сохраняют внушительное число таких словообразовательных

средств. Их вычленение помогает уяснить этимологию многих общенациональных слов [Никончук 1979: 122].

В литературном языке, с точки зрения современного языкового сознания, приставки *ко-* и *ку-* свободно выделяются лишь в словах *закоулок* (ср. *переулок, проулок, заулок*) и *кумекать* (ср. *смекать, смекалка, смекалостый*). Более или менее ясно чувствуются приставки *ко-*, *чи-*, *чу-* в словах *колупать* (ср. *лупить*), *чумазый* (ср. *мазюка*), *расчихвостить* (ср. *ругать* и *в хвост, и в гриву*), хотя их морфемность ощущается здесь значительно слабее [Шанский 1972: 204].

Такое обстоятельство дает возможность пересмотреть некоторые из существующих в литературе этимологические решения и объяснить соответствующие лексические единицы либо как непосредственные производные с помощью приставки *ко-* и ее алломорф, либо как дериваты от слов с этой приставкой [там же].

Мы выбрали из таких словесных структур только именные образования, добавив примеры из «Этимологического словаря» М. Фасмера и классифицировав эти лексемы по словообразовательной модели (тип мотивирующей основы):

а) ко + осн. сущ.: *кокора* ‘пень с корнями, обрубок кривого дерева с сучьями’ родственно словам *коряга, корень, корь* ‘корень’, *корежить* ‘гнуть, ломать’ [там же: 207];

колуна < *луна* ‘содранная кора, струп, кожура’;

конура < *нура ‘нора’ [там же: 208];

калека: *калька* < *ляка* ‘лечение, лекарство’, пережившее резкий смысловой сдвиг [там же: 212];

калужа (диал.) < *лужа*;

кацап < *ка* + *цап* ‘козел’ [там же: 315];

кудель, цслав. *кждьль* < *кр* + *дель* ‘толстая пеньковая нитка для неводов’ [ЭСФ II: 399];

б) ко + осн. сущ. + суф.: *кочерга* ‘суковатое дерево, коряга, клюка’, корень *-чер-* (< **кер-*, ср. *кор-* в *кокора*);

кочерыжка букв. ‘корень’ — деминутив от *кочерыга* [Шанский 1972: 209];

в) ко + сущ. < глаг.: *каверза* ‘проделка, ловушка, происки’ < *верза* < *верзити* ‘вязать, плести’ [там же: 212].

Доказав возможность выделения приставки *ко-*, приступим к объяснению с точки зрения семантики корня *-морг*.

В СРНГ приводится ряд слов: *моргасá* ‘мелкий дождь’, *моргасить* ‘моросить’, *морозга* ‘мелкий, с изморозью дождь, дождь со снегом’, *морозжать* ‘моросить’, *моросá* ‘мелкий частый дождь’, *мóрох* ‘мгла, туман, мелкий дождь’ [СРНГ 19: 255, 270, 275]. М. Фасмер добавляет сюда же *морготá* ‘духота, туман’, морозгá ‘изморось’, *моросить*, *морóсь* ‘мелкий дождь, изморось’, *мóрох* — то же, *морóха* — то же, родственно *морозгá* [ЭСФ II: 652, 656–657].

Выдающийся русский этнограф Д. К. Зеленин в книге «Восточнославянская этнография» нередко совершает этимологические экскурсы. Их много, и они важны для понимания процесса формирования восточнославянской лексики, связанной с архаическим слоем традиционной культуры. В этой книге приводится описание нескольких способов приготовления пива в *коморге*, что, в свою очередь, помогает нам понять связь слов, перечисленных выше, с интересующим нас предметом домашней утвари. Главная идея состоит в том, что на глиняном сосуде, наполненном жидкостью, выступает испарина. Вот что пишет Д. К. Зеленин: «*Коморг* употребляется главным образом для изготовления пива и кваса. В *коморге* с растворенным солодом опускают раскаленные камни» [Зеленин 1991: 138]. Следовательно, от соприкосновения с горячим на стенках сосуда появляется испарина, туман, капельки жидкости. Далее: «Солод, который лежит в *коморге*, заливают горячей водой» [там же: 154]. Мы лишь добавим, что в таком случае пар способствует «затуманиванию» стенок. «Жидкость, полученную таким способом, нередко вместе с горшком, опускают в кадку с холодной водой, где она (жидкость) быстро начинает бродить. Сваренную жидкость остужали» [там же]. Здесь мы видим, как *коморг* все время то нагревают, то остужают, т.о., естественным путем появляется влага, которая и оседает на стенках посуды. Кроме первого способа приготовления напитков, автором приводится еще один: «Солод, изготовленный из ячменя или ржи, варят в печи, затем наливают его в *коморг* и в течение четверти часа переливают оттуда поварешкой в другой сосуд» [там же]. Возникает вопрос: а зачем выливать солод сначала в один *коморг*, а после переливать его в другой? Возможно, как раз потому, что первый сосуд покрывается влагой, поскольку в него налита горячая жидкость. Во избежание появления трещины солод сразу же вычерпывают в другую посуду. Точного ответа на этот вопрос мы не находим, поэтому попытаемся лишь предположить, что между суц. *коморг* и рядом слов, указанным в СРНГ (см. выше) существует связь. Еще один пример из художественной литературы [Шолохов 1975: 32]: «...» пока хозяйка пришла, осторожно неся отпотевиую корчагу с молоком <...> [разрядка наша — О. Я.]. Здесь важно именно то, что на таких сосудах, как *коморг* и *корчара*, нередко образуется испарина.

Кажется, что в словах *морготá*, *морозá* представлены два разных корня типа **torg-* и **torzg-*. А. А. Потебня объяснял сочетание *zg* из *ск*, а последнее из коренного *с* + *ск* начинательного суффикса [Потебня 1880: 97]. Данные слова он связывал с глаголом *моросить*. Но произвольное озвончение сочетания согласных принять трудно. Более приемлемо толкование И. В. Ягича, согласно которому, *-zg-* в *морzg* — это расширение корня *морг*, как, напр., в слове *мерещиться* **sk* — расширение корня **merk-* [Jagić 1877: 397]. В обоих случаях получившееся сочетание трех согласных было упрощено путем элизии начального: **merk-* + *-sk-* > **mersk-*, откуда затем *мерещ-*; **morg-*

+ -zg- > *morzg- и далее морозг-. В дальнейшем такое объяснение и приняли составители этимологических словарей.

СРЯ XI–XVII вв. приводит три варианта лексемы: 1) *коморгъ*, 2) *комо-рогъ* и 3) *комърогъ* [СРЯ XI–XVII 7: 268]. Праформы данных слов следующие: 1) **ko-mъrg-* (редуцированная ступень корневого вокализма), 2) **ko-morg-* (качественная ступень), 3) **ko-mъrg-* (второе полногласие на основе редуцированной ступени).

Первым двум праформам в словаре М. Фасмера соответствуют следующие слова: 1) *морготный* ‘неприятный, отвратительный’, *морготь* ‘испарение’, чеш. *mrholiti* ‘моросить, струиться’, словц. *mrholit* — то же, лтш. *mirga* ‘туман’, *mirdzet* ‘моросить’, *моргать*, лит. *mirgeti* ‘мерцать’; 2) лтш. *mārga* ‘изморось’, *морозга*, *морозжить* ‘моросить’, польск. *Mroga* — название реки [ЭСФ II: 625, 656]. Второе полногласие, как чисто русское фонетическое явление, в иностранном материале не может быть выявлено.

Теперь вернемся снова к приставке.

Русские говоры имеют целую серию производных глаголов с элементом *ко-* и его фонетическими разновидностями. Приведем некоторые из этих образований: диал. *копыжиться* и литер. *пыжиться* ‘важничать’; *кожилиться* и *жилиться* ‘напрягаться, делать усилия’; *каржаветь*, *коржаветь* ‘становиться заскорузлым, жестким’, *куржаветь*, одно из значений которого ‘покрываться ржавчиной’ и литер. *ржаветь* ‘покрываться ржавчиной’; *куёжиться*, *кукоёжиться* и литер. *ёжиться* ‘сутулясь, сжиматься всем телом (обычно при ощущении холода)’; *кулепетать* и литер. *лепетать* ‘несвязно, неразборчиво говорить’; *кунежиться* и *нежиться* ‘наслаждаться состоянием покоя, бездействия’; *каверзить* ‘делать что-либо небрежно’ и *верзить* ‘делать что-либо долго и бестолково’; *копышкаться* ‘копошиться’ и *пышкаться* ‘копошиться’; *какутать* ‘запирать’ и *кутать* ‘закрывать, запирать’; *копырять* ‘бить, толкать’ и *пырять* ‘бить, толкать’; *колызнуть* ‘ударить’ и *лызнуть* ‘ударить’; *кобурнуть* ‘перевернуть, опрокинуть’ и *бурнуть* ‘бросить, швырнуть; опрокинуть, снести, разрушить и т.д.’ [Шанский 1972: 166].

На основании общего семантического признака, присущего однокоренным глагольным образованиям с формантом *ко-* и без него, эти глаголы можно объединить в определенные лексико-семантические группы: глаголы движения, глаголы, обозначающие действия, связанные с психикой, чувствами, ощущениями человека, глаголы со значением ‘двигать вверх — вниз, из одной стороны в другую, вперед — назад, шевелить, колебать’, ‘очищать, счищать, сдирать, царапать, чесать’, ‘издавать звуки’ [там же: 167].

В русских говорах функционирует значительное число глаголов с префиксом *ко-*. Почти все они имеют соотносительные беспрефиксальные формы. Эти факты с несомненностью свидетельствуют о морфемности *ко-* и его регулярном характере в русских говорах.

Самую большую группу с этимологическим *ко-* составляют глаголы конкретного физического действия. Среди них выделяются глаголы со значением ‘запирать, закрывать’ [там же: 168]. Возможно, в слове *коморг* префикс некогда имел такую семантику в силу того, что сосуд с жидкостью закупоривали.

Столь большая разница в семантической насыщенности глаголов ослабляет связи префиксальной и беспрефиксальной форм, семантическая обусловленность производного почти не ощущается.

Для ряда глаголов характерно обозначение направленного действия. Эта особенность дает возможность присоединения к ним приставок локального значения. Поэтому можно предположить существование в прошлом у аффикса *ко-* локальных значений. Такие во многом «стершиеся» значения у некоторых из глаголов можно выделить и сейчас при сопоставлении с беспрефиксальными или другими однокоренными образованиями: *колыбать* ‘колебать’ и *лыба* ‘зыбкое место’.

Существование подобных значений у глаголов с префиксом *ко-* отмечает болгарский славист М. Москов. Он пишет, что префикс *ко-* с его фонетическими вариантами может придавать глаголам «оттенок движения в кругу, спиральях, с извивами, с кривыми линиями, движения с верчением, кружением, переворачиванием...» [там же: 172].

Напомним, что в *коморге* изготавливают пиво: «Жидкость, полученную таким способом, нередко вместе с горшком, опускают в кадку с холодной водой, где она (жидкость) быстро начинает бродить» [Зеленин 1991: 138]. *Бродить* — закисать, переходить в кислое брожение, играть, шевелиться, вздыматься, пучиться [Даль 2003 I: 224]. Т.о., возможно, когда-то такая семантика приставки повлияла на образование слова *коморг*.

Такие исторически производные образования не обнаруживают былых словообразовательных связей. Их внутренняя форма в настоящее время не осознается, структурно-семантическое соотношение производного и производящего нарушено, а сам префикс затемнен историческими напластованиями [Андреева-Васина 1985: 173]. Поэтому неудивительно, что в сущ. *коморг* на первый взгляд трудно установить связь приставки *ко-* с лексемой *морозга* и др.

§ 6. Кукшин

Рус. диал. сущ. *кукшин* ‘кувшин’ по значению справедливо отождествляется с сущ. *кувшин*:

кувшин ‘высокий округлый сосуд с ручкой’ [ТСГТО 2004 3: 64]:

Два кувшина больших серебряны с орлами [Срезневский 1989 I: 1356];

Горело поле, горела дуброва, Я, млада, ишла тушить, Кукшином воду носить.

кукшин ‘кувшин’:

Полон кукишин масла к зиме накопила [СРНГ 16: 50];

Кукишины, из глины излажены они [СПГ 2000 1: 448];

Взял у него силно кукишин орехов грецких. Куплены три кукишины. Кукишин водоносной. Фиялы — кукъшины. Кукишины и корчаги [СРЯ XI–XVII 8: 103].

Молоко носят в больших кукишинах на голове. Положить <шалфей> в муравленой горшок или кукишин. Мы нашли отца Ивана, спящего подле кукишина с вином. Повадился кукишин по воду ходить, тут ему и голову положить [СРЯ XVIII 11: 63].

Разграничение этих форм у Г. А. Ильинского не обосновано [ЭСФ II: 408]. Что касается происхождения, то единой этимологии у диалектной лексемы, как и у его литературного варианта, нет.

М. Фасмер в словарной статье *кувшин* [там же: 397–398] приводит значительное количество этимологических версий, принадлежащих различным исследователям, относительно происхождения данного слова, но затем сам их и опровергает. Следовательно, надежной этимологии у слова нет, а это позволяет заново поставить вопросы: какое же все-таки прошлое имеет сущ. *кувшин* и какая связь между данной лексемой и названием водного цветущего растения *кувшинка*?

Ф. Миклошич с немалой долей сомнения предполагал, что *кувшин* заимствовано из тюркского *kuřšin*. Однако сам писал, что связь между этими двумя словами ему не очень ясна [Miklosich 1884 34: 337]. При оценке такого предположения М. Фасмер замечает, опираясь на В. Радлова, что тюркское происхождение невозможно, поскольку татарские *kuřšin*, *kukšin*, *kükšin* ‘кувшин’ сами заимствованы из русского [ЭСФ II: 397]. С этим согласен Э. Бернекер [Berneker 1908–1913: 594]. Т. Корш, подобно Ф. Миклошичу, также задумывался над связью, соотношением татарского слова и русского, не находя определенного ответа, но в одном он был уверен: что *кувшин* и *кукишин* не тюркского происхождения, однако и не первоначально русского [Korsch 1886: 513]. У нас есть основания полагать, что Ф. Миклошич ошибался, т.к. он писал это раньше, чем было точно установлено, что татарское слово заимствовано из русского.

А. Маценауэр выводил лексему *кувшин* из датского *kovs*, *kous* ‘чаша, ковш’ [Matzenauer 1870: 232], но М. Фасмер считает это ошибочным решением. Х. Фальк, А. Торп и Э. Бернекер пришли к выводу, что последнее слово, как и стар. датск. *kouse*, шв. *kaus*, восходит через ср.-нж.-нем. *kouwese* ‘большая чаша’, нж.-нем. *kausse* к балтийским словам, а именно — к лит. *kauszās* ‘миска для питья’, откуда перешло в славянские и прибалтийско-финские языки [ЭСФ II: 397; Falk, Torp 1910: 560]. Ср., напр., эст. *kauss* ‘чашка’, которое заимствовано из лтш. *kauss*. Подобные слова, т.о., широко распространены по всему балтийскому побережью. В русском соответствующее литовское слово приобрело вид *ковш* [см. ЭСФ II: 273].

Э. Бернекер, А. Г. Преображенский, М. Фасмер допускают (как возможность) заимствование лексемы *кувшин* из лит. **kauřinas* ‘большой ковш’ от

káušas ‘уполовник, ковш, большая ложка’, поскольку и рус. *ковш* заимствовано из литовского языка [Преображенский 1959 I: 404; ЭСФ II: 273]. Однако М. Фасмер приводит эту мысль без уверенности в ее справедливости (употребляя оговорку «возможно»). Он также пишет: «Образование аналогично лит. *vaikinas* ‘(большой) парень, детина’ от *vaikas* ‘ребенок’» [ЭСФ II: 273]. Однако Н. М. Шанский и другие справедливо замечают, что предполагаемый литовский источник русского слова литовскими словарями не отмечается [ЭСлРЯ II: 430]. Вот что пишет по этому поводу О. Н. Трубачев: «Связь с *ковш* вероятна, но не в том смысле, в котором ее обычно принимают, объясняя *ковш* как заимствование из лит. *káušas* ‘ковш, черпак’, а *кувшин* соответственно — из незасвидетельствованной производной формы лит. **kaušinas*. Более правильной нам представляется тоже уже давно высказывавшаяся мысль о заимствовании литовского слова в относительно позднее время из вост.-слав. *ковш*. Нужно рассматривать рус. *ковш* и лит. *káušas* в ряду довольно обширного круга близких культурных слов Восточной Европы и Азии. Очевидная восточная ориентация этого ареала говорит о заимствовании лит. *káušas* из восточнославянских, а не наоборот» [Трубачев 1966: 302]. Отметим, что непонятно при параллельном заимствовании различие в вокализме: *о* (*ковш*) — *у* (*кувшин*). Далее Н. М. Шанский, следуя за О. Н. Трубачевым, пишет: «Согласно другой точке зрения, лит. *káušas* ‘ковш’ заимствовано из восточнославянских языков. Отношение рус. *ковш* и *кувшин* не имеет природы местной словообразовательной связи, но и та, и другая форма, по видимому, параллельно восходят к соответствующим восточным иноязычным прототипам» [ЭСлРЯ II: 430]. Вот с этим уже трудно согласиться.

Иную этимологию дает А. И. Соболевский. Он считает диалектную великорусскую форму *кукишинь* первичной, древнейшей (так пишется уже в памятниках XVI в.) [Соболевский 1907: 128] и объясняет *кувшинь* из **кукишинь*, однако происхождение последнего слова остается загадочным. Он предлагает рискованное сравнение *кукишинь* с *кукъша*, *кукъса* ‘человек без пальца’, потому что *кувшин* якобы похож на кулак [ЭСФ II: 273] (*kiks* — праслав. название кисти) [Brückner 1927: 280].

К сожалению, А. И. Соболевский не в полной мере объясняет подробности фонетического развития *кукишин* > *кухишин* > *кувшин*.

Есть некоторые слова с такого рода чередованием: *куфа* (*куха*, *кухва*) ‘бочка, чан, кадка’ [СРЯ XI–XVII 8: 149]. А. И. Соболевский пишет, что некоторые великорусские говоры не только усвоили *ф*, но и обнаружили к этому звуку некоторое пристрастие, так что стали заменять им *х* и *хв* и в заимствованных, и даже в исконных русских словах [Соболевский 1907: 128]. Такой аргумент может свидетельствовать в пользу того, что форма *кувшин* вторична. Но отсюда ничего не следует для объяснения перехода *кукишин* > *кухишин*.

Г. А. Ильинский, напротив, пытается (что тоже необубедительно, по мнению М. Фасмера) сблизить это слово с др.-рус. *ковъць* ‘сосуд’ (от *ковать*) и др.-польск. *kusz* ‘кубок’ (последнее, согласно А. Брюкнеру, из русского), возводя их к индоевропейскому корню **kei-* [Ильинский 1923 24: 231]. М. Фасмер не приводит существенных аргументов против концепции Г. А. Ильинского, он отрицает также связь *ковъць*, *ковать* с названием сосуда *ковчег*. В наше время Е. Антушева заново рассмотрела эти вопросы и пришла к выводу, что сближения Г. А. Ильинского имеют право на существование [Антушева 2001: 20]. Однако, как будет ясно из дальнейшего, непосредственную связь этих слов с *кувшин*, *кушин*, *кушин* мы не можем признать.

А. И. Соболевский в своей статье пишет, что связь с **кукъса* ‘человек без пальцев на руке’, откуда **кукъша*, якобы не подлежит сомнению: «Форма кувшина, высокого узкого горшка с расширенной верхней частью, напоминает руку без пальцев или со сжатыми в кулак пальцами [Соболевский 1913 70: 92]. Но Фасмером это сравнение оценивается как рискованное. И в статье Г. А. Ильинского мы находим материал, резко противоречащий суждению А. И. Соболевского: «Диал. *кушин* — это род кубышки с узким коротким горлышком, к выходу несколько расширенным» [Ильинский 1923 24: 232]. Кроме того, в словаре В. Даля встречаем: «*Кушин* — глиняный, стеклянный или металлический сосуд, сравнительно высокий, бочковатый, с пережабиною под горлом, с ручкой и носком» [Даль 2003 II: 343], в СРЯ XVIII *кушин* — высокий сужающийся кверху сосуд [СРЯ XVIII 11: 63]. Возникает вопрос: какую форму имел впервые изготовленный кувшин?

Все в той же статье Г. А. Ильинский говорит, что он не видит причины отделять слово *кушин* (с согласным *к*) от праслав. **kuka* (блр. *кука* ‘крюк’, рус. *кука* ‘кулак’) [Ильинский 1921 23: 232]. Мы в своей работе обращаем преимущественное внимание именно на форму *кушин*. Это может быть оправдано тем, что она довольно рано зафиксирована в письменности, наличествует в белорусском языке, отмечена (как заимствование) в языке татарском. Кроме того, возможности этимологизации форм *кувшин* и *кушин*, по всей видимости, исчерпаны. Поэтому для нас важно то, что О. Н. Трубачев в своем словаре приводит праформу **kuka*, которую он возводит к и.-е. **kei-k-*, **kou-k-* ‘изгибать, искривлять; загнутое’ [ЭССЯ 13: 86–87]. М. Сной касательно данного корня отмечает следующее: «Ст.-инд. *kucāti* ‘кривиться’, ст.-арийск. *suar* ‘кривизна’ из и.-е. **kei-k-* ‘изгибать, искривлять; загнутое’» [Snoj 2003: 333]. Итак, постулируем, что славянский сохранил очень четкое старое значение ‘крюк, крюкообразный’.

Данный семантический признак лежит в основе наименования такого растения, как *кувшинка*. Слово *кувшинцы* в качестве фитонима употребляется уже в 1534 г. в ботаническом источнике [СРЯ XI–XVII 8: 103]. С. И. Ожегов об этом растении пишет: «Водное растение с крупными плавающими листьями и желтыми цветками» [Ожегов 1992: 320]. В. Даль при-

водит такое толкование: «Кувшинцы, кувшинчики, кувшинка — это кубышка, водяное растение яйцевидно-конической формы» [Даль 2003 II: 343]. Как известно, кубышка — это узкогорлая посуда с раздутыми боками; глиняный кувшин [там же: 341]. Научный фитоним — *Nymphaea* (нимфея); о его возникновении нам говорит одно греческое сказание: эта дивная водяная лилия возникла из тела прелестной нимфы, погибшей от любви и ревности к остававшемуся холодным к ней Геркулесу [Шевченко 2005].

Плоды растения похожи на миниатюрные сосуды, и это обстоятельство дало толчок для появления в языке целого фейерверка метафорических названий для фитонима, все они постоянно воспроизводят одну и ту же семантическую модель: ‘сосуд’ — ‘растение *Nymphaea*’: *кубышка, кубышки, кубанцы, самоварчики, кувшины, кувшинчик, кувшинчики, кувшинцы, кувшинка, кувшинки*. Последние формы в отличие от предыдущих получают уже словообразовательную самостоятельность, хотя семантическая производность отчетливо видна. Изогнутая форма лепестков имеет явное сходство с внешним видом сосуда, откуда и получила свое название. Б. А. Ларин считал, что для некоторых идей и представлений (об одежде, утвари, орудиях производства), связанных со словами из области материальной культуры, зрительный образ вещи является их основным, бесспорным или даже единственным содержанием [Ларин 1977: 122]. Ср. названия тех же растений: блр. *горлачики, жбанки*; укр. *збанок, збаночки, глечики*. Кроме того, частотна следующая модель: ‘предмет (бытовой)’ > ‘гриб’. Она отражает, как правило, сходство по форме: *дубинка, кринка, колпак, стакан, толкач* и др. Сравнения с разного рода посудой и игральными бабками повторяются довольно часто [Меркулова 1967: 31].

Теперь стало ясно, что кувшины, о которых писал в 1923 г. Г. А. Ильинский, т.е. имеющие выпуклые, как бы раздутые бока и узкое горлышко, изготавливались раньше, нежели сосуды на тонкой ножке, похожие в своей верхней части на кулак. Ботанически неизменная форма кувшинки позволяет выяснить, какова была форма кувшина в тот момент, когда название было перенесено с сосуда на цветок. И одновременно обосновать, что первоначальная фонетическая форма *кушин* мотивирована индоевропейским корнем **keu-k-*, **kou-k-* ‘изгибать, искривлять; загнутое’.

Кувшинка первоначально тоже называлась **кушинка*. В СРНГ зафиксированы следующие формы: *кушин, кушинчик* ‘кубышка желтая; водное растение кувшинка желтая’ [СРНГ 16: 50], *кушин, кушинчик* ‘белая водяная лилия’ [там же: 195–196]. Появление фонетических вариантов названий посуды и цветка можно объяснить следующим образом. Неудобное для произношения сочетание *киш* или упрощалось (зафиксирована др.-рус. форма *кушин*), или ассимилировалось по признаку способа образования в *хи*. Дальнейшее развитие в *кушин, кувшинка* допустимо толковать, как

это делал А. И. Соболевский (мы говорили об этом раньше), но также можно объяснить как влияние со стороны слова *ковиш*.

Следует напомнить, что наряду с установлением однокоренных слов (*кувшинка*, **kika*) не менее важную роль при изучении происхождения играет также и анализ тех формальных средств, с помощью которых анализируемое слово образовано (словообразовательный анализ). Поэтому остановимся на рассмотрении лексемы *кувшин* (*кукишин*) в морфематическом аспекте, для чего необходимо в исследуемом слове выделить морфемы.

Мы предлагаем в слове *кувшин* выделить такие морфемы, как корень *кув-* (в *кукишин* — корень *кук-*) и суффиксы *-ьш-*, *-ин*. Предполагается, что образование слова *кувшин* прошло три стадии: *кука* > *кук-* + *-ьш-* + *-а* > *кувиш-* + *-ин*. Существует ли в русском языке такой набор суффиксов и имеет ли он славянское происхождение?

У Ж. Ж. Варбот в книге «Древнерусское именное словообразование» представлены следующие слова, имеющие структуру суффикса: гласный + сонант, согласный. Это показывает, что между корнем и суффиксом могли вставляться различные гласные (в нашем случае это *-ь-*):

- *-охъ: *сопохъ* ‘жолоб, труба’ (к *сопсти*);
- *-еѣ (< **-exjos*): *лемешъ* ‘плуг’ (к *ломити*);
- *-тихъ: *пастух* (к *пасти*);
- *-хар’ь: *знахарь* (к *знати*) [Варбот 1969: 78, 84, 90].

Кроме того, есть слова, демонстрирующие наличие древнего славянского суффикса *-ин*, *-ен*, *-ьн*:

- *-ьп’ь: *сьчень* ‘февраль’ (к *сьчи*);
- *-ьп’ь: *сьвязьнь* ‘узник’, *закладьнь* ‘заложник’, *плетьнь*, *попльзьнь* ‘извив’;
- *-ьп’а: *гьдья* ‘пища’ [там же: 79].
- *-епъ: *рѣзень* ‘отрезок, кусок’ (к *рѣзати*);
- *-епо: веретено (к *вьртѣти*), *пъшено* (к *пъхнути*, *пъхати*);
- *-епъ: *печень* (к *печи*);
- *-ипъ: *клинъ* (к *колоти*), *млинъ* ‘блин’ (к *молоти*) [там же: 83].

Иногда значения корневых имен существительных отличаются от значений суффиксальных имен: ср. *опашьнь* ‘одежда’ — *опашь* ‘хвост’, *западья* — *западъ* ‘страна света’, *садьяно* — *садъ*. В нашем случае это же различие наблюдается между *кувшин* ‘сосуд для питья’ и *кукъша* ‘человек без пальца’.

Из всего этого следует, что существование славянских суффиксов *-ш-* и *-ин* научно доказано. В случае основы на согласный суффикс *-ш-* должен был присоединяться через гласный звук.

В словаре А. А. Зализняка дан определенный ряд слов славянского происхождения с похожей структурой. Касательно суффикса *-ш-* (< **-ьш-*):

- кваша* < **kvak-ьš-a*;
- ракша* (птица) — звукоподражательное < **rak-ьš-a*;
- пикша* (рыба из рода трески) — от *пикать* < **rik-ьš-a* [Зализняк 1977: 225].

Изучив образование этих слов, мы можем в них выделить такой суффикс. Правомерно отнести сущ. *кувшин* именно к этому типу и выделить в нем наряду с корнем *кув-* суффикс *-ш-*, причем исконного, а не иноязычного происхождения.

В том же словаре А. А. Зализняка есть несколько слов с суффиксом *-ин*, имеющих предметное значение:

овин (рига)

клин

млин [там же: 498–499].

В словаре М. Фасмера — *пластина* (от *пласт*, родственно лит. *plastaka* ‘ладонь’) и *купина* (лит. *katras* ‘угол’, луж. *kupa*) [ЭСФ II: 251, III: 273–274].

Слова *клин* и *млин* образованы от глаголов *колоть* и *молоть* при помощи присоединения суффикса *-ин*, а *пластина* и *купина* — путем присоединения того же суффикса к основе существительного. Учитывая это, можно произвести такое же морфемное членение в лексеме *кувшин*, *кувшин*.

ГЛАВА 2

КОРЗИНЫ

§ 1. Борошня

Настоящий параграф посвящен сущ. *борошня* ‘корзина’, представленному в смоленских и донских говорах русского языка [СРНГ 3: 118; Качалкин 1963: 293]. С исторической точки зрения оно не является новым, а представляет собой древнее образование. Ранее данное существительное обладало сильными словообразовательными связями, но с течением времени оно уступило место другим литературным словам, таким как *борошень* и *борошень*, встречающимся уже в XI в. СРЯ XI–XVII вв. приводит следующие значения и контексты употребления этих слов [СРЯ XI–XVII 1: 299]:

старорус., рус. диал. *борошень*, *борошень* — 1) ‘мелкое имущество, скарб; мелкие предметы обихода, промысла, торговли’:

Да у них же стрельцов взято 3 самопала, да рог, да сабля, да япча черна, да 2 войлоченка, да седлишко, да карты, да сапоги мужские поношены, да вязня, да в вязне шапка женская, камка лазорева; и тот борошень весь отдан в онбар. Сенница з борошнем монастырским в ней хомуты и ужища и всякой пашенной завод. Мягкий борошень — пушиной товар, меха. А что де у себя сказали на тундре оленей и хлебного запасу и что с собою привезли мяжкого борошню, и с того де у них взята наша десятинная пошлина;

в качестве собирательного названия имущества, пожитков в донских памятниках XVII в. также последовательно встречаем лексему *борошень*, *борошнишко*:

Максимка де у него Гришки ружье и борошень и платье все отнял; 7 человек отпустили побывать в Запорогах для борошнишку; Посланы мы <...> на Волгу <...> а которая, государь, есть борошнишко и тот борошнишко у татарыцев на Москве <...> вели, государь, под тот наш борошнишко указать дать подводы [Качалкин 1963: 293];

2) ‘сумка, мешок’:

И Кайкулакай с товарищи, на торгу, твоим государевым служилым и Яицкого города людем учили чинить дурно, наезжая бить плетми, и ружье и товары отымать, и борошни от поясов обрывать и обрезать. [Взяли] пару пистолет с ольстры — цена 4 р., три борошня хазовые — 1 р. 16 алт. Пищальные борошень — сумка с боеприпасами для пищали. Пищал <ь> с порохом и з борошнем пищал<ь>ным;

3) 'боеприпасы':

И то ружье все: пищали, и борошни, и бердыши, и топорки, и шпаги, и пику долгую, и твою государеву лошадь орленую, все послал с ними же десятниками. У них [у пушкаря Микулки Агапова с братом] бердыш свой и пищаль своя; у них рог с борошнем.

Борошневый — прилагательное к *борошень, борошень* (в знач. 1, 2, 3):

На сушиле 5 чуланов дощаных, в одном кладутся всякие борошневые заводы сушильные припасы, а в четырех живут работные люди. И в то де число принесли они в тот городок все пороху по борошневому рогу <...> а у всех де осадных сидельцов порох был по рогам, а у иных и в запасе.

Борошнишко — уменьш. к *борошень* (в знач. 1):

И грабежом унесли всякой мой житейской борошнишко. Их де всякое борошнишко погорело все без остатку.

Борошиноватый 'переполненный (заполненный) мелкими предметами':

Будет в той сумке клатися кремень, пыжовник, трещетка, завертка, фляст; и та сумка будет на том же поясу, что и лядунка <...>. А будет та сумка не покажеца, что борошиновата, и та сумка мочно сделать под тою ж лядункою. А мне кажетца, что эта лядунка нашим салдатом удобнее быть.

В праславянском словаре находим сущ. **boršъna, boršъn'a* 'сумка, котомка': чеш. юго-зап. *brachňa* 'сумка', рус. диал. *борошно* : *барахло* 'старье, рухлядь', *борошнѣ* 'имущество', датируемые XV в. [Słownik prasłowiański 1974: 330].

К XVII в. относятся и примеры, найденные в «Словаре древнерусского языка» [Срезневский 1989 I: 154]:

Борошень 'пожитки мелкие, путевые пожитки', чеш. *brašna* 'пастуший мешок', народное рус. *борошень* 'мелкие пожитки, особенно путевые':

Шли они волком пеши... только на подводах везли запасишко свои и борошень. Иконы окладные и неокладные не делены, и борошень в вышке не делен, и тому у нас есть перепись. А борошню де его Кондрашкина осталось у того человека у Архипка: кафтан серой сермяжной, рубахи женские и мужские, полторы керби лну, семенн лняного осмина.

Борышень 'потроха', *борошень* 'мелкое имущество' [Аникин 2011 4: 93].

А. Н. Качалкин о слове *борошень* пишет следующее: «Несмотря на то, что оно еще регистрируется для XVII века словарями И. И. Срезневского и А. Л. Дювернуа, в этот период постепенно входит из употребления, сохраняясь, правда, некоторое время на периферии, в диалектах. В XIX веке оно еще отмечается в значении домашнего имущества и дорожных пожитков в «Опыте областного словаря» и «Дополнениях...» к нему, в словаре А. И. Подвысоцкого. Показательна помета «стар.», данная этому слову в «Словаре...» 1847 года. Со временем эта лексема вышла и из донских говоров, заменившись в XVIII веке словами *бутор* и *имение*. А. В. Миртов также не регистрирует слова *борошень* для современных донских говоров»

[Качалкин 1963: 293]. Однако позволим себе оспорить один момент в его высказывании, а именно тот факт, что лексемы *борошень* ‘скарб, пожитки’ и *борошни* еще фиксируются в XVIII в.:

Да у него ж Ерпачка <...> в юртах взяли многия руския борошни, платья и обуви. Матрозы и салдаты, которья проиграют свои борошень, или ружье, в карты, <...> будут наказаны. А на верху <лежит> постеля да мешечик с мелким борошнем;

борошнишко:

И в пожарное время у них <...> их де всякое борошнишко погорело без остатку [СРЯ XVIII 2: 113].

Помета «неясно» из праславянского словаря [Słownik prasłowiański 1974: 330] отсылает нас к словарю М. Фасмера. Автор последнего неуверенно связывает его с сущ. *борошно* ‘ржаная мука’ [ЭСФ I: 197; Даль 2003 I: 207⁶]. Заслуживающим внимания является комментарий чешского ученого В. Махека относительно данного слова. По его мнению, сущ. *борошня* связано с чеш. *brašna* ‘карман, сумка’ и имеет то же образование, что и *мошна* [Machek 1957: 41]. Это означает, что в русском слове наличествует полногласие, и слово образовано с помощью суффикса *-н-*. Академик О. Н. Трубачев отнесся к сопоставлению В. Махека сочувственно, см. [ЭСФ I: 197]. Мы тоже полагаем, что данное сопоставление справедливо. Однако праформа слова, структура его значений и внутренняя связь между производным и производящим остаются до сих пор недостаточно ясными. Для сущ. *борошно* ‘ржаная мука’ существует несколько этимологий, которые тоже нужно оценить с точки зрения того, какая из них ближе соответствует сопоставлению с сущ. *борошня*. Таким образом обосновывается новое обращение к данной теме.

В словенском этимологическом словаре имеется сущ. *brášno* ‘пицца’. Автор видит два пути решения этиологии данной лексемы: 1) родство с гот. *barizeins* ‘ячмень’, лат. *farīna* ‘мука’; 2) менее вероятно: значение ‘скарб, который носишь с собой’ из **bher-* ‘нести’ [Snoj 2003: 54].

В фонетическом и семантическом отношениях форме *борошня* в русском языке ближе всего диалектизм, характерный для Ярославской, Вологодской, Архангельской, Сибирской и Камчатской области, а именно: *бóрошень* ‘домашняя утварь, одежда, пожитки, скарб’, *борошнѐ* ‘имущество’ [СРНГ 3: 118]. *Борошень* и уменьш. *борошнишко* ‘всякое домашнее

⁶ В. Даль, согласно своему обычному построению словарной статьи, помещает *борошень*, *борошно* и *борошня* рядом, при этом комментируя связь трех лексем таким образом: «*Борошень* ‘пожитки, скарб, бутор, хлам, обиходное имущество; одежда и утварь, что есть в доме; обноски, отрепье, ветошь, дрянь; щепенный товар, поклажа, путевой запас’: *Свита следовала за ним (Петром I) с борошнем. Борошно* ‘ржаная мука’. В Воронежской губернии, где вообще нет ср.р., переиначивают слово это в *борошен* и *борошна. Борошня* в торговле ‘мучной товар, всякого рода мука’».

обиходное имущество' А. А. Шахматов относил к сущ. *барáхло* 'хлам, шарабара, бутор, скарб', встречающемуся в архангельских, оренбургских, сибирских говорах, однако его фонетические реконструкции устарели, см. [Шахматов 1902 7: 353; ЭССЯ 2: 212]. Такое соотношение кажется возможным, учитывая явную близость значений. Написание *борошень* в таком случае является исконным, с отражением полногласия в корне и результата первой палатализации в виде *ш*. Результат отражения аканья мы наблюдаем в литературном слове *барахло*.

Следует отметить также тот весьма вероятный факт, что сущ. *борошня* с течением времени сузило объем своих значений (от обобщенной домашней утвари) и стало обозначать конкретный предмет, в нашем случае — корзину. Помимо этого, имеющийся в СРНГ вариант *барашня* 'плетушка, в которой носят корм скоту' [СРНГ 2: 111] тоже может свидетельствовать о родстве данных слов. Н. М. Шанский образует собственно русское *барахло* с помощью суффикса *-л-* < *-ъл-* от той же основы, что и др.-рус. и диал. *борошень* 'путевые пожитки, запасы; пожитки, скарб', чеш. *brašna* 'сумка' и др. [ЭСлРЯ I: 41]. Поэтому мы вполне можем связать *барахло* с *борошня*, т.к. последнее соотносится с *борошень* [см. ЭССЯ 2: 211]. О. Н. Трубачев тоже считает эти слова родственными, хотя его объяснение (*барахло* < **борохно* < *борошно*) менее убедительно, чем гипотеза Н. М. Шанского [там же: 212].

О. Н. Трубачев считает правильным соотнесение *борошня* 'корзина' с чеш. *brašna* 'карман, сумка' и одновременно поддерживает связь с **boršьno* 'ржаная мука', которую предложил М. Фасмер. Эта связь весьма вероятна в формальном отношении, хотя его понимание **boršьn'a* как притяжательного прилагательного с суффиксом **j* [там же: 211] следует оспорить. Упомянутая связь (**boršьn'a* и **boršьno*) вероятна и в семантическом отношении, ср. значения продолжений в славянских языках: словен. *brášno* 'пища; запас пищи на дорогу', сербохорв. *брашно* 'хлеб или другая какая-либо еда в дорогу' [там же: 212]. Напротив, А. Е. Аникин считает отношение к *барахло* недостаточно ясным вследствие проблематичной связи с последним; изменение *хн* называет «экспрессивным» [Аникин 2011 4: 93].

А. Брюкнер приводит польск. *boroczno, boroszno*, церк. *braszno* 'еда', рус. *борошно* 'мука', луж. *broszma* 'Божье Тело' употребляемые в XVI–XVII вв. [Grückner 1927: 36]. П. Скок указывает также на иные производные с разными суффиксами, но тем же самым значением, например, *brašance, brašnace* 'Евхаристия' и др. [Skok 1971: 198].

Все три слова мы можем связать на основании некой, возможно, не с первого взгляда заметной семантической связи: 'корзина' ~ 'пища в дороге' ~ 'путевые пожитки'. Значительно позже к такому же выводу пришел А. Е. Аникин, предлагая сравнить развитие семантики с.-х. *brašnjènik* 'пища на дорогу' > 'сумка для пищи на дорогу' [Аникин 2011 4: 93].

Теперь требуется уточнить праформы анализируемых слов, определить причины семантических переходов и оценить индоевропейскую ретроспективу сущ. *борошня* и его родственных слов.

П. Скок приводит **boršьno* (без параллели у балтийской группы), где слог **braš-* получился по закону ликвидной метатезы (ср. рус. диал. *борошно* ‘рухлядь’), а появление суффикса *-ьno* объясняет сравнением по аналогии с лат. *farīna* от *far* [Skok 1971: 198].

Рус. диал. *борошня*, др.-рус. *борошень*, рус. диал. *борышень*, *борошень* являются йотовыми производными, в которых, вопреки О. Н. Трубачеву, значение притяжательности чаще не прослеживается. Напротив, ст.-чеш. *brašna*, н.-луж. *brošto*, рус. диал. *борошно*, укр. *борошно*, др.-рус. *борошень* с формальной точки зрения тождественны о.-слав. **boršьno*, т.е. имели безйотовый вид, поэтому проследить зависимость семантического развития от грамматической формы (притяжательное прилагательное) не представляется возможным. Скорее всего, и йотовые производные в этом случае также не имели значения принадлежности, а были простыми формальными вариантами. Семантическое развитие нуждается в другом обосновании.

Отметим попутно, что диал. *брошно́* ‘лохмотья, рухлядь, тряпки’ [там же] только по значению соответствует рассматриваемым словам, но не связано с ними по происхождению, образовано от глагола *бросить* и первоначально означало ‘отбросы’.

Реконструируем праславянские формы анализируемых слов:

1) *борошня* < **borš-ьn-j-a*,

борошень < **borš-ьn-j-ь*;

2) *брашна* < **borš-ьn-a*,

брашно < **borš-ьn-o*,

борошен < **borš-ьn-ь*;

3) *барахло* < **borch-ьl-o*.

Определить причины семантических переходов и оценить индоевропейскую ретроспективу сущ. *борошня* можно лишь благодаря комплексному подходу. Указанная выше семантическая связь ‘корзина’ ~ ‘пища в дороге’ ~ ‘путевые пожитки’, хотя и наблюдается в материале, является довольно зыбкой, особенно на фоне индоевропейских слов, родственных сущ. *брашно*. Среди этих слов решительно преобладает семантика ‘еда, зерно, ячмень’ [см. ESJS I: 76] и практически не прослеживается значение ‘путь, дорога, лохмотья и т.д.’

Попробуем подойти к вопросу семантики со стороны индоевропейского материала.

Проанализируем три имеющиеся в науке версии касательно этимологии праслав. **boršьno*, опираясь на данные чешского словаря [там же].

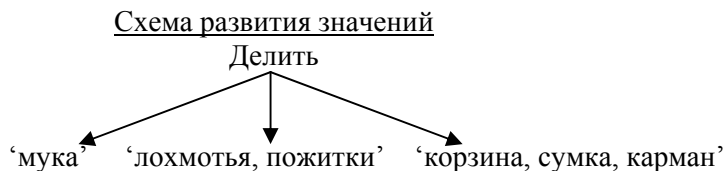
Скорее всего, слово может быть произведено из индоевропейского корня **bhares-* ‘колос с шипами; хвойное дерево, край, острие’, который

приводит Ю. Покорный [Pokorny 1959: 111]. То же находим в словаре А. Брюкнера: лат. *far* ‘просо’ из **bhars-* ‘ячмень’ [Brückner 1927: 36]; Таково мнение большинства специалистов.

А. Л. Погодин исходил из и.-е. **bhar-* ‘кормить’ и сюда же относил лтш. *barība* ‘еда’ (против выступал Ф. Безлай; О. Н. Трубочев предполагал, что **bher-s-* ‘твердый, острый’ связано с лтш. *berzumi* ‘кусочки хлеба’; составители словаря склоняются к правоте Ф. Безлая).

В связи с нашей темой наиболее интересна версия Ю. В. Откупщикова, который опирается на семантику ‘дробить, делить’ в индоевропейском корне **bherǵ-* / *bherǵ-*. Таким образом он объясняет: **boršyno* < **bherǵ-s-ino-*. Авторы словаря подчеркивают, что для появления -š- обязательным условием являлось раннее выпадение -ǵ- [ESJS I: 76].

Предполагаемые Ю. В. Откупщиковым этимологические связи вносят ясность в семантику славянского материала. Если согласиться с его версией, то мы можем произвести из значения ‘делить’ значение ‘мука’ (дробить, делить зерно), далее — ‘лохмотья, пожитки’ (т.к. речь идет о мелких предметах) и, наконец, ‘корзина, сумка, карман’ как средство отделить некую часть этих пожитков.

§ 2. Котуль

Для диалекта как ненормированной языковой системы, существующей только в форме устной речи, весьма актуальна проблема вариантности слова. Вариантность в плане выражения является одним из основных свойств любого языка. Отчасти ее обуславливает параллелизм некоторых структурных возможностей каждой языковой системы, т.е. наличие в языке нескольких элементов одного и того же уровня, различающихся по означаемому, а не по обозначаемому [Силина 1968: 53]. Обращаясь к проблеме словообразовательной вариантности, будем считать словообразовательными вариантами слова, совпадающие по значению и тождественные по корневой морфеме, но оформленные различными аффиксальными морфемами, обладающими общей функциональной значимостью. Рассматриваемое в данном параграфе сущ. *котуль* относится именно к таким лексемам.

Сущ. *котуль* (варианты: *котыль*, *катыль*, *катуль*, *кутуль*, *хотуля*, *хотулька*) является сугубо диалектным словом, обозначает ‘кошелку или котомку, заплечную плетенку’ [Даль 2003 II: 292; IV: 929] и относится к числу не совсем ясных лексем. Материалы СРНГ и других словарей пока-

зывают, что данное существительное широко представлено в псковских, тверских, саратовских, московских, ярославских и кубанских говорах русского языка:

котыль ‘сума пешеходов и пастухов’:

Вишь, матка, так все котылем-то свернула да куды не попадя и сунула [СРНГ 15: 117];

‘то же, что *котуль*’ [ПОС 16: 434];

котуль ‘мешок для провизии’ [СРНГ 15: 114], ‘сума у пешеходов и пастухов’ [ПОС 16: 25];

катуль ‘заплечная сума, вещевой мешок, котомка’:

Кто-то с катулем в город отправился [СРНГ 13: 131]. *Взял катуль да и был потуль* [ТСГТО 2004 3: 93];

кутуль ‘сумка через плечо, в которой носят посуду с молоком’, ‘связанный концами платок, кусок ткани и т.п., в который что-либо завязано; узел, котомка’:

В кутулях в поле еду носили [СРНГ 16: 175];

‘кошелка, обычно плетеная, которую носят за плечами; котомка’:

[Пайдём в лес, как набярём полныи кутули, катомки-та, да дамой] [ПОС 16: 434];

‘большой тяжелый узел’ [ТСГТО 2004 3: 94];

хотуля, хотулька ‘походная котомка’ [Даль 2003 IV: 929].

В других славянских языках встречается: чеш. *kotoul* ‘круг’, ‘оборот курьком’, словц. диал. *kotúl*, блр. диал. *хатыль* ‘плетеная из бересты корзина для хлеба’, ‘котомка’. Ср. сюда же суффиксальное производное чеш. диал. *kotulka* ‘хохлатый жаворонок’, словц. диал. *kotúl’ka* ‘пряслице на веретене’, *kotúl’ke* ‘часть ткацкого станка’ [ЭССЯ 11: 209].

А. Г. Преображенский, отталкиваясь от внешней формы, очень нерешительно предполагает наличие связи с *котомá*, при этом никак не объясняя модель словообразования. Кроме того, происхождение самого сущ. *котомá* неясно [Преображенский 1959 I: 370].

Словарь Фасмера не предоставляет нам большей информации, чем имеющаяся лаконичная ссылка на А. Г. Преображенского, оставляя таким образом вопрос об этимологии диал. сущ. *котуль* открытым [ЭСФ II: 354].

Первая возможность этимологизации: выделение корня *кот-*

В этом варианте этимологизации выделяется корень *кот-* (*кут-*, *хот-*), суффиксы *-уль*, *-ыль*.

Начнем с суффикса. Существует ли в русском языке такой набор суффиксов, и имеет ли он славянское происхождение?

В словаре А. А. Зализняка дан определенный ряд слов славянского происхождения с похожей структурой:

костыль

мотыль

ковыль

горбыль [Зализняк 1977: 596].

Все они имеют предметное значение. Более того, в той или иной мере обозначают предметы обихода:

костыль ‘палка, которой поддерживают бредень’, ‘рыболовный закол’, ‘ручка насосного поршня’, ‘ручной насос’, ‘рогулька для наматывания пряжи в мотки’, ‘деревянная самодельная трубка грубой работы’, ‘железная наковальня дляковки медных труб’ [СРНГ 15: 85];

мотыль ‘веревка, натертая мелом и служащая для разметки чего-либо’, ‘орудие вроде кирки’ [там же 18: 307];

ковыль ‘рукоятка лопаты’, ‘сажень в виде треугольника с перекладиной для измерения проделанной за день работы (скошенного луга)’ [там же 14: 37];

горбыль ‘род коромысла, употребляемого для переноски тяжестей’, ‘неровные палки, прутья, употребляемые для ограды, заборов, плетней’ [там же 7: 25].

Изучив образование этих слов, мы можем в них выделить такой суффикс. Вполне возможно отнести сущ. *котыль* именно к этому типу и выделить в нем суффикс *-ыль*, причем исконного, а не иноязычного происхождения.

Аналогичную информацию дает словарь М. Фасмера: *костыль* (от *кость*), *мотыль* (от *мотать*), *ковыль* (от *ковать*), *горбыль* (от *горб*) [ЭСФ I: 439; II: 273, 439, 665]. Слова *мотыль* и *ковыль* образованы от глаголов *мотать* и *ковать* при помощи присоединения суффикса *-ыль*, а *костыль* и *горбыль* — путем присоединения того же суффикса к основе существительного.

Что касается суффикса *-уль*, то в имеющихся источниках по русскому языку содержащие его существительные не обнаружены. Но имеется суффикс *-ул-я*, напр., в слове *рогуля* [Ефремова 1996: 475].

От какого же слова образованы слова *котыль*, *котуля* и подобные? Каково значение корня *кот-*? На эти вопросы мы находим ответы в ЭССЯ. О. Н. Трубочев пишет, что «**kotulь*, как и **kotul'a*, соотносительно с глаголом **kotula'ti* ‘катить, свивать, складывать кольцом, кругом’» [ЭССЯ 11: 209]. Последний глагол представляет собой глагольный интензив, производный с суффиксом *-ul'-a-* от **kotiti* ‘катить, валять’ [там же: 205]. Кроме того, в том же словаре находим форму **kotyl'ati* ‘ворочать, ворошить, вертеть, хромать’, этимологически тождественную **kotula'ti* [там же: 214].

Т.о., в широком славянском материале суффикс *-ul'(-a-)* появляется. Подтверждается общее происхождение суффикса *-ыль* и *-ul'(-a-)*. Они содержат разные ступени аблаута: *ы* < **oц* — продленная нулевая ступень,

у < *оц — качественная ступень. Применяются же они в этом случае для глагольного словопроизводства. В основе, по мнению О. Н. Трубачева, находится корень глагола *kotiti со значением ‘катить, валять’.

Сложнее обстоит дело с семантической стороной данной этимологии. Часть приведенных выше слов (чеш. *kotoul* ‘круг, оборот кувырком’, слвц. диал. *kotúl*, блр. диал. *хатыль* ‘плетеная из бересты корзинка для хлеба, котомка’, слвц. диал. *kotúl’ka* ‘пряслице на веретене’, *kotúl’ke* ‘часть ткацкого станка’) действительно связана с круговыми движениями.

Однако нас интересуют бытовые значения русских диалектных слов *котуль*, *котыль* ‘вместилище’. Их не так легко связать с семантикой ‘круговое движение’, при этом признак ‘плетеный’, как видно из материала, приведенного в начале главы, не является существенным. Не обнаружив ясного семантического соотношения⁷, мы переходим к другой возможной этимологической версии.

Вторая возможность этимологизации: выделение корня -тыл- (-тул-)

Исходя из значения ‘кошелка или котомка, заплечная плетенка’ (причем *котомка* — путевая сумка, укладка; обычно плетется из лыка или бересты и носятся за плечами [Даль 2003 II: 291]), мы полагаем, что сущ. *котыль*, *котуль* по способу использования реалии могут быть связаны со словом *тыл*. В этом случае семантическое соотношение бесспорно и наглядно. В словообразовательном отношении такая этимология не нуждается в особом доказательстве, т.к. речь идет об известном типе славянских именных сложений с префиксом местоименного происхождения. Обратимся к формальным отношениям.

При таком понимании возникает второй вариант морфемного членения основы: приставка *ко-*, корень *-тыл-* и предполагаемый праславянский суффикс **-j-*, переводящий образуемое слово в мягкую разновидность склонения.

Мы являемся сторонником постулирования для праславянского языка префикса **ко-*, как и многие исследователи. Так, еще Н. М. Шанский в своей статье [Шанский 1972] подробно осветил этот вопрос. В дальнейшем Е. Антушева развила эту точку зрения [Антушева 2005] и также пришла к выводу, что выделение данной морфемы является правомерным. Подробнее о дискуссии по поводу приставки *ко-* и ее алломорфов можно прочитать в наших статьях [Ягинцева 2008; Ягинцева 2010].

Перейдем к предполагаемому корню. О его семантике уже говорилось раньше, чуть выше. С точки зрения формы требует рассмотрения вариативность корней *-тыл-* / *-тул-*. Подчеркнем, что это именно вариативность,

---

⁷ Кроме того, предположение о корневом статусе отрезка *кот-* затрудняет объяснение форм со звуком [x]. В указанном месте ЭССЯ переход **k > ch* остается без мотивации.

а не два разных корня. Доказательство этого находим у М. Фасмера. В числе слов, родственных слову *тыл*, имеется сущ. *тук* со значением ‘жир, сало’, оба они происходят от глагола *тыть* ‘жиреть, тучнеть’, лтш. *tukst* ‘пухнуть, отекать’, лат. *tumēō*, *-ēre* ‘быть раздутым’, кимр. *tyfu* ‘расти’⁸ [ЭСФ IV: 116, 133]. Лексема *тук* свидетельствует о наличии качественной ступени дифтонга *оц в данном корне. Такую же ступень аблаута мы вправе предположить в слове *ко-тул-ь*. Соответственно в *котыль* выступает продленная нулевая ступень того же дифтонга. Родство *котуль* и *котыль* подтверждается и этимологическим тождеством глаголов **kotyl’ati* и **kotul’ati* [ЭССЯ 4: 214].

Функция предполагаемого праславянского суффикса *-*j*- заключается в переводе образуемого слова в мягкую разновидность склонения, т.е. она чисто грамматическая.

Такие формы, как *хотуля*, *хотулька*, также нуждаются в объяснении вариативности консонантизма. При первом варианте этимологизации (см. выше) соотношение начального *к*- и *х*- никак не объясняется, но при втором варианте мы вполне можем предполагать, что в словах *хотуля*, *хотулька* представлен один из фонетических вариантов экспрессивной приставки *ко-*, а именно: *хо-*. Взрывной согласный *к* ослабляется до щелевого *х* при сохранении остальных дифференциальных признаков. Широкая фонетическая вариативность характерна для экспрессивных морфем⁹.

Мы стремились доказать исконно славянское происхождение лексемы *котыль* и прояснить ее внутреннюю форму. Выводы, к которым привело такое исследование, вкратце заключаются в том, что *котыль* — русская инновация. Более вероятным является второй вариант этимологизации. Слово делится на приставку *ко-*, корень *-тыл-* и суффикс *-*j*- (окончание нулевое) и образовано от сущ. *тыл*.

§ 3. Пестер(ь)

В настоящем параграфе будет сделана попытка объяснения происхождения сущ. *пестер(ь)* на фоне анализа генетических связей всех возможных вариантов этого слова: *пéстер*, *пéстёрь*, *пéхтер*, *пехтёрь*, *пецёрь*, *пястерь*.

В словарной статье наиболее авторитетного в русском языкознании «Этимологического словаря» М. Фасмера относительно лексемы *пестер(ь)* излагается несколько имеющих в литературе объяснений происхождения данного слова [ЭСФ III: 250]. При этом сам автор словаря не соглаша-

⁸ Разные согласные после корневого гласного в приведенных словах являются различными расширителями индоевропейского корня **teu-*, в частности в *котуль*, *котыль* — расширитель *-*l-* [Черных 1993 II: 275].

⁹ Кроме того, следует упомянуть, что приставка *ка-* в сущ. *катуль*, *катуль* — это отражение аканья.

ется ни с одним из них, не признает их несомненными. Т.о., окончательного вывода об этимологии сущ. *пестер(ь)* в словаре нет, поэтому данное слово можно определить как этимологически неясное.

Автор отмечает пять форм данной лексемы: *пéстер, пестёрь, пёстерь, пехтёрь, пещёр* с практически одинаковыми значениями:

1) *пéстер, пещёр, пестёрь* ‘заплечный короб из лыка, бересты или корней’:

С пестером в лес ходим;

‘корзина (из прутьев, плетеная, берестяная, для грибов), кузов’:

В пестере скобель был;

‘большая корзина из прутьев, бересты, лыка, драни для сена’:

Сено мы в пестерах носили;

‘лукошко из бересты, драни, прутьев’:

Раньше сеяли вручную — пестер называется, наденут ляжку на плечо, и пошел сеять;

‘хозяйственная сумка из бересты для продуктов; кожаная сумка (в ней крестьяне носят иногда хлеб, когда приходят на работу, а чаще их можно видеть у портных’;

‘плетеный кошель (набиваемый сеном, шерстью)’:

В плетеных пестерах держат шерсть, пеньку;

‘плетеный кузов на санях, телеге’:

Наплели пестерей, теперь можно и назём готовить;

‘большая плетеная из луба корзина для корма скоту’ [ЭСФ III: 250; СРНГ 26: 309];

2) *пёстерь* ‘приспособление для переноса клади на спине’ [ТСГТО 2004 3: 94]:

С пестерём ходят за ягодами или за грибами. Мой дед был мастер плести пестери и кошелю из бересты. Вода не протекала. Пестерь сплетен из бересты, ляжки к нему подделаны. Пестерь из лык, а берёстом заковыряют, коточиком; на пестеры сверху нахлобушечку делают; в цель-от коточиком ляжки затолкают и пришьют; сзаде носят;

3) *пéхтер* ‘заплечная корзина; мешок из веревок для сена’:

Возьми на дорогу пехтер с сеном;

4) *пехтёрь* ‘заплечный мешок, ранец’ [там же: 341–342]; ‘сетка, сплетенная из веревок, использовалась для переноски груза, сена, вешалась на конец оглобли во время остановки для кормежки лошади’:

Пехтерь из верёвок, дырястый, клали сено оно;

5) *пястерь* ‘кошель для носки сена’ [ТСГТО 2004 3: 94].

Кроме того, в СРНГ находим отличающиеся по морфологической характеристике формы: *пѣстера* с тем же значением, *пестѣря* и *пехтѣря*, что значит 'неповоротливый человек, лентяй, обжора' [там же: 310–342]. Значение 'ленивый, недалекий, малоподвижный, обычно старый, человек' *пестерь* получил в результате отражения общих закономерностей метафорического переноса наименований русского языка [Лукьянова 1985: 63].

На отхожие промыслы крестьяне — плотники, овчинники, портные — уходили из дома с заплечными *пестерями*, в которых делалось два отделения, в одном лежали рабочие инструменты и белье, в другом — продукты. Такими же *пестерями* пользовались сельские пастухи. Плетенный из бересты *пестерь* с одной лямкой, надевавшийся на спину через одно плечо, назывался *котомка* [ЭВС 1987: 317]. Из бересты плели большие короба в виде конвертов с лямками — *пестери*; с ними ходили в лес по грибы, на рыбалку, носили еду на пашню.

В. И. Даль отмечал диал. *пестерюга* и *пихтѣрь* [Даль 2003 III: 169]. Они означают 'большую, высокую корзину, плетенку раструбом, из прутняка, из коренника, плетеную или шитую, берестяную, лубочную, для носки сена и мелкого корму скоту; лычный большой кошель, в широких ячеях, набиваемый сеном; также средней величины корзину, по грибы, по ягоды, которую носят на спине'. В плетеных *пѣстерах* держат шерсть, пеньку [РС 2001: 389].

Итак, лексему *пестер*, имеющую различные параллельные формы, исследователи объясняют по-разному. А. Г. Преображенский, изучив все возможные варианты данной лексемы, затрудняется выделить первоначальную форму: «Где говорят *пехтерь*, там, в народной этимологии, связывают с *пихать*, диал. *пхать*, и понимают эту вещь как предмет, в который напихивают сено, солому» [Преображенский 1959 II: 50]. Такой же точки зрения придерживается Л. В. Куркина: «Эти имена родственны глаголам **rixati*, **рхати* и представляют в корне вокализм *ē* из *oi* (ср. чеш. *řechovati* 'бить, толочь', рус. диал. *пешиуть* 'отпихивать, отталкивать')». Русские образования характеризуются суффиксом *-terъ, -теръ*» [Куркина 1972: 97]. Ж. Ж. Варбот отмечает, что у этих праславянских глаголов было значение 'толкать, колоть' [Варбот 1973: 18].

Вызывает интерес чередование *пес-* / *пех-*. Формы с *пещ-* (*пещер*), по видимому, вторичны и образованы из *пест-* (ср. *известить* и *извещать*). Предположительно выделяются суффиксы *-тер* и *-терь*. Но колебания звуковой формы и словообразования все-таки необычны.

А. Маценауэр возводил *пестеря* 'корзина из березовой коры', диал. *пестерюга* к прилагательному *пестрый* [Matzenauer 1885 12: 335], что, по мнению М. Фасмера, едва ли вероятно [ЭСФ III: 250]. Мы тоже считаем это маловероятным, т.к. в СРНГ находим только одну похожую форму, а именно: *пѣстер* 'плетеный кузов на санях, телеге' [СРНГ 26: 310], значение которой не имеет ничего общего с *пестрый*. Кроме того, лишь форма

пестерь вторым значением имеет ‘тонкое домотканое пестрое полотно’ [там же: 313].

В свое время Ф. Миклошич полагал, что *пестер* является заимствованием из тур.-перс. *bister* ‘стоянка’. Однако, судя по значению, это не так. Теперь последнее слово производится из иран. *vi-star ‘расстилать’ [ЭСФ III: 250].

Заимствование из финно-угорских языков исключается. Напротив, Ю. Вихман и Т. Утила считают слово *pešt'er* в языке коми со значением ‘плетенная из березовой или сосновой коры котомка’ заимствованием из русского [Wichmann, Uotila 1942: 195].

Л. В. Куркина считает, что словен. *péšt* ‘связанная для крыши солома’ сопоставимо с некоторыми русскими диалектными формами: *пестер*, *пестерь*, *пещер* и др. [Куркина 1972: 96].

Если *пестер* образовано от глагола *пехтёрить*, что означает ‘пихать; нести, тащить что-либо тяжелое; много набирать, пихать; медленно делать что-либо, тянуть’ [Даль 2003 III: 169; СРНГ 26: 341], то возникает вопрос, почему же именно форма *пестер* (а не *пехтер*) более употребительна, а потому, возможно, первична? К тому же приведенная глагольная форма сама производит впечатление отыменной.

Поскольку все выдвинутые ранее этимологии не являются бесспорными, можно искать новое объяснение происхождения слова.

С нашей точки зрения, сущ. *пестер(ь)* образовано от глагола *пестовать* (диал. *пéстать*). СРНГ приводит три значения этого слова:

1) ‘нянчить ребенка, держа его на руках, на коленях, играя с ним, подбрасывая его’;

2) ‘держатъ сосуд с жидкостью неровно, небрежно’;

3) ‘поднять, держать и т.д. какую-либо тяжесть на руках’ [СРНГ 26: 314–315].

Первое из приведенных значений первично. По общему мнению, глагол происходит от *питать* [ЭСФ III: 251]. Формирование лексической группы с корнем **pit-* / **pět-* протекала по разным направлениям. В славянских языках она втягивается в сферу обозначения продуктов растительной пищи. Естественным развитием этого семантического ряда представляется значение *pitati ‘кормить, питать, давать жизненные силы’ [Куркина 1974: 64].

Вспомним, что есть такое понятие, как *ясли*, что, во-первых, означает ‘кормушка для скота, наклонно прикрепленная к стене или в виде сужающегося книзу ящика’, а во-вторых, — ‘воспитательное и здравоохранительное учреждение для самых маленьких детей, где они находятся во время работы родителей’ [Ожегов, Шведова 1992: 954]. В ССРЛЯ *пестовать* — 1) ‘нянчить маленького ребенка, ухаживать за ним’; 2) переносное — ‘заботливо, любовно выращивать, воспитывать’ [ССРЛЯ 1948–1965 9: 1090]. Если обратиться к смыслу глагола *воспитывать*, то мы увидим,

что здесь тоже есть эти два параллельных значения: 1) 'выращивать ребенка, воздействуя на духовное и физическое развитие, обучая наукам и правилам поведения' [Ожегов, Шведова 1992: 98]; 2) 'кормить, питать; вскармливать, выкармливать' [СРНГ 5: 141]. В свою очередь В. И. Даль пишет: «*Воспитывать* — заботиться о вещественных и нравственных потребностях малолетнего, до возраста его; вскармливать, кормить, одевать до возраста; научать, наставлять, обучать всему, что для жизни нужно» [Даль 2003 I: 420]. Эти факты показывают тесную связь между идеями воспитания, выращивания и кормления.

Т.о., действие по глаголу *пестовать*, т.е. нянчить, включает в себя не только формирование личности, но и обеспечение пищей. Такую же связь предполагаем в сущ. *пестер(ь)* (см. приведенные выше значения, связанные с кормлением скота).

Кроме того, третьим значением глагола *пестовать* является значение 'поднять, держать и т.д. какую-либо тяжесть на руках'. Предмет *пестер(ь)* и является большой корзиной для переноски сена, шерсти и т.п. [СРНГ 26: 314–315]. Т.о., семантически анализируемое нами существительное и глагол *пестовать* связаны двояко. Этого достаточно для предположения о родстве слов.

Как понятно из приведенного выше замечания М. Фасмера, важную роль в этимологической аргументации играет анализ тех формальных признаков, которыми обладает исследуемая лексема.

Реконструкция слова как морфологической единицы должна опираться прежде всего на морфологический анализ [Шустер-Шевц 1967: 73]. Морфологический анализ состоит в установлении морфемного состава и его словообразовательной обусловленности. Это значит, что при этимологизировании мы устанавливаем не только совпадение корней или основ, но и словообразовательных аффиксов и способов словообразования в их историческом развитии [Кодухов 1963: 50].

При анализе слова *пестер* и его вариантов существенно понимание грамматических характеристик. Как было отмечено выше, встречаются формы данной лексемы на твердый и мягкий согласный, имеющие разное ударение. Чем можно объяснить такие различия? Сначала обсудим наличие у лексемы *пестер(ь)* форм на твердый и мягкий согласный.

В словаре М. Фасмера в числе других проанализировано сущ. *зверь*, которое автор вслед за Э. Френкелем относит к основам на согласный. От этого существительного образованы прилагательные *звероподобный*, *зверообразный*, сущ. *зверолюб*. Здесь в качестве соединительного гласного используется *-о-*, а не *-е-*, как ожидалось бы, учитывая мягкость основы *зверь*. Выводы, к которым пришли оба ученых, свидетельствуют о том, что склонение на *-i* не было первичным для этого слова. «Славянские сложные слова с *зверо-* свидетельствуют об основе на согласный» [ЭСФ II: 87]. В склонении на согласный именительный падеж имел твердую основу, а

косвенные — мягкую. Этим различием объясняется колебание в твердости-мягкости *зверь* (из косв. п.) и *зверо-* (из имен. п.). Об этом также см. в нашей статье [Ягинцева 2006].

То же самое можно в принципе предположить и относительно форм *пѣстер* — *пестѣрь*. Мягкий *-r'* появляется из косвенных падежей. Чередование *-r* и *-r'* является признаком того, что раньше слово *пестер* относилось к склонению на согласный.

Из индоевропейского праязыка в праславянский перешло несколько основ на *-r*. Основы на *-r* представляют собой замкнутый тип и в связи с этим сравнительно хорошо сохранили древние семантические основания выделения их в самостоятельный класс [Бернштейн 1974: 214].

В старославянском языке фиксируются две старые формы на *-r*, представляющие особый тип именного склонения. Это основы *мати* и *дѣци*. Их фиксируют древние тексты многих славянских языков. Они сохраняются и в современных славянских языках, часто в существенно преобразованном виде.

Праслав. **mati* — **materē* восходит к и.-е. *mātēr-*. Основа косвенных падежей **mater-* часто проходит по всей парадигме, т.е. употребляется в именительном падеже единственного числа. Встречается это во многих говорах восточнославянских языков, что в той или иной степени находит отражение и в литературных языках. В славянских языках это слово может иметь твердое и мягкое соответствие: ср. цслав. *Матерь Божия*, польск. *macer*, чеш. *máteř*. Многие славянские языки сохраняют старый вид основы на *-r'* / *-r* в рус. диал. слове *дочь*, *дочеря* (ср. *пестѣря* [СРНГ 26: 313]), чеш. *dcera*, словц. *dcéra*. Индоевропейская основа *neter-* в разных славянских языках продемонстрировала твердый и мягкий *r-*: чеш. *neteř*, словц. *neter(a)*, др.-рус. *нестера* 'племянница'. Ст.-слав. *брагрь*, чеш. *bratr* относится к основе на *-r* твердый. Рус. *деверь* 'мужнин брат' не является показательным примером твердости / мягкости, но мы его приводим как еще один факт сохранения основы на согласный [Бернштейн 1974: 214–218].

Чеш. *játry*, болг. *ятро* 'печень', которое также относится к склонению на согласный, имеет предметное, как и *пестер*, значение. Это два примера названий неодушевленных предметов, относящихся к склонению на согласный [Трубачев 1964: 72]. Перечисленные выше слова доказывают, что, несмотря на отсутствие регулярности рефлексов, *-er* сохранялся в общеславянском языке, и мы имеем право утверждать возможность такого суффикса в русском слове *пестер*, т.к. слово это может являться глубоко архаичным. Общеславянские суффиксы проявляют себя и в русском языке.

В индоевропейском праязыке в т.н. сильных падежах (в т.ч. в именительном) ударение падало на основу слова, а в слабых (т.е. большинстве косвенных) могло перемещаться на окончание. Колебания в ударении *пѣстер* и *пестѣрь* соответствуют такому распределению, с учетом того, что говорилось выше о связи твердости / мягкости с падежными формами.

Что касается ударения *пещѣр*, то данная форма вторична и не подчиняется правилам первоначального распределения ударения. Кроме того, она могла в акцентологическом отношении испытать влияние слова *пещѣра*.

Теперь остановимся на рассмотрении лексемы *пестер* в морфематическом аспекте, для чего необходимо в исследуемом слове выделить морфемы.

Сразу же отметим, что мы не согласимся с членением на морфемы, которое осуществил А. Г. Преображенский (он выделяет суффиксы *-тер* и *-терь*) [Преображенский 1959 II: 50], поскольку производная форма *пещѣр* свидетельствует о вставке *-j-*, которая не могла быть осуществлена внутри суффикса.

Мы предлагаем в слове *пестер* выделить такие морфемы, как корень *пес-* (из более раннего **pět-*) и суффиксы *-m* и *-ep*. В лексеме *пещѣр* между двумя последними был вставлен *-j-*. Чередование в корне звуков *c / t* наблюдается при сопоставлении глагола *пестовать*, сущ. *пестун* и, с другой стороны, глаголов *воспитывать*, *питать*, диал. *пѣтать* 'заботиться о ком-либо' (основы **pitati* и **pětati* М. Фасмер считает омонимичными) [ССРЛЯ 1948–1965 9: 1090; Даль 2003 I: 420; ЭСФ III: 251]. Оно объясняется закономерной в праславянском языке диссимиляцией сочетания звуков **tt*. Наличие суффикса *-m-* очевидно из примеров *пес-м-овать* и *пес-м-ун*. В. Махек рассматривал рус. *пестать* как интенсив с суффиксом *-t-* (**pě-ta-ti*) [Куркина 1974: 60]. После того как к диссимилированной группе согласных **st* добавлялся **j*, это более сложное сочетание превращалось в *-щ-* — так возникла вариантная форма слова *пещѣр*.

Индоевропейский детерминатив *r* еще в дославянский период стал выполнять в определенных позициях функции суффикса. Об этом пишет С. Б. Бернштейн. Праславянский язык представляет его во многих словообразовательных структурах:

имена мужского рода — **darь (dati)*, **pirь (piti)*, **žirь (žiti)* и др.;

имена женского рода — **vydra*, **dьbrь* и т.д.;

имена прилагательные — **bьdrь*, **bystrь*, **dobrь*, **mokrь*, **pьstr*, **jarь*, **ostrь*, **sirь*, **starь* и проч.

В большинстве случаев такой **r* в праславянском языке уже не выполнял грамматической функции. Он мог входить в состав корня (напр., **měra*), в других словах выступал как часть суффикса (напр., **sěkyra* или **pektera*). Имеются и поздние праславянские новообразования с этим суффиксом, как **pirь* и под. На примере многих прилагательных С. Б. Бернштейн показывает, что **r* в праславянском еще мог отвлекаться от корня: **bьdrь* — **bьděti*, **dobrь* — **padoba*, **mokrь* — **močiti*, **pьstr* — **pьsati*, **ostrь* — **ostь* [Бернштейн 1974: 220].

Т.о., выделение суффикса *-(e)p-* в исследуемом нами слове вполне оправдано. К наличию гласного ср. пример из С. Б. Бернштейна: **pek-t-er-a*. Здесь все этапы словообразования четко подтверждаются: корень сохра-

нился в *пек-у*, *pek-tь перешло в *печь* (сущ.), *pek-t-er-a в ст.-слав. *пещера*, мн.ч. рус. *Пещоры (Псковские)*. Отметим и тот факт, что в словах *пещера*, *Пещоры* наше сочетание суффиксов дает предметное значение.

На языковом и внеязыковом уровнях обнаруживается ряд аргументов в пользу данной теории: вероятный праславянский характер суффикса *-er-*, его проявления в современном русском языке и способность отражать предметное значение.

Если поделить слово на предложенные морфемы, то получим:

пѣстерьь < *pojt-t-er (из именительного падежа, поэтому *p* твердый, ударение на первом слоге);

пѣстѣрьь < *pojt-t-ér-e (из родительного падежа, поэтому ударение на суффиксе, *p'* мягкий);

пѣщѣрьь < *pojt-t-j-er (из именительного). Сначала произошла диссимиляция (*pojt-t-*), потом оказал свое влияние *j*: *stj > *щ*.

Форму *пѣхтѣрьь* мы объясняем влиянием глагола *пихать*. В СРНГ *пѣхтѣрьь* — это заплечный мешок, ранец, кузов; плетеная берестяная корзина; мешок из веревок для сена; спрессованный тюк сена [СРНГ 26: 342]. Последнее значение особенно наглядно показывает связь с данным глаголом, поскольку плотно сжатое сено стало таким именно после чрезмерного набивания в корзину. Здесь важно то, что именно набивают, т.е. пихают.

В словаре М. Фасмера помещено слово *пѣхтиль* ‘пест’, в словарной статье которого написано, что *пѣхтерьь* и *пѣхтѣрьь* — то же [ЭСФ III: 254]. В СРНГ вторым значением лексемы *пѣхтерьь* является ‘пест для толчения в ступе’ [СРНГ 26: 342]. *Пѣхтиль* обычно производится от *пихать* [ЭСФ III: 254]. Поскольку *пѣхтерьь* может иметь значение ‘пест’, а *пѣхтиль* образовано от глагола *пихать*, то, следовательно, на формирование лексемы *пѣхтерьь* ‘пест или корзина’ тоже повлиял глагол *пихать*. Мы не видим никакой причины, вследствие которой эти два слова, имеющих одно и то же значение, были бы образованы от разных глаголов.

Т.о., разные виды лингвистического анализа позволили нам прояснить этимологию сущ. *пестерьь(ь)*, *пещерьь*. Они согласованно показывают, что эту лексему можно рассматривать в качестве существительного, родственного глаголу *пестовать*.

Мы стремились обозначить в слове его внутреннюю форму, понятную только на славянской и индоевропейской почве, а не при допущении заимствования. Исследование бытовой лексики в плане происхождения требует четкого отделения заимствованных (вместе с предметом утвари) обозначений от тех слов, которые унаследованы или образовались на славянской и русской почве. В последнем случае можно утверждать древность соответствующей реалии, а также четче представить себе ее форму и / или функцию.

§ 4. Поняга

Сущ. *поняга* (варианты *паняга*, *паняла* и др.) до сих пор остается неразъясненным. М. Фасмер в соответствующей словарной статье дает помету «неясно» [ЭСФ III: 200]. Рассматриваемая лексема обладает большим количеством значений, связанных друг с другом. См. ниже:

1) сиб., арх., бурят., забайк., ирк., краснояр., енис. *поня́га*, *па́ня́га* ‘приспособление для переноски тяжестей на спине в виде дощечки на двух ремнях за плечами’ [СРНГ 29: 280]:

Харчи все привязал к поняге. Поняга получилась тяжелая, лямки так и врезались в плечи. Золотарю без поняги, что мужику без коня;

2) костр. *поняга* ‘носилка из лучков на спину, коза, крошни’ [Даль 2003 III: 480], ‘короб из бересты для переноски груза на спине; охотничья сумка из брезента’ [СРНГ 29: 280]:

По осени поняги плетем;

3) арх. *паняга* ‘оленья уздечка; ранец’ [ЭСФ III: 200];

4) ирк. *поняжка*, *паняжка* — то же, что *поняга* в 1 знач.:

А Лица бежит, только поняжка взаду подпрыгивает. Паняжки — доска лгонька, привязываешь боеприпасы, с лямкам и все;

5) сиб. *поняла*, *паня́ла* — то же, что *поняга* в 1 знач. [СРНГ 29: 280];

6) *паняла* ‘крошни, заплечная носилка, покрываемая у зверовщиков заднею половиной лузана’ [Даль 2003 III: 23];

7) краснояр., енис. *па́ня́га* ‘охотничье заплечное приспособление в виде дощечки с лямками для переноски малого груза’, ‘доска с ременными лямками у звероловов, на которой укрепляют пойманного зверя; легкий станок, к которому звероловы привязывают то, что берут с собой’;

8) прибайк. *поняга* ‘охотничьи носилки-доска, рамка, сплетенная из тальника, с лямками для переноса грузов на спине; короб с лямками; мешок для вещей’, ‘легкий станок, к которому звероловы привязывают то, что берут с собой’ [Аникин 1997: 460].

В словаре А. Е. Аникина относительно подробно разбирается наше слово с точки зрения происхождения. Автор учитывает три возможности. Согласно И. Г. Добродомову, сущ. *поняга* происходит из якутского или эвенкийского. Действительно, слово явно связано с эвенкийским *панāгэ*, диал. *пōнāгэ* ‘поняга’, якут. *тапāга* ~ *рапāга* ‘носилки спинные’, как и бур. *панаага* ‘поняга’. Но автор словаря вслед за специалистами решительно отвергает эту версию. Соответствующие слова сибирских языков, наоборот, заимствованы из русского [там же].

А. Е. Аникину не вполне ясно, является ли *поняга* «досибирским» словом, точнее, идет ли оно от арх. *паняга* ‘оленья уздечка’. Если нет (в Сибири слово означает не уздечку, а различные приспособления для переноса тяжестей), то *поняга*, по мнению А. Е. Аникина, остается без этимологии

[там же]. В дальнейшем мы покажем, что различия в значении не носят принципиального характера. Но чем же архангельское слово помогает в этимологизации? Автор этимологического словаря русских диалектов Сибири выдвигает собственную версию происхождения этого слова, связывая его с кольск. *панга* — то же (последнее из фин. *panka* или саам. *pagge*) [см. ЭСФ III: 196]. Это решение не кажется нам убедительным по фонетическим причинам.

Дополнительные соображения А. Е. Аникин высказывает в связи с некоторой близостью русского слова к тунгусо-маньчжурским исконным названиям *поняги*, главным образом, к эвенк. *ηина*. Для нашей темы важно, что конечное *-яга* в *поняга* он признает суффиксом [там же]. Однако фонетические отношения рус. *n-* и эвенк. *η-*, рус. *-а-*, *-о-* и т.-маньчж. *-и-* более чем проблематичны, и в данном случае мы имеем дело, по-видимому, со случайным совпадением.

Т.о., этимологические связи интересующего нас слова остаются непрослеженными.

Не располагая больше никакими сведениями о происхождении исследуемого слова, мы поэтому будем исходить из внутренней его структуры. Версия, которую мы выдвигаем в этом параграфе, заключается в том, что сущ. *поняга* — русская инновация.

Рассмотрим лексику *поняга* в морфематическом аспекте, для чего необходимо в исследуемом слове выделить морфемы. Предлагаем в данном существительном выделить такие морфемы, как приставку *по-*, корень *-ня*, суффикс *-г-*, окончание *-а*.

Во-первых, существует ли в русском языке суффикс *-г-*, и имеет ли он славянское происхождение? В трудах по русскому словообразованию такой суффикс не отмечается. Довольно распространенным является суффикс *-яг-* (*-аг-*). Он широко употребляется в названиях живых существ. Этот суффикс имеет исконный характер и, возможно, даже балто-славянскую древность [Kiparsky 1975 III: 288–290]. Ввиду дальнейшего нас интересуют случаи, когда а) этот суффикс присоединяется к основе глагола (в [Зализняк 1977] находим следующие слова: *бродяга* ← *бродить*, *доходяга* ← *доходить*, *кочевряга* ← *кочевряжиться*, *летяга* ← *лететь*, *передряга* ← *передирать*, *работяга* ← *работать*); б) соответствующие суффиксальные дериваты являются неодушевленными (у В. Кипарского — *деревяга*, *сотняга*, *штормяга*, *ветряга*, *коряга* [Kiparsky 1975 III: 288–290]).

Учитывая наличие разных вариантов у заглавного слова, надо рассмотреть и суффикс *-л-* (ср. *паняла*, *поняла*). У Ж. Ж. Варбот в книге «Древнерусское именное словообразование» представлено следующее слово, надежно имеющее структуру суффикса **-l(a)*: *тесла* ‘особый род топора’ ж.р. (к *тесати*). Может быть, сюда относится и *купалы* ‘Иванов день’ (ср. *Иван-купала*) [Варбот 1969: 76]. Согласно Т. Ф. Ефремовой, данная морфема представляет собой нерегулярную словообразовательную единицу,

выделяемую в именах существительных со значением предмета, который предназначен для совершения действия, названного мотивирующим глаголом. В современном языке присоединяется к основе мотивирующего инфинитива: *опахало, давило, кадило, кропило, мерило, мыло, поддувало, пугало, точило*. В данных примерах образует слова среднего рода [Ефремова 1996: 40]. Как ясно из сказанного выше, ранее этот суффикс применялся и в словах женского рода.

Во-вторых, выделяемый корень *-ня-* (и его расширение в виде *-ним-*) имеют такие глаголы, как *нанимать, занимать, понять, принять*. В сущ. *поняга*, как и в этих словах, участок *-н-* — промежуточный звук, т.н. интерфикс, представляет собой звуковую прокладку, возникшую из старых сочетаний с приставками *вън-, сън-, кън-*. Ср. *снять, снеть, внушить, внутрь* и под. [КЭС 1961: 62, 311, 312]. Корень *-ня-* может сливаться с последующим суффиксом *-яг-* (наложение морфем).

Приставка *по-* не требует комментариев. В вариантах анализируемого слова встречается также приставка *па-*. В одних случаях она может быть объяснена проявлением в орфографии аканья, напр., сиб. *паняла*. В других такое объяснение невозможно. Напр., *пánяга* — слово, имеющее двойное ударение.

Следует иметь в виду, что некоторые диалектизмы отражают уже вышедшие из живого употребления древнейшие способы словообразования, в частности славянские образования с архаичными префиксами. Приставка *па-* известна в русском языке сыздавна. Она представляет собой нерегулярную, свойственную словам диалектной и литературной лексики словообразовательную единицу, образующую имена существительные, типа *пасынок, падчерица, пагруздь, паужин, паводок, паголенок, пагуба* [Ефремова 1996: 360]. Она обладает широким набором значений, чаще всего ударная.

С этой точки зрения сущ. *поняга* может восходить к глагольной основе *поняти*. Опираясь на исторические данные СРЯ XI–XVII вв., приведем зафиксированные там значения:

- 1) ‘взять, получить в свое распоряжение; захватить; насильно забрать куда-либо (в виде наказания)’;
- 2) ‘взять в жены’;
- 3) ‘взять на себя выполнение какого-либо предприятия; справиться с чем-либо’;
- 4) ‘привести, принять’;
- 5) ‘принять в себя, вместить (о земле)’;
- 6) ‘покрыть (чем-либо жидким); затопить’ [СРЯ XI–XVII 17: 66–67].

Интересно отметить, что *понять* в данном словаре не демонстрирует значения мыслительной деятельности.

У И. И. Срезневского находим:

- 1) ‘взять в собственность, получить’;

- 2) 'принять';
- 3) 'захватить, завладеть';
- 4) 'поймать, схватить';
- 5) 'взять под стражу';
- 6) 'повести, взять с собою';
- 7) 'привести';
- 8) 'взять в жены, сочетаться браком';
- 9) 'сосватать замуж';
- 10) 'затопить';
- 11) 'понять, постигнуть' [Срезневский 1902: 1340–1342].

В СРНГ глагол *понять* имеет следующие значения:

- 1) 'знать, соображать, уметь';
- 2) 'судить о ком-либо, чем-либо, давать оценку';
- 3) 'признавать кого-либо, что-либо, уважать кого-либо';
- 4) 'слушать уговоры, увещевания';
- 5) 'чувствовать, ощущать';
- 6) 'брать с собой';
- 7) 'взять в жены, женить, жениться';
- 8) 'спарить, случить (птицу, животное)';
- 9) 'совершить половой акт, сношение';
- 10) 'поймать, изловить, схватить';
- 11) 'перенять, запомнить, усвоить';
- 12) 'охватывая, заливать, затоплять';
- 13) 'объять, охватить' [СРНГ 29: 261–262].

Как видим, практически в каждом пункте содержится сема 'взять, схватить'. Учитывая значение сущ. *пояга* 'уздечка' (то, чем перехватывают оленя), 'ранец' (ноша; то, что нужно взять и понести), мы можем утверждать, что оно (слово) образовано от глагола *поняти*. Прослеживается явная связь рассматриваемого нами существительного с производящим глаголом.

Подобным образом обстоит дело и с вариантом *пояла*, которое через сущ. *пояло* происходит от *понять* же.

Сущ. *пáняга*, возможно, является производным от глагола *няти*. В данном случае к глагольной основе прибавляется приставка *па-*, характерная для существительных. Кроме того, она часто прибавляется вместе с суффиксом (примеры см. выше).

Смысловая сторона этимологического анализа до сих пор остается наиболее сложной и наименее разработанной. Мы считаем, что в основе наименования такого предмета, как *пояга*, лежит семантический признак конкретного действия 'хватать, брать' (корень *-ня-* / *-ним-* первоначально имел именно такое значение. Лучше всего оно сохранилось в глаголе *взять*).

Итак, постулируем, что славянский язык сохранил очень четкое старое значение ‘то, чем берут оленя и запрягают в упряжь для того, чтобы затем управлять им’. Семантика ‘приспособление для переноски тяжестей на спине в виде дощечки на двух ремнях за плечами; ранец’ развилась вследствие того, что *пояга* — то, что обычно берут с собой за спину. Созвучие арх. *паняга* ‘оленья уздечка’ с кольск. *pánга* (то же) иноязычного происхождения при таком понимании дела является случайным. Ср. мнение М. Фасмера [ЭСФ III: 196 и 200].

§ 5. Чезеза

Предметом рассмотрения в данном параграфе является существующая в русских говорах номинация *чезизин*, являющаяся обозначением кошелька для денег в виде трубки. В новгородских, смоленских, нижегородских, донских говорах встречаются варианты *чезез*, *чезеза* ‘кошелек’, *чезезина*, *чезезок* ‘карман, денежный кошель, гамза, гамзуля, денежник, калита, сумка’, *чезизин* и *чезезин* — то же:

Копить, набивать чезез. Чезезина толста у него. Чезезы и сметы нет. Сынок-то повытрясет отцовскую чезезину [ЭСФ IV: 331; Даль 2003 IV: 972].

Чезезин ‘кошелек особой формы, у женщин — у пояса, род кармана для денег’:

Раньше кашыльки были, чимязин, богатых дразнили чимязинниками [БТСДК 2003: 572].

К сожалению, материалы СРНГ, СРЯ XI–XVII вв. и СРЯ XVIII в. не могут нам дать информации о том, в каких диалектах представлена исследуемая лексема, поскольку они еще не дошли до нужной нам буквы.

Насколько можно судить по имеющимся данным, диал. сущ. *чезеза* не получило до сих пор удовлетворительного истолкования с точки зрения своего происхождения и, таким образом, по-прежнему остается этимологически проблемным.

Так, Г. А. Ильинский видел в его основе звукоподражание, подобно сущ. *гомза* в значении ‘кошель денег’, первоначально, конечно, только «звонящих» или «бренчащих». Он считает, что в русских именах *чезез*, *чезеза* суффикс *-ез-* не случайно чередуется с суффиксом *-оз-* в таких словах, как *гомоза*, *гомозиться* и проч., а наоборот, такое сходство форм и значений коренится в единстве принципа образования обеих групп слов: как **гомъза* образована от оноματοпоэтического корня **ghem-*, так *чезеза*, *чезез* образованы от параллельного звукоподражательного корня **ket-* [Ильинский 1911 16: 12]. Эта единственная попытка этимологии М. Фасмером признана нереальной [ЭСФ IV: 331]. Не доказана звукоподражательная природа сочетаний звуков *гом* и *чем*, недостаточно четок суффиксальный параллелизм: **гомъза* имеет суффикс *-ъз-*, а в *чезеза* под-

разумеается суффикс *-ез-*. Приводимое Г. А. Ильинским в качестве параллельного слово *гомоза* означает 'суетливый, беспокойный человек' и уже по причине такой семантики не относится к делу.

Следует обратить внимание на, может быть, не совсем корректный перевод данной словарной статьи М. Фасмера, а именно на фразу «фантастические попытки этимологии от *звона* см. у Ильинского» [там же]. Как нам представляется, подобная формулировка этимологической версии несколько дезориентирует читателя, поскольку, скорее всего, Г. А. Ильинский имел в виду именно семантику ('звенящий') у сущ. *гомза* и предполагал возможность образования сущ. *чемез* от параллельного звукоподражательного корня **ket-*, а никак не от сущ. *звон*.

Сравнение похожих по форме и содержанию слов — извечное занятие лингвиста. Иногда такое сопоставление приводит к установлению их родства или типологического сходства. Иногда оно дает отрицательный результат, позволяя особо выпукло увидеть различия в том языковом «контексте», в котором созданы и функционируют слова, а значит, более четко сформулировать параметры этимологических решений. Кажется, именно так пока приходится расценивать сравнение сущ. *чемеза* и *гомза*.

Таков краткий обзор истории исследования сущ. *чемеза*. Констатируем тот факт, что этимологических догадок по поводу этого слова мы практически не находим, поэтому предлагаем свою версию, доказывающую, что данная лексема имеет шансы этимологизации на русской почве. Обнаружение дополнительного материала, возможно, создаст для этой версии более прочную доказательную базу (тем более что версии заимствования имеют свои изъяны), и дальнейшие исследования переставят акценты.

Чтобы наш этимологический анализ был наиболее полным, необходимо выяснить, претерпело ли исследуемое слово фонетические и семантические изменения. Если да, то какие. Прежде всего определим, с помощью каких словообразовательных средств оно было сформировано.

Поскольку мы не можем опираться на «Словарь морфем русского языка» и другие словообразовательные словари [см. Кузнецова, Ефремова 1986; Тихонов 1996; Тихонов 1985], то предположительно выделим в сущ. *чемеза* следующие морфемы: приставку *че-* и корень *-мез-*. Остальные варианты слова являются суффиксальными производными: *чемизин*, *чемезин*, *чемезина* с суффиксом *-ин-*, *чемезок* — с суффиксом *-ок*.

Выделяемый нами суффикс является регулярной и продуктивной словообразовательной единицей, создающей имена существительные, обозначающие предмет, который характеризуется отношением к тому, что названо мотивирующим именем существительным (*брюшина*, *вершина*, *грудина*, *низина*, *перина*) [Ефремова 1996: 191]. Возможно, и сущ. *чемеза*, присоединив аффикс *-ин-*, получило такой оттенок значения. Второе предположение относительно семантики данного суффикса таково: нередко

при помощи *-ин-* образуются разговорные или просторечные синонимы мотивирующих существительных со значением лица или предмета, таких как *болотина, дурачина, овражина, помидорина, псина, холстина* [там же: 193]. Учитывая то, что сущ. *чезеца* и его варианты довольно редко встречаются в лексикографической литературе, мы лишь можем догадываться, какую смысловую нагрузку несла данная морфема.

Изучение непродуктивных аффиксов, их систематизация очень важны для определения структуры многих непонятных диалектных слов. Славянские языки сохраняют немало образований такого рода с различными приставками, уже окаменевшими, выделение которых возможно лишь с помощью этимологического анализа.

Этимологи славянских языков наряду с продуктивными постоянно обращали внимание и на мертвые аффиксы. Фрагментарно участие непродуктивных аффиксов в образовании славянских лексем фиксировали Р. Брандт, Г. Шуман, В. Кипарский, К. Оштир, Ф. Безлай, М. Будимир и др. Однако они были подвергнуты систематизации сравнительно недавно. Среди обобщающих работ нужно отметить статьи А. Дебеляка, И. Шютца, Н. М. Шанского и др.

Н. В. Никончук отмечает, что пристальное внимание к структуре слов в последнее время помогло значительно увеличить число непродуктивных аффиксов в арсенале дериватологии литературного языка, однако наука о диалектном словообразовании фактически только начинает аналогичную работу [Никончук 1979: 122].

Словари чакавского диалекта содержат интересные образования с архаичными приставками **ko-*, *če-*, *še-*. Примером сложения с приставкой **ko-* (+ *motati*) может служить глагол *okomotät, okomotôn* ‘завернуть, обернуть’, *okomotäti = omotati* — то же, известный другим словарям в форме **komotati*, без первой приставки *o-* < *ob-*. Старое название с приставкой **če-* представляет чак. *čepžit se, čepžin se* ‘упираться’, нигде более не отмеченное на южнославянской территории. Праслав. **če-pužiti* объединяет чакавское слово с рус. диал. *чепыжиться* ‘рядиться, щегольски одеваться; чваниться; величаться’. Два других образования с приставкой *še-* частично известны штокавскому диалекту. Это чакавское отглагольное *šavardālo* ‘неприметный, неказистый человек’ при шток. *шеврдало* ‘ненадежный человек’, *шеврдати* ‘уваливать, уклоняться от работы’ < *še-* + *vrdati*; чак. *ševrläti* ‘спотыкаться, бродить’ при шток. *švrljati* соотносительно с глаголом *врлати* ‘бросать; слоняться, шататься’ < **xvrliti / *xvrl’ati* [Куркина 1982: 184]. Л. В. Куркина рассматривает в качестве словообразовательного архаизма **ka-vьrga*: словен. *kvrga* ‘сучок’, сербохорв. *kvrga* ‘нарост’, хорв.-кайк. *hèrgo* — то же при **vьrg-* / *vьrz-* в польск. *warga* ‘губа’, болг. *вьрга* ‘опухоль’ [Куркина 1986: 110].

На наш взгляд, рус. диал. *чезеца* и под. принадлежит к этому древнему типу образований с архаичными приставками **ko-*, *še-*. Вследствие первой

палатализации приставка **ko-* / *ka-* могла получить вид *че-* в диал. сущ. *чезеца*. Сразу отметим, что на сегодняшний день определение исходного значения приставки представляется довольно сложной задачей. В индоевропейском языке такой приставки не было. Кроме того, в современных славянских языках она проявляет себя мало продуктивной. Ж. Ж. Варбот по данному вопросу сообщает следующее: «Функции приставки **ko-* / *ka-* в славянских языках еще не определены. Во всех славянских языках эта приставка является архаизмом» [Варбот 1971: 68–69]. Отсутствие у этого префикса четко очерченного сигнификативного значения может свидетельствовать о том, что его первоначальная функция ограничивалась выражением экспрессии с какими-то эмоциональными оттенками.

Характеристика корня является семантическим обоснованием. Установив наличие корня *-мез-*, *-миз-*, исходя из основных значений сущ. *чезеца*, учитывая существование производных *чемизин*, *чезезин*, *чезезина*, естественно предполагать, что рассматриваемое существительное имеет генетическую связь с сущ. *мизинец*: *че-мѣз-инъ* и *мѣз-ин-ец*.

Немаловажную роль в таком сопоставлении играет внешнее сходство реалий: *чемизин* — это кошелек в виде узкой трубки, в которую кладутся монеты. Подобного рода кошелек напоминает по своей форме палец.

Рус. *чемизин* не имеет соответствий в других славянских языках, но для родственной и семантически тождественной суффиксальной лексемы рус. *мизинец* такие соответствия есть — это болг. *мизи́нец*, *мизу́л* — то же, *мизи́нка* ‘младшая дочь’, сербохорв. *мјѣзинац*, *мљѣзинац* ‘младший, меньшой’, словен. *mezínes*, *mezińek* ‘младший сын; мизинец’, др.-чеш. *mězenec* ‘безымянный палец’, чеш. *mezenec*, польск. *mieżyny*, *mieżinny*, *mieżiany*, *miedziany* ‘мизинец’, диал. *miziniac* — то же [ЭСФ II: 620]. Значение корня выясняется через сопоставление с лит. *mažas*, лтш. *mazs* ‘маленький’, которое принимается большинством этимологов [там же; ЭССЯ 18: 229].

Русские диалектные слова — арх. *мизюра* ‘мизинец’, новгор., смол., нижегор. *чезез*, *чезеца* ‘кошелек’, болгарское *мизу́л* ‘мизинец’ — показывают, что данный корень необязательно связан с суффиксами *-ен-*, *-ин-*. В праславянском языке этот корень мог существовать без суффиксальных осложнений. Что же в таком случае он обозначал? Возможно, что на славянской почве уже сам корень имел значение ‘палец, мизинец’. В дальнейшем это значение перешло к производным словам, включая метафорические обозначения маленького кошелька.

Подводя итоги, отметим: если обратиться к фактам мотивационной типологии, то выясняется, что *чемизин* представляет собой отыменное название (со значением ‘кошелек для денег в виде трубки’). Какую внутреннюю форму имеют другие названия кошельков?

Сам предмет, где раньше хранили деньги, не имел особого названия и обозначался сочетанием *сумка для денег*, *мешочек*, *карман*.

По данным словаря К. Бака [Buck 1949: 776–777], другие названия кошелек имеют следующую внутреннюю форму:

греч. *ballantion* связано с корнем **gel-* в лат. *gula* ‘горло, глотка, гортань’; лат. *marsup(p)ium* через греч. *marsippoj* ‘мешок, сумка’ из вост. *maršū-* ‘живот, брюхо, сумка’; лат. *crumīna* из греч. *grumea* ‘сумка, ящик для старой одежды, старье’; итал. *borsa*, фр. *bourse*, исп. *bolsa*, лат. *byrsa*, *bursa* из греч. *bursa* ‘кожа, шкура’; гот. *puggs*, шв. *pung* — назализованные формы от *poki* ‘карман, мешок’, *pfoch* — то же. Семантическое развитие происходило от ‘кусоч ткани’ или ‘швы в одежде, сшитые вместе, для образования сумки; складка в одежде’. Лит. *mašna*, *makšna*, *makas* ‘сумка, кошелек’, рус. *мошна* ‘то же’, лтш. *maks* ‘то же’, *naudas* ‘деньги’, сербохорв. *novčarka* от *novac* ‘деньги’, болг. *váček (na penize)* — уменьшительная форма от *vak* ‘сумка, кошелек’, польск. *worek (na pieniądze)* — от *wor* ‘мешок, сумка’, рус. *кошелек* — диминутатив от *кошель* ‘корзина, бумажник’: *кош* ‘корзина’ [Buck 1949: 776–777].

Из этого списка первые два примера демонстрируют то, что название кошелька может происходить от названия части тела.

§ 6. Чечень

Предметом рассмотрения в данном параграфе является существующая исключительно в восточнорусских говорах номинация *чечень*, являющаяся обозначением короба с крышкой, а также садка, в котором держат живую рыбу [ЭСФ IV: 355]. К сожалению, материалы СРНГ, СРЯ XI–XVII вв. и СРЯ XVIII в. не могут нам дать информации о том, в каких диалектах представлена исследуемая лексема и какими значениями она обладала, поскольку данные источники еще не дошли до нужной нам буквы. Однако в словаре В. И. Даля указывается следующее: «Волж. *чечень* ‘плетеный из тальника круглый короб в сажень поперек, с крышкой, для содержания живой рыбы; сажалка, садок’, ниж., кстр., сар. *чечня*, *чеченька* ‘зобня, плетенка, корзинка; плетюжка; плетеная кубышка для рыбы’» [Даль 2003 IV: 995]. В Словаре Академии Российской за 1797 г. находим то же слово *чечень*, но с другой семантикой: ‘яма, оплетенная ивовыми перевивинами и водою наполненная’ [САР 1789–1794 6: 745]. Лексема, насколько нам известно, не зафиксирована в других славянских языках.

Что оправдывает наши попытки обратиться к этому слову? В этимологической литературе (см. [Горяев 1901]) обсуждалось его происхождение из др.-инд. вед. *khánati* ‘роет’: «Великорус. *чечень* ‘яма рыболова’, ср. с санскр. *khá-nā-mi*, *khan-ta-* ‘канавы’» [Горяев 1901: 55]. Такое сравнение М. Фасмер считает неверным [ЭСФ IV: 355]. Действительно, данная версия недостаточно убедительна в плане семантики: приведенный выше материал указывает, что в семантических вариантах заглавного слова основным содержанием является плетеный характер артефакта. Значение

‘яма’, которое Н. В. Горяев кладет в основу сопоставления с санскр. *khan-ta-* ‘канава’, является для нашего слова периферийным. Как указывает М. Фасмер, ведийский глагол *khá-nā-mi* означает ‘рою’. Следовательно, он не подходит в качестве мотивирующего слова для существительного, обозначающего ‘короб, плетенку, корзинку, кубышку и под.’ С точки зрения словообразования *-nā-* в др.-инд. глаголе является назальным суффиксом одного из типов спряжения; в славянском ему соответствует суффикс *-ну-*. Нет оснований видеть в звуке *н* у сущ. *чечень* следы такой суффиксации. В плане фонетики можно добавить, что двойное *ч* в русском слове никак не объясняется Н. В. Горяевым. Т.о., помета М. Фасмера «неясно» отражает тот факт, что наше диалектное существительное является этимологически проблемным словом.

С формальной точки зрения анализируемое слово могло бы быть соотнесено в плане происхождения с глаголом *чекать* ‘ждать’ и существительным в выражении *быть на чеку*, которые Г. А. Ильинский [Ильинский 1957 6: 94] производил от и.-е. **kek-* ‘гнутья, сгибаться, подстергать’ [ЭСФ IV: 325]. Однако наличествующие в этом гнезде семантические элементы невозможно увязать со значением нашего слова.

Проведя семантический анализ, мы допускаем другое объяснение происхождения слова, основанное на соотнесении рус. *чечень* с глаголом *щечить*. Опираясь на материал из словарей М. Фасмера и В. И. Даля, приведем значения глагола: *щечить* II ‘теребить, тормошить, дергать, брать, щипать; таскать украдкой, воровски, поживляться’, ‘тайком убирать, укрывать, скрывать’ [Даль 2003 IV: 1083; ЭСФ IV: 506].

Щечить можно сравнивать и с группой: нем. *Schächter* ‘разбойник’, ан.-сакс. *šēcēre* и *scā-h* ‘похищение, грабеж’, нидерл. *schaak* ‘похищение де-вушки’ [Горяев 1901: 59].

При таком толковании значение ‘прятать, скрывать’ органически входит в семантику сущ. *чечень*. Именно это значение для глагола *щечить* могло инициировать образование изучаемой нами лексемы. Поскольку предмет, обозначаемый этим существительным, использовался для хранения живой рыбы или просто в качестве корзинки, плетенки для разных вещей, мы предполагаем, что его название могло возникнуть в связи со значением исходного глагола.

Следует также отметить, что, по мнению Н. В. Горяева, сущ. *щека* находится в связи с *щечить* II [там же: 58]. Насколько известно, связь с сущ. *щека* семантически вполне оправдана. Существуют многочисленные примеры того, когда что-то прячут за щекой, в нашем случае — убирают в короб. Глаголы этого класса (IVa класс) являются производными от существительных, т.е. деноминативными, ср. *щечить* < *щека*. Значение ‘убирать, прятать’ у вышеупомянутого глагола развилось из метафоры ‘прятать за щеку’. Покажем это на примерах из различной литературы:

«<...> доходяга хранит за щекой золотую монетку с дельфином» [Пучков 2009].

«<...> Общество сразу расслоилось: одни зарабатывали жетон, другие попрошайничали у автомата, а доминанты грабили, причем быстро сообразили, что жетоны, которые можно хранить за щекой, отнимать выгоднее, чем купленные тружеником продукты» [Дольник 2004].

«На московский торг приходили с деньгами, завязанными в платок или спрятанными в кошелек, который в виде кисета висел на поясе, хотя «Домострой» рекомендовал хранить деньги за пазухой и платить «из рук в руки». Если предстояла небольшая покупка, деньги прятали за щеку. Иностранцы очень удивлялись тому, как ловко русские ухитряются разговаривать и торговаться с деньгами во рту» [Векслер 1997].

«Кратковременно сохраняли монеты даже во рту, за щекой. Известно о том, что такой способ хранения монет применяли чаще всего, отправляясь за не крупными покупками, собираясь расплачиваться при этом мелкими деньгами, например, копейками, которые отличались очень маленькими размерами. Однако дипломат и историк из Швеции Петр Петрей де Ерлезунда (1570–1622), в нач. XVII в. побывавший несколько раз в России, так рассказывает об этой привычке: «Купец берет деньги и, сосчитав, держит их во рту до тех пор, пока не отдаст товара покупателю и не найдет времени спрятать их; часто бывает у них во рту до четырех или до пяти талеров, когда они продают или покупают, однако ж разговаривают между собой без всякого затруднения для языка и не роняя изо рта денег до тех пор, пока не захотят их выронить нарочно» [МК 2010]. Т.о., становится понятно, что во рту хранили не только мелкие копейки, но даже весьма крупные талеры! Это сообщение достаточно правдоподобно, поскольку и в Древней Греции и даже в начале прошлого века на Ближнем Востоке, в Индии и Северной Африке применяли тот же способ переноски монет в целях их сохранности» [там же].

Возможен закономерный вопрос о характере связи сущ. *щека* с глаголом *щечить* в первом значении I, а именно: ‘бойко говорить, резко болтать, ссорясь, бранясь; тарантить, тараторить, лотошить и трещать не переводя духу, скороговоркой’. Дело в том, что *щека*, хотя и не является активным органом произношения, но тем не менее участвует в образовании резонатора.

Система разновидностей мотивировки в процессе номинации внутри разных тематических групп лексики разнообразна. С. М. Данильченкова определила специфику выбора мотивировочных признаков для русских диалектных названий домашней утвари. В своей статье [Данильченкова 1980: 110] она отмечает определенную регулярность при образовании слов, относящихся к одной тематической группе лексики. Об этом подробнее в таблице 1 (Глава 1, параграф 1).

В названиях посуды преобладает мотивировочный признак по функции. Поскольку такой предмет, как *чечень*, предназначен (одна из функций) для хранения рыбы, мы можем предполагать, что в составе существительного, обозначающего соответствующее вместилище, имеется корень, содержащий функциональную сему 'класть (иногда тайком)'

Важную роль при изучении происхождения слова играет также и анализ тех формальных средств, с помощью которых оно образовано (словообразовательный и морфемный анализ). Каждое слово при его этимологическом анализе обязательно должно быть отнесено к тому или иному словообразовательному типу. Однако родство лексем определяется по корневой морфеме [Откупщиков 1969: 83].

Следуя этой рекомендации, мы выше попытались на семантической основе установить связь корней в сущ. *щека*, глаголе *щечить* и сущ. *чечень*. Теперь остановимся на рассмотрении лексемы *чечень* в морфематическом аспекте, для чего необходимо в исследуемом слове выделить морфемы. Предложенная версия происхождения исследуемой лексемы по наименованию действия требует выделить в слове *чечень* корень *чеч-* и суффикс *-ень*.

В доказательство возможности образования сущ. *чечень* от глагола *щечить*, при допущении чередования начальных согласных, приведем примеры из словаря А. А. Зализняка, где дан определенный ряд слов славянского происхождения с похожей структурой. Обычно такие производные существительные обозначают предмет или явление, которые характеризуются действием, названным мотивирующим глаголом: *кипень* ~ *кипеть*, *плетень*¹⁰ ~ *плести*, *плету*, *пролежень* ~ *пролежать*, *складень* ~ *класть*, *кладу*, *ставень* ~ *ставить*, *ступень* ~ *ступить*, *цветень* ~ *цвести*, *цвету*, *плавень* ~ *плавать*, *опахень* ~ *опахать*, *навязень* ~ *навязать*, *переступень* ~ *переступить*, *сбитень* ~ *сбить*, *бивень* ~ *бить*, *будень*, чаще мн. ч. *будни* ~ *будить*, *ливень* ~ *лить*, *оползень* ~ *ползти*, *поршень* ~ *порхать*, *студень* ~ *студить*, *брედень*¹¹ ~ *брести*, *бреду*. После знака ~ приводятся глаголы, семантически, а в большинстве случаев и формально, соотносительные с интересующими нас существительными. Суф. *-ен'* является непродуктивной, но достаточно регулярной словообразовательной единицей, обычно безударной, однако *плетень*, *ступень* [Ефремова 1996: 126; Зализняк 1977: 596–597], ср. также *чечень*, о котром писал В. Даль. Данный аффикс выделяется также в существительных, которые обозначают разговорные названия лиц, характеризующихся качеством или свойством, заключенным в мотивирующем слове: *баловень* ~ *баловать*, *лежень* ~ *лежать*, *оборотень* ~ *оборотить*, *перевертень* ~ *перевертеть*, *сидень* ~ *сидеть*, *увалень* ~ *ува-*

¹⁰ С. Б. Бернштейн относит к основам на согласный без надежных фактических обоснований. См. [Бернштейн 1974].

¹¹ С. Б. Бернштейн с оговорками относит к основам на согласный. См. [там же, с. 166, 171].

лять [там же]. Т.о., возможно отнесение сущ. *чечень* к описанному словообразовательному типу.

В работе [Kiparsky 1962], кроме того, приводятся оканчивающиеся на *-ень* существительные, часть из которых можно сопоставить с *чечень* (производные от корневых имен: *перечень*, *поручень*, *стрежень* — от диал. *стреж*, *уровень*, *слепень*, *дурень*, *прихвостень* и неясные по образованию *витюлень*, *стержень*, *шкворень*, *щепень*, *селезень*, *злыдень*, *трутень*), а другая часть представляет собой древние основы на согласный: *камень*, *корень*, *ремень*, *ячмень*, *парень*, *шершень*, *перстень* (др.-чешск. род. п. *prstene*), *гребень* (польск. *grzeby-k*), *кремень*, очевидно не имеющие отношения к рассматриваемому словообразовательному типу.

Реальность интересующего нас типа в древнерусском языке доказывает материал, приведенный в словаре И. И. Срезневского: *связаьнь* ‘узник’, *закладьнь* ‘перебежчик?’, *заложник*, *плетьнь*, *попльзьнь* ‘излив’ (ср. соврем. *оползень*, *-зня*), *порубьнь* ‘обрубок’, *приходьнь* ‘пришелец, чужеземец’, *опашьнь* (к *опхати* ‘обмахать’) и др. [см. Варбот 1969: 79]. Следовательно, этот тип является достаточно древним и его появление может быть отнесено к дописьменной эпохе. Как пишет Ж. Ж. Варбот, суффиксальные существительные этого типа — через связующее звено в виде прилагательных с суффиком *-ьн-* — происходят либо от корневых имен существительных, либо от глаголов. См. подробнее [Варбот 1969: 79–80]. Со ссылкой на Ж. Ж. Варбот этот вопрос рассматривает В. А. Кипарский, который отмечает как древние случаи суффикса *-ень* (напр., *олень*, ср. др.-лит. *elenis*), так и более поздние субстантиваты с суффиксом *-ьнь* (напр., рус. диал. *ледень* ‘кусочек льда’ ~ лит. *ledinis* ‘то же’) [Kiparsky 1975: 202]. Анализируемое нами слово несомненно относится ко второму типу, поскольку в нем наличествует беглый гласный. По этой же причине было бы ошибочно рассматривать *чечень* в качестве исконной субстантивной основы с суф. **-en* типа **katōn*, *retōn* > *камы*, *ремы*. Наличие балто-славянских соответствий также свидетельствует о древности предполагаемого для сущ. *чечень* словообразовательного типа.

Родство выше перечисленных слов предполагает также фонетическое обоснование. Начальное *č* в *чечень* требует специального объяснения. Анализируя аналогичные случаи, Ж. Ж. Варбот пишет, что структурные различия между **ček-* (**kek-*) и **šček-* (**skek-*) сопоставимы с вариантностью в гнездах **(s)kel-*, **(s)kep-*, **(s)ket-* и объясняются, как и в последних, функционированием *s-mobile*, породившим в славянских языках многочисленные примеры структурного расхождения родственных лексем [Варбот 1978: 41]. Если в лексемах гнезда **šček-* реконструируется вариативность начальных *šč / č*, то правомерно включение в данное гнездо и рус. *чечень* < **čeč-ьн’-ь*. В пределах гнезда **šček-* рус. *чечень* оказывается самым тесным образом связанным с **ščeka* и **ščečiti*: их корни различает лишь

наличие / отсутствие *s-mobile*. Реконструируемый корень глагола *щечить* имеет вид **(s)kek-*, а у сущ. *чечень* он выглядит следующим образом: **kek-*.

Т.о., все сказанное подтверждает возможность выделения в сущ. *чечень* корня со значением 'украсть, скрывать' и производства данного существительного от глагола *щечить*, в лексическом значении которого выделяется соответствующая сема, а формальные отношения соответствуют славянской словообразовательной системе, при том что чередование начальных согласных допустимо возводить к индоевропейской древности.

ГЛАВА 3

КУХОННАЯ УТВАРЬ

§ 1. Баклуша

Этимологического исследования требуют не только отдельные слова, но и устойчивые сочетания слов — во многих случаях их происхождение отнюдь не является очевидным.

Сущ. *баклуша*, неизвестное другим славянским языкам, но безусловно древнее, даже этимологически трудное, в литературном языке преимущественно употребляется во множественном числе во фразеологизме *бить баклуши*. Некоторые диалекты (костромские, нижегородские, пермские, уральские, пензенские, владимирские, казанские, астраханские) фиксируют единственное число. Чем уже контекст, тем размытее семантика слова.

Все ранние попытки этимологизирования не дали положительного результата. Так, М. Фасмер характеризует исследуемое слово как неясное и приводит его значения: 1) 'деревянная чурка, обрубленная для выделки деревянной посуды — ложек, мисок и проч.'; 2) 'таз как музыкальный инструмент' [ЭСФ I: 110]. А. Г. Преображенский отмечает те же значения [Преображенский 1959 I: 13].

Сходную точку зрения встречаем у Н. М. Шанского. По его мнению, сближение сущ. *баклуша* с диал. *баклага* 'деревянная посуда', диал. *баклан* 'чурка', *калбан* 'самодельная деревянная миска' является правильным, однако оно объясняет лишь его словообразовательную структуру, но не характер корня *бакл-*, остающегося неэтимологизированным [ЭСлРЯ I: 16].

Завершая краткий обзор этимологий, мы остановимся еще на плодотворной попытке О. Н. Трубачева объединить интересующее нас слово под одной общей леммой с исходным вариантом **bakul'a / *bakъл'a* (и близким), вызванной очевидной формальной возможностью, а также серьезными семантическими основаниями. Автор выделяет в сущ. корень *ба-* (из и.-е. **bhā-* 'свет, блеск'), являющийся составной частью многих слов, обозначающих 'нечто связанное с водой или заболонью' [ЭССЯ I: 142]. Подробнее об этом см. ниже. А. Е. Аникин наряду с *бакулка* 'выстроганная палочка для веретена' сопоставляет с с.-х. *bakulja* 'заболонь'. Возводит к прасл. **bakul'a / *bakъл'a*, далее к и.-е. **bhā-* 'свет, блеск' [Аникин 2008 2: 105].

Наконец, следует отметить представленное в «Сравнительном этимологическом словаре русского языка» Н. В. Горяева ошибочное сравнение с лат. *baculus(m)* 'палка, посох', нем. *Bakel*, фр. *baculer* с тем же значением [Горяев 1896: 9], против которого выступают М. Фасмер и А. Г. Преобра-

женский [ЭСФ I: 110; Преображенский 1959 I: 13]. Позднейшие этимологи считают такое сравнение невероятным.

Итак, учитывая имеющиеся в лексикографической литературе сведения, мы должны искать удовлетворительное этимологическое решение относительно сущ. *баклуша*.

Сущ. *баклуша* имеет два употребления: свободное — ‘деревянная чурка’ и связанное, т.е. в составе фразеологического сращения, которое получило переносное значение — ‘праздно проводить время, бездельничать’. Сначала обсудим связанное значение.

Общепринято мнение, что *бить баклуши* означает ‘праздно проводить время, бездельничать’:

[*Што ты баклуши бьёиш*] [ПОС I: 96];

[*А мая свикруха усе баклушы збиваит*] [БТСДК 2003: 31];

[*Повадились и баба, и мужик баклуши обивать. Ходил по лесу, ничего не нашел, а жена скажет: «У, баклуши обивал». Сидит без дела и баклуши обивает*] [ССРНГ 1969: 48].

ФСРЯ дает следующее значение: первоначально ‘раскалывать, разбивать осиновый чурбан на баклуши (чурки) для изготовления из них мелких щепных изделий (ложек, поварешек и т.п.), т.е. делать очень несложное дело’ [ФСРЯ 1978: 36].

«Производственная» гипотеза происхождения выражения *бить баклуши* принадлежит В. И. Далю. *Бить баклуши*, по его мнению, первоначально означало ‘готовить чурки-заготовки для деревянной посуды: чашек, ложек, стояков’ [Даль 2003 I: 64]. Эта гипотеза, переходя из одного фразеологического источника в другой, приобрела, наконец, статус аксиомы. Этому особенно способствовал С. В. Максимов, обильно уснастивший этимологию Даля живописными этнографическими деталями «легкого промысла» битья баклуш [Мокиенко 1973: 25]. Исходная мотивировка фразеологизма *бить баклуши* в традиционном понимании — ‘заниматься легким, пустяковым делом, не требующим особого умения’.

Несколько иную мотивировку предлагал В. С. Парсунько, пытавшийся конкретизировать ее исходя из общественно-экономических отношений: «Мы полагаем, что заготовка материала (баклуш) для мелких деревянных изделий могла оправдывать себя, пока процветал кустарный промысел, испытывавший потребность в таких заготовках. Когда же кустарный промысел в связи с развитием фабричной промышленности стал нерентабельным, заготовка баклуш для кустаря должна была утратить свое значение, не оправдывать себя. В этом, очевидно, нужно видеть условия для переосмысления выражения *бить баклуши*». Такая трактовка кажется довольно произвольной вариацией на далевскую тему, тем более, что автор даже не пытался подкрепить ее каким-либо материалом [там же].

Сомнения в традиционной этимологии фразеологизма принадлежат А. Спирину. Его контраргументы направлены против этнографической ин-

терпретации Даля: «Во-первых, *бить баклуши* — это работа, требующая немалой затраты физического труда и ее нельзя отождествить с бездельем; во-вторых, заготовками баклуш в промысловых артелях занимались подростки, а ни одна мать не назовет бездельником добытчика, заработавшего первую копейку». А. Спириин предлагает две собственные трактовки. Согласно первой, *баклуша* — это музыкальный инструмент, похожий на деревянную миску, по которой бьют деревянными клюшками [Спириин 1969: 6]. Использование посуды в сходной функции отмечено уже в Мстиславовой грамоте ок. 1130 г.: ...*велѣлъ ксмь бити въ нѣ (блюдо) на шбѣдѣ* [Срезневский 1986: 46]. Однако отметим несоответствие синтаксических конструкций: *бить баклуши* — вин. п. без предлога, *бить в блюдо* — вин. п. с предлогом *в*. Согласно второй, *баклуша* является синонимом слова *бакалдина*, *колдобина* ‘лужа’ и *бить баклуши* — значит ударять палками по такой колдобине, швыряя туда камешки. Такое значение и сейчас бытует в Тамбовской, Пензенской, Рязанской областях и в русских селах Мордовии. В одном из таких сел А. Спириин и услышал горестный упрек матери ввалившемуся в избу мальчишке, с ног до головы забрызганному водой и грязью: «Опять целый день бил баклуши?» [Спириин 1969: 6]. Примечательно, что мальчишки по весне действительно часами простаивали у баклуши, ударяя палками по воде, брызгаясь и швыряя туда камешки. Сам автор считает более правдоподобной именно эту версию, хотя и никак не аргументирует ее большую вероятность.

В. М. Мокиенко предлагает совершенно иную мотивировку данного фразеологического сочетания. Он считает, что для символического обозначения безделья больше подходит метафора развлечения (игры), а не легкой работы, как предполагали другие авторы: «Поиски семантически и синтаксически оправданной мотивировки *бить баклуши* приводят к трактовке компонента *баклуша* как ‘чурка для игры в городки, рюхи’» [Мокиенко 1973: 29]. Такое значение (‘круглая, толщиной в вершок осиновая палочка длиной в 6–7 вершков для игры в бабки на льду’) зафиксировано в тобольских говорах [СРНГ 2: 62]. Оно — развитие самого активного и наиболее широко распространенного в русских говорах значения лексики *баклуша* — ‘деревянная чурка, палка, болванка’.

Бить баклуши, следовательно, первоначально значило ‘сбивать битой баклуши, т.е. небольшие городошные чурки’. Бабки или городки именно били, т.е. «выбивали» из «города, кона» и т.п. другими бабками, чурками или чижамы. Такие игры вполне логично считались забавой, развлечением, праздным времяпрепровождением и потому стали символом безделья [СРФ 1998: 40].

Переход от процесса игры в городки или бабки к символическому обозначению безделья укладывается в семантическое русло фразеологического ряда ‘играть в какую-нибудь игру’, ‘развлекаться’ > ‘бездельничать’ [Мокиенко 1973: 29].

Учитывая широкую употребительность фразеологизма *бить баклуши* и популярность игры, лежащей в основе его мотивировки, можно предполагать наличие в разговорной речи более конкретной модели (подгруппы): ‘сбивать городки, рюхи, бабки’ > ‘бездельничать’. Наблюдение за контекстами описанных названий показывает их довольно устойчивую связь с понятием ‘бездельничать’. Так, в свияжских говорах записан следующий контекст к слову *блудня*: *Блудня ты эдакой, чем книжку читать, он городки строит*. Игра в бабки (лодыги) четко ассоциируется с бездельем в обороте *смен на лодыгу*, имеющем значение ‘отдых’. Не менее очевидна пейоративная коннотация со значением ‘бездельничать’ и для следующих контекстов: *Целый день играл в шелугу (шелуга — деревянный или лыковый мяч); рюхи в брюхе будут играть* [там же: 31].

Важным аргументом в пользу предлагаемой этимологической гипотезы является наличие в русских диалектах значительного ряда сочетаний, синтаксическая и семантическая структура которых полностью соответствует модели ‘сбивать городки, рюхи, бабки’ > ‘бездельничать’. Так, в псковских говорах фразеологизм *шапки сбивать* означает ‘заниматься нетрудным делом, отлынивать от тяжелой работы’ [там же: 30].

Глагол *бить* активно соединяется с терминами игры в шары (в роли шара часто выступает деревянный обрубок, чурка). К этой игре восходит смоленский фразеологизм *бить гулы* ‘бездельничать’, который, по мнению А. С. Львова, тесно связан с этимологией слова *гулять*. С подобной игрой связан, видимо, и рязанский фразеологизм *балды бить* ‘бездельничать’, внутренняя форма которого раскрывается на фоне основного значения слова *балда* ‘палка, дубина’.

Активность конкретной семантико-синтаксической модели ‘сбивать городки, рюхи, бабки’ > ‘бездельничать’ можно было бы подтвердить фразеологическим материалом и других славянских языков (блр. *bībiki bić*; укр. *байдики бити, байди бити, бомки бити*; польск. *bić bąki* и т.д.). Предполагаемая исходная мотивировка фразеологизма *бить баклуши* ‘играть в городки или бабки’ укладывается в рамки общих синтаксических и семантических моделей описываемого фразеологического ряда. Дополнительным аргументом является замена глагольного компонента в сибирских говорах, где записан фразеологизм *баклуши сбивать* ‘бездельничать’. Этот вариант подтверждает верность реконструкции для глагола *бить* значения ‘сбивать, шибать’, а не ‘раскалывать’, как предполагается традиционной трактовкой [там же: 31].

Приведенные В. М. Мокиенко аргументы доказывают первоначальную внутреннюю форму фразеологизма ‘заниматься игрой’. Т.о., во фразеологическое сращение сущ. *баклуша* входит со значением ‘чурка для игры’. Такой же точки зрения придерживается и А. Е. Аникин. Автор словаря считает, что данный фразеологизм понимается как исходно связанный со сбиванием городошных чурок. На аналогичное блр. *брынды bić*, откуда

брындзіць ‘бездельничать’, указывает А. Аксамітаў. А. М. Молдован указывает, что фразеологизм исходно мог обозначать ‘битье’ с помощью музыкальных инструментов — ложек и т.п. [Аникин 2008 2: 105].

Напомним, что нашей целью является установление этимологии не фразеологизма, а слова *баклуша*. Мы не отвергаем гипотезы О. Н. Трубачева, но видим ее неполноту, поскольку некоторые факты по-прежнему остаются без объяснения. В словарной статье под **bakul'a / *bakyl'a* собраны различные лексемы (в том числе и сущ. *баклуша*), характеризующиеся широким разбросом значений [ЭССЯ 2: 142–144], что, в свою очередь, затрудняет решение поставленной нами задачи. Поэтому представляется целесообразным разделить слова на две группы.

На основании всех значений сущ. *баклуша* мы можем выдвинуть версию о двух омонимах: ‘таз, бочонок, баклажка’ и ‘чурка, болван, палка, колышек’. На наш взгляд, именно для первого омонима убедительная этимология выдвинута академиком О. Н. Трубачевым. Он выделяет в существительном корень *ба-* (из и.-е. **bhā-* ‘свет, блеск’), являющийся составной частью многих слов, обозначающих ‘нечто связанное с водой или заболонью’. При этом *-к-* выступает в качестве его расширения, а *-ъл-* и *-уш-* — это суффиксы: **bhā + k + ul + uš + a*.

Сюда же относятся: *баклуша* в значении ‘заболонь у дерева’, укр. *бакаль* ‘озеро’, рус. диал. *бакай* ‘речной проток, проран в плавне, в камышах’, укр. *бакай* ‘глубокая яма в реке, пруде’, ‘грязный, наполненный водой ухаб на дороге, выбоина, ложбина, посредине которой лужа’, ‘яма, канава, ухаб’, ‘яма, выбоина на дороге, залитая водой’, *бакая* ‘большой овраг’, рус. диал. *бакалея* ‘залив, губа, лужа’, *бакала* ‘заязь, заязок в проточной воде перед плотиной, от напора льда’, ‘наледь’, *бокал* ‘рытвина на летней дороге’, *бакалда* ‘глухой заливек или ковш, поемная яма, колдобина, ямина, которая наливается водой по весне и остается как бы озерком; глубокая зазора по дороге в распутицу’, *бокалдина* ‘яма, наполненная водой’, укр. *бакані* ‘заболоченная мокрая равнина’, сюда же с изменением вокализма *a > o > u* рус. диал. *букля* ‘залив’, ‘изгиб реки’, ‘глубокое, тихое место в реке; заводь’, *букля* ‘яма, вырытая водой во время весеннего разлива’ [там же: 142–143].

В пользу этой этимологии приведем еще некоторые лексемы и их значения: рус. диал. *бокалда* ‘колдобина’ [ЭСФ I: 186], рус. диал. *бакалда* ‘овражек’, ‘место на берегу Волги, где продают овощи, скот, рыбу’ [СРНГ 2: 58], *бакала* ‘ледорез из кольев в проточной воде, предохраняющий плотину от напора льда’, *бакалгина* ‘маленькое озеро в болоте, поросшее осокою и хвощом’, *бакалдина* ‘яма, которая наливается водой по весне и остается как бы озерком; небольшое низкое болотце, наполненное дождевой или снеговой водой; яма, омут в маленькой речке’, *баклушка* ‘озерко’, *баклан* ‘высохшее озеро’, *бакай* ‘речной проток в плавнях, в камышах; залив, образующийся на низменных берегах Азовского моря под влиянием льда

или сильного ветра' [там же: 57], *бокай* 'небольшое заливное озеро на низкой косе', *бокалужа* 'яма с водой' [там же 3: 68].

Семантическая связь между этими словами и индоевропейским корнем **bhā* 'свет, блеск' объясняется тем, что водная гладь, а также нередко лед отражают свет солнца или луны и по этой причине выглядят блестящими. Естественным является также переход по смежности (метонимия) 'вода' → 'сосуд'. Поэтому *баклуша* как некое вместилище для жидкости (в СРНГ находим среди многочисленных значений сущ. *баклуша* такое: 'бочонок, баклажка', 'деревянная кадочка; глиняный сосуд грушеобразной формы с очень узким горлом для масла, керосина' и *бакляга* 'бочонок' [там же 2: 62–63]) может рассматриваться в качестве синонимичной основы **bakul'a* / **bakъl'a*, где и.-е. **bhā*- продлено при помощи *-к-*.

При этимологическом анализе часто оказывается, что для одного и того же слова можно предложить несколько примерно равновероятных этимологий.

Второе значение сущ. *баклуша* — 'чурка, болван, палка, колышек' — никак не может быть выведено из и.-е. **bhā*- 'свет, блеск'. Предполагаем, что в праславянском языке оно представляло собой омоним к *баклуша* 'лужа, озеро, заболонь → таз, бочонок, баклажка', который требует отдельной этимологизации. Внутренние возможности языка позволяют нам расчленить данное существительное на приставку *ба-*, корень *-кл-*, суффикс *-уш-* и окончание *-а*. Именно словообразовательный анализ дает возможность предположить в качестве производящей основы глагол *колоть*.

По тем же источникам, по каким была произведена группировка слов со значением 'таз, бочонок, баклажка', соберем лексемы, характеризующиеся семой 'деревянная палочка, чурка'.

Таблица 3.

Рус. диал. <i>баклуша</i>	'чурка, болванка, обрубок дерева, приготовленный вчерне для выделки из него токарных изделий (ложек, чашек и т.п.)', 'круглая осиновая палочка толщиной в вершок, длиной в 6–7 вершков для игры в бабки на льду' (Костром., Нижегород., Tobol.) [СРНГ 2: 62].
Рус. диал. <i>баклушка</i>	'короткий расколотый обрубок дерева', 'деревянная чурочка для игры в городки' (Южн.-Сиб., Иркут., Перм.) [там же: 62–63]; 'щепка': <i>Бачуришка тоненька откололась, баклушка</i> [СГРС I: 47].
Рус. диал. <i>баклыш</i>	'колышек (деталь саней)' (Арх.) [там же: 63].
Рус. диал. <i>баклан</i>	'чурбан' [там же], 'болван, чурка' [ЭСФ I: 110], 'обрубок дерева, бревна'.
Рус. диал. <i>баклашек</i>	'обрубок дерева, бревна, чурбан' [СРНГ 2: 60].
Рус. диал. <i>бакланник</i>	'толстые неколотые дрова; куча чурбанов' [там же: 61].

При разных суффиксах данная лексика обладает определенной семантической общностью и демонстрирует общий начальный комплекс *бакл-*, в котором мы склонны видеть образование с приставкой *ба-* и с корнем *-кл-*. Предположение о производности исследуемого слова от глагола *колоть* при помощи суффикса *ба-* должно быть обосновано. Подтвердим этот факт примерами, что такой аффикс в русском языке существовал и мог образовывать производные. Сделать это нелегко, т.к. он является уникальным. Префикс *ба-* в славянской лексике редок, но в нескольких словах выделяется бесспорно.

Существующие словообразовательные словари [см. Кузнецова, Ефремова 1986; Тихонов 1996; Тихонов 1985] такой морфемы в современном русском языке не выделяют. Однако отсутствие там какого-либо аффикса не означает, что его не было в древнерусском или праславянском языках. Имеются надежные свидетельства того, что в более древнюю эпоху существовали префиксы, которые в настоящее время уже не используются для образования новых слов. В качестве примера можно отметить ныне непродуктивные приставки *су-* (*суглинок, сугроб, сумрак*), *па-* (*надчерица, насынок, паводок*), *ко-*.

Наш предшественник по этой теме, Е. Боярова, рассматривала некоторые русские лексемы, которые предположительно содержат в своем составе приставку *ба-*: *башлык, барма* и *бабуни(-ы)* [Боярова 2003]. Кроме того, к словам, в которых представляется возможным выделение такой приставки, она относит: *бавольник, бастрюк, батура, балахон* (ср. ряд однокоренных слов у О. Н. Трубочева, восходящих к корню **laxъ* ‘лохмотья, барахло’ [ЭССЯ 14: 18]), косвенным свидетельством в пользу существования *ба-* является также сущ. *балясы* (ср. с *лясы*). В этот же ряд можно поставить русское диалектное название рыбы уклеи — *ба-клея, ба-клейка*. Ср., с одной стороны, польск., словен. *kleja*, сербохорв. *klea*, с другой стороны, рус. *у-клея, ша-клея* и др. [Боярова 2003: 14]. А. И. Соболевский так же указывал на три слова в русском языке, утративших свой начальный слог *ба-*: *шлык* — из *башлык, стрюк* (бранное) — из *бастрюк* ‘сын’, *лясы* (точить) — из *балясы* [Соболевский 1911: 345].

Более ранние исследователи обращали внимание на лексические единицы, начинающиеся на *ба-*. М. Фасмер, напр., выделяет этот элемент, хотя и в качестве междометия, в таких словах, как *балуда* [ЭСФ I: 118], *бахмур* [там же: 137], *бахвал, бахвалиться* [там же: 136], сравнивая их с соответствующими, бесприставочными лексемами: *луда* ‘каменная глыба; каменистое русло’, *хмурый, хвалить*. Важно отметить, что, называя *ба-* междометием, М. Фасмер не уточняет его словообразовательного статуса, в отличие от О. Н. Трубочева, который в отдельных случаях выделяет *ба-* как особую глагольную приставку. Напр., он предлагает рассматривать **badoriti / *baduriti* в качестве префиксального образования от глагола **duriti* [ЭССЯ 1: 122]. В случае же с **batoriti* сложение элемента *ба-* с глагольной основой **toriti* ис-

следователь считает бесспорным. По его мнению, элемент *ba-*, функционирующий как специальный глагольный префикс, может быть формально-семантически близок лит. *be-*, который сообщает глаголу оттенок длительности или усиления действия [там же: 166 и сл.].

Н. М. Шанский также выделяет аффикс *ба-* в сущ. *бахвал*, которое он возводит к исчезнувшему слову *хвал*, и при этом исследователь приписывает этому префиксу акцентирующую семантику, называя его «усилительной приставкой». Кроме того, в качестве примеров слов с аналогичной морфологической структурой он приводит диал. *бахмур* и *бахалда* [ЭСлРЯ I: 59].

Сплошной просмотр словника М. Фасмера [ЭСФ I] предварительно позволяет предположить наличие *ба-* в следующих словах:

Таблица 4.

<i>Багно</i> ‘грязь, болотистое место’: несмотря на большое количество версий (все они недостаточно убедительные), этимологически неясное слово. Выделяемый нами корень <i>-гн-</i> (др.-рус. <i>-гън-</i>) можно сопоставить с глаголами <i>гснуть</i> , <i>гбнуть</i> (где <i>-ги-</i> происходит из <i>-гы-</i>), поскольку первоначальное значение существительного — ‘гибкое место’.
<i>Багранный</i> : корень может быть связан с глаголом <i>гореть</i> , т.к. семантика прилагательного — ‘красный, пурпурный, багровый цвет’.
<i>Багун</i> ‘болотное растение’: по мнению М. Фасмера, возможно, родственно <i>багно</i> . На наш взгляд, возможно чередование с <i>-гин-</i> (ср. <i>гибель</i> , см. выше <i>багно</i>). Данное растение источает сильный одуряющий запах, вызывающий головную боль и раздражительность. Сложное по составу эфирное масло, содержащееся во всех наземных частях багульника, в больших дозах нарушает работу центральной нервной системы, парализует дыхание и сердечную деятельность.
<i>Бадран</i> ‘трава борщевник’ < <i>драть</i> : по указанию М. Фасмера, из этого растения, предварительно ободрав листья, варили борщ. Слово не этимологизировано.
<i>Базло</i> ‘горло, глотка’: все имеющиеся в литературе этимологии М. Фасмер оспаривает. Предполагаем первичное значение — ‘агрессивный, лживый человек’. Слово гипотетически делится на <i>ба-</i> и <i>-зло</i> , если предположить, что горло и глотка — орудия словесной перепалки.
<i>Байдак</i> ‘речное судно’: этимологии нет. Можно предположить, что слово делится так: <i>ба-ид-ак</i> . Ср. укр. <i>найда</i> ‘найденый’. Оба слова родственны глаголу <i>идти</i> . Следует напомнить, что корабли именно ходят, а не плавают.
<i>Байдуга</i> ‘беззаботный человек’, где корень <i>-ид-</i> , как в сущ. <i>пройдоха</i> — тот, кто проходит мимо, а суффикс <i>-уг-</i> может иметь пейоративное значение, как в <i>бандюга</i> .
<i>Балда</i> ‘кувалда; дурак’: <i>ь</i> в корне чередуется с <i>у</i> (<i>лудить</i> ‘заделывать дыры’ и о.-слав. <i>луд</i> ‘дурак’). Здесь <i>ба-</i> — экспрессивная приставка, а корень тот же самый. Значение ‘большой топор’ вторичное. Сюда же <i>балодка</i> ‘молот’, где <i>ь</i> прояснился.

<i>Балуда</i> ‘омут’: сам Фасмер высказывает предположение о междометии <i>ба-</i> и <i>луда</i> ‘каменная глыба; каменистое русло’.
<i>Барахло</i> — «темное» слово. Может быть причастием от <i>рахать</i> ‘швырять’.
<i>Барвица</i> ‘растение ясменник красильный’, которое вызывает рвоту у животных. Слово сопоставляется с глаголом <i>рвать</i> .
<i>Барда</i> ‘гуща, отходы винокуренья’: выделяем корень <i>-рд-</i> со значением ‘красно-коричневый цвет’, что правдоподобно для такого вещества. Тогда <i>барда</i> родственно <i>рдеть</i> , <i>руда</i> , <i>ржавый</i> .
<i>Бáрин</i> II ‘гнойник’: мотивирующую лексему можно предположить в укр. <i>ринуть</i> ‘сильно течь’, чеш. <i>řinouti se</i> ‘литься, струиться’.
<i>Барыш</i> ‘прибыль, доход’: внутренняя форма слова — то, что удалось урвать. Ср. <i>рухло</i> ‘движимое имущество’, <i>рухо</i> ‘одежда’, <i>рушить</i> .
<i>Басалык</i> , <i>басалук</i> ‘болотная, кислая почва’: очевидна связь с сущ. <i>соль</i> (количественное чередование: <i>o < *ǫ, a < *ǫ</i>). Ср. <i>подсаливать</i> .
<i>Бастрык</i> ‘выродок’: выделяем корень <i>-стр-</i> и сравниваем с польск. <i>stryc</i> ‘дядя по матери’ (<i>c < *k</i>), рус. <i>стрик</i> с тем же значением (сокращение из <i>бастрык</i>).
<i>Бастыльник</i> ‘сорная трава, которую используют как топливо в крестьянских домах’: сопоставляем с сущ. <i>стужа</i> , <i>стыдный</i> . Семантическая связь такова: ‘трава, которая осенью выстудилась, охладела’.
<i>Бахолда</i> ‘хвостун; лентяй, разиня’, ср. <i>халда</i> : количественное чередование <i>хал / хол</i> .
<i>Болкун</i> ‘упряжка’: М. Фасмером объяснено гипотетически из <i>об-</i> и <i>волоку</i> , со знаком вопроса. Между тем в слове можно видеть корень <i>-лк-</i> , как в лексеме <i>облучок</i> ‘край повозки, саней’. Буква <i>o</i> в приставке — результат орфографической гиперкоррекции.
<i>Болхарь</i> ‘большой колокольчик’: от <i>лох</i> ‘дикая маслина’. Между <i>л</i> и <i>х</i> был <i>ъ</i> . Буква <i>o</i> в написании — результат орфографической гиперкоррекции.

Относительно значения приставки *Е*. Боярова пишет, что в отдельных случаях она проявляла себя как интенсифицирующая, т.е. служила для передачи идеи многократного воспроизведения действий [Боярова 2003: 44]. Интенсивность — разновидность усилительности, о которой пишет академик Н. М. Шанский. Но в приведенном списке подобные семантические нюансы не так заметны. Возможно, что с течением времени они постепенно нивелировались. Более вероятно, что предполагаемая приставка *ба-* исконно не имела предметного значения, а являлась средством экспрессии.

Предположение о префиксе означает, что корнем данного омонима **bakluša* был *-kl-*. Последний наличествует в **klīnъ* ‘clin, гвоздь’, который в свою очередь восходит к раннепраслав. **kōlti* ‘колоть, резать’, ср. - *молоть* — *млин* (*блин*) [ЭСФ II: 251; ЭССЯ 10: 44–45]. В данном случае нулевая ступень аблаута оправдана сочетанием «заднеязычный + плавный», ср. аналогично *греть* — *гореть*. Семантика ‘колоть, резать’ хорошо

просматривается в примерах из Таблицы 1. Мы считаем, что в основу наименования предмета могла быть положена именно такая идея.

Суффикс *-уш-* является нерегулярной словообразовательной единицей, выделяемой в именах существительных женского рода со значением предмета, который характеризуется действием, названным мотивирующим глаголом. Данный суффикс всегда ударен [Ефремова 1996: 485].

Подводя итоги, можем констатировать, что обе выдвинутые нами этимологии имеют и достоинства, и недостатки. Вторая из них хотя и является ближней и вполне удачна с точки зрения семантики, но требует выделения в рассматриваемом слове чрезвычайно редкого префикса *ба-*.

В соответствии с выводами В. М. Мокиенко, в составе фразеологического выражения *бить баклуши* представлено сущ. *баклуша*, имеющее значение 'чурка' и восходящее ко второму омониму с корнем *-кл-*, а само выражение связано с игрой в городки, в *попа-гонялу* и *под.* и имеет значение 'развлекаться, бездельничать'¹².

§ 2. *Кочедык*

М. Фасмер не приводит в словарной статье сущ. *кочедык* 'шило для плетения лаптей' [ЭСФ II: 357] точной информации о происхождении слова. Другие исследователи также затрудняются дать определенный этимологический комментарий при изучении данной лексемы. Этот факт позволяет вновь поставить вопрос о происхождении сущ. *кочедык*. Наша цель — попытаться установить некоторые возможности этимологизации этого диалектного существительного.

Поскольку бесспорно между предметом и словом, называющим его, существует связь, обратимся прежде всего к этнографическому источнику. Этимологические экскурсы, совершаемые видным этнографом и фольклористом Д. К. Зелениным, важны для понимания процесса формирования восточнославянской лексики, связанной с архаическим слоем традиционной культуры.

«Плетение в жизни народа играет значительную роль. В настоящее время (начало XX в. — *О. Я.*) плетут обувь из лыка, шляпы из соломы, чулки и перчатки из шерсти. Лапти плетут из липового, березового или ивового лыка, реже из коры вяза и можжевельника» [Зеленин 1991: 203–204]. В силу того, что *кочедык* используется для изготовления лаптей, рассмотрим этот процесс.

Лыко нарезают длинными узкими полосками, из которых и плетут обувь. На Украине лапти носят только жители Полесья. Белорусские и украинские лапти отличаются от русских не только прямоугольным плете-

---

¹² В первой главе во втором параграфе приводится *баклуша* в значении 'музыкальный инструмент'.

нием, но и тем, что у них более низкие бока и очень слабо оформлен носок [там же: 269].

Представляет интерес следующая особенность: белорусы и украинцы плели лапти начиная с носка, а русские — с пятки. Кроме того, русские плели свои лапти на колодках, при этом пользуясь железным или костяным инструментом, который они называли *кочетык*, *кочеток*, *колочик*, *котач*, *костыг*, *свайка*, *швайка*; белорусы — *качадык*, *швайка*; украинцы — *швайка*. Железный *кочетык* имеет вид плоского и широкого изогнутого шила. Костяные *кочетыки*, которые делают из расщепленных бараньих или свиных костей, теперь встречаются редко; помимо других районов они были зафиксированы у литовцев в Свенцяном уезде Виленской губернии. У украинцев встречались стальные *кочетыки* этого типа, которые одновременно использовались для добывания огня. Следует еще отметить, что эти инструменты часто выполняют разные функции, напр., ими сдирают кору с деревьев, изготавливают различные сосуды из луба [там же: 205].

Г. А. Ильинский считает, что сущ. *кочедык* образовано от *кочан*, *кочерга*, однако при этом никак не объясняет конец основы *-дык* [ЭСФ II: 357].

Н. В. Горяев сравнивает отрезок *-дык* с лит. *dīg-ūs* ‘колючий, иглистый’, *daigīti* [Горяев 1896: 164]. Против этого возражает А. Г. Преображенский: «В первой части корень **кук-* (собственно *крюк*); вторая часть *-дык* (вместо *дик) соответствует, по мнению Горяева, лит. *dīgūs*. Первое допустимо, второе неверно» [Преображенский 1959 I: 373]. Действительно, сравнение с литовским словом неубедительно, т.к. славянский *-ы-* (*-дык*) — это продленная нулевая ступень дифтонга *еу, а *ī* (*dīgūs*) — это продленная нулевая ступень дифтонга *еј. В силу того, что данные звуки образовались из разных дифтонгов, связь отрезка *-дык* с литовской лексемой неправомерна.

Несмотря на процитированное мнение А. Г. Преображенского, сомнительным представляется родство **коче-* с *кук* ‘крючок’, *кукиш*, которое видит Горяев [Фасмер 1986–1987 II: 357], поскольку слав. *-у-* образовано из дифтонга *оу. Если бы *кук* было близко к **коче-*, то мы имели бы *оу > *у* > *ь* => *къче > *кче* (вместо **коче-*), а у нас все-таки *коче. Следовательно, *кук* и **коче-* разного образования, и сравнивать их нельзя.

Поскольку высказывавшиеся предположения неубедительны в силу фонетических, словообразовательных, семантических причин, мы можем вновь поставить вопрос о происхождении сущ. *кочедык*.

Данное слово характеризуется отсутствием определенного фонетического облика. Нередко кажется, будто мы не вполне знаем известный предмет, полный образ которого мы уже составили, если не знаем его имени. По-видимому, только звук слова мгновенно рассеивает эту тьму, хотя этот звук ничего не прибавляет к содержанию, хотя далеко не всегда слово объясняет предмет указанием его места в ряду других или в объеме

высшего понятия [Потебня 1993: 115]. Недостаточно назвать вещь, как попало: она действительно должна так называться, как мы ее зовем; имя должно быть свидетельством, что вещь принята в мир общепризнанного и познанного и, как прочное определение вещи, должно ненарушимо противостоять личному произволу [Флоренский 1990: 211].

М. Фасмер приводит наряду с *кочедык* также формы *коточѣик* и *коточѣг*. В первую очередь необходимо реконструировать первоначальную фонетическую форму, т.к. возможности этимологизации приведенных в словарях вариантов, по-видимому, исчерпаны. Поэтому для осмысления внутренней формы слова попробуем проанализировать другие варианты лексем:

1) *кочетыга* ‘инструмент в виде плоского изогнутого шила для плетения лаптей’ (московские, тульские, курские и воронежские говоры):

Кочетыгой лапти плели, а мы их носили [СРНГ 15: 131];

2) *коточига* — то же, что *кочедык*:

Мы гребешков не покупали, только одной коточигой покопаем. Трои лапти сплел. Коточигу потерял. Старик от безделья сидит с коточигой. Железная коточига была излажена [там же: 113].

В слове мы различаем: внешнюю форму, т.е. членораздельный звук, содержание, объективируемое посредством звука, и внутреннюю форму, или ближайшее этимологическое значение слова, тот способ, каким выражается содержание [Потебня 1993: 124]. Попытаемся установить в анализируемом слове осмысленную связь этих двух форм.

1) *Кочетыга* — реально существующий вариант, ‘инструмент в виде плоского изогнутого шила для плетения лаптей’ (московские, тульские, курские и воронежские говоры) [СРНГ 15: 130].

Можно было бы выделить в слове корень *кочет-*, суффикс *-ыг-* и окончание *-а*. В [ЭССЯ 10: 106] др.-рус. *кочеть* обозначает ‘уключина в виде прибитого кола с кожаной петлей, железный крюк; петух’, а как мы помним, наш инструмент имеет крюкообразную форму (‘инструмент в виде плоского изогнутого шила для плетения лаптей’). Отметим, что часто слова, называющие животных, обозначают также и инструменты, предметы быта (ср. *кошка* — *якорь* или *журавль* — над колодецем).

Суффикс *-ыг-* правомерно выделить на основании его существования в словах, обозначающих орудие действия или его часть, напр., *мотыга* ‘кирка’, *булыга* ‘дубина, валун’ (от корня *бул-*, родственно сущ. *булава* [ЭСФ I: 239]), *чапыга* ‘деревянный состав плуга’ (Э. Бернекер и А. И. Соболевский связывали с *чоп* ‘затычка и др.’, см. [там же IV: 316]) [Зализняк 1987: 148], *герлыга* ‘посох овчара, с деревянным крюком на конце, для ловли овец за заднюю лапу’ [Даль 2003 I: 573].

Связь между *кочет* ‘технический термин’ и идеей изогнутости отмечалась в этимологической литературе. Г. А. Ильинский, ссылаясь на болгар-

ского ученого М. С. Младенова, указывал, что довольно широко распространенный в индоевропейских языках корень **kōk-* / **kēk-* ‘быть изогнутым, кривым’ не остался без потомства и в славянских языках. Так, напр., образовано имя *кочеток* ‘ключ, колышек, всажженный в борт лодки’ [Ильинский 1915 73: 293]. Сюда же укр. *кочет*, *кочеть* ‘колышек на конце градила, на который надевается деревянное кольцо, соединяющее плуг и колішню’, ‘в лодке: *кочеток*, каждый из двух колышков, в которых ходит весло’ [ЭССЯ 10: 106]. Отсюда следует, что сема изогнутости присутствует в этимологической памяти слова *кочетыга*.

2) *Коточига* — реально существующий вариант, то же, что *кочедык* [СРНГ 15: 113]. Можно было бы разделить слово на следующие морфемы: корень *кот-*, соединительный гласный *-о-*, корень *-чиг-* и окончание *-а*.

Корень *кот-* в данном случае можно понимать как нейотированный вариант *коч-*, которое мы в предшествующем изложении связывали с праслав. **kotiti* и, вслед за академиком О. Н. Трубачевым, с индоевропейским корнем **kat-* ‘скручивать, плести’. «В качестве материала для изготовления обуви восточные славяне использовали шкуры животных, древесную кору, пеньковые веревки, из которых обувь плели» [Зеленин 1991: 267]. Отметим широкое распространение в прошлом родственного названия обуви *коты*: «Обувь, похожая на поршни, но не «морщенная», а сшитая, с подшитой подметкой обычно носит название *коты* (от глагола *катать*; первоначально ее катали из шерсти)» [там же].

Второй корень *-чиг-* мы предположительно выделяем в связи с сопоставлением со словом *чига* ‘чурка, называемая также попом в игре в городки’ [ЭСФ IV: 359]. Правила игры имеют много общего с игрой в *свайку*: «Ее берут в кулак, за гвоздь или хвост, и броском втыкают в землю, попадая в кольцо» [Даль 2003 IV: 240]. Обратим внимание на то, что А. Г. Преображенский *кочедык* назвал лапотным шилом, или свайкой [Преображенский 1959 I: 373]. Н. В. Горяев отмечал, что в словосочетании *игра в свайки* сущ. *свайка* имеет связь с серб. *савити*, *савијати* ‘гнуть’, *свој* ‘изгиб’ [Горяев 1896: 312]. В. И. Даль определил одно из значений сущ. *свая* как ‘кривой железный рог’ [Даль 2003 IV: 240]. Итак, явственно прослеживается семантическая связь этих трех слов: *чига*, *свайка* и *коточига*. Есть основания выделить в сущ. *коточига* такой корень, как *-чиг-*, с гипотетическим значением ‘чурка, деревянная ручка’.

Лексема *кочедык*, *кочетыга*, *коточига* бесспорно имеет исконно славянское происхождение. Более того, она является русской инновацией. Сильное фонетическое (и отчасти морфологическое) варьирование свидетельствует о забвении первоначальной внутренней формы слова. В таких условиях задача этимолога заключается в том, чтобы предложить различные варианты осмысленного построения слова. Полученные выводы свидетельствуют в пользу того, что семантика слова одновременно связана с чем-то изогнутым, кривым и в то же время со способом плетения лаптей.

Окончательное этимологическое решение зависит от того, какой вариант толкования кажется более убедительным; соответствующий ему фонетический облик можно будет признать первичным видом исследуемой лексемы.

§ 3. *Потималка*

Русское слово, названное в заглавии данного параграфа и обозначающее 'мочалку для мытья посуды', неизвестно литературному языку и существует только в составе лексики ряда народных говоров. Приходится констатировать, что ясность относительно этимологии этого слова еще не достигнута, поскольку попытки его разбора носят спорадический характер. Собственно говоря, его происхождения очень бегло касался только М. Фасмер [ЭСФ III: 344]. Хотя в говорах немало слов древнего происхождения, восходящих к эпохе общеславянского языкового единства и сохранившихся в большинстве славянских языков, диал. сущ. *потималка* в других славянских языках как будто не отмечено. В то же время нет оснований рассматривать это существительное как заимствование. Представляется правомерным предположение, что рус. *потималка* является реликтовым образованием, утратившим инославянские соответствия и пережившим словообразовательное опрощение. Это подводит нас вплотную к необходимости углубления исторического анализа данной лексемы.

Трудность этимологизации данного существительного заключается в том, что мы располагаем очень малыми сведениями о его происхождении. В газете мартыновских краеведов из ростовской области «Кацкая летопись» встречается сущ. *отималка* 'тряпка, которой прихватывают чугуны или другую посуду, готовя в русской печи; потималка' [КЛ 1996]. Краеведы публикуют здесь свои научные исследования по этнографии, топонимике, кацкому диалекту, а также местные тайны, легенды, былички, частушки, песни, сохранившееся в народной памяти от культур финно-угорских и тюркских племен, а также славян.

Из каких предшествующих материальных элементов и на какой семантической основе возникло данное существительное? Наиболее полное описание реалии, обозначаемой словом *потималка*, находим в СРНГ и ТСГТО:

1) 'кухонная тряпка (для прихватывания чугунов, вытирания стола, рук и т.п.; иногда о грязной тряпке)'; также *потымалка* с тем же значением:

Дай-ка потималку скорей, сниму чугуны. Где потималка? Шесток вытереть [ТСГТО 2004 3: 76];

2) 'грязный носовой платок';

3) 'мочалка для мытья посуды' [СРНГ 30: 281].

Причем материалы русских говоров показывают, что слово *потималка* шире известно в третьем значении.

Поскольку исследуемое слово обозначает предмет домашнего обихода, и этот предмет является орудием действия (используется *потималки* при мытье), то можно наметить вероятный путь этимологического анализа. Известно, что названия орудий часто происходят от действий, напр.: *молоток* от *молоть* (первоначальное значение 'раздробляющий'), *молотилка* от *молотить*, *сеялка* от *сеять*, *зажигалка* от *зажигать*, *таялка* от *таять* и т.д. Обычно суффикс *-лк(а)* имеют существительные женского рода, называющие предмет (преимущественно неодушевленный), производящий действие, названное мотивирующим словом или предназначенный для выполнения этого действия. Мотивирующие — глаголы НСВ I, II, V классов с инфинитивной основой на *-а* и X класса на *-и* [РГ 1982: 149]. В СРЯ XI–XVII вв. встречается сущ. *потиралка*, *потирало* 'то, что служит для вытирания, обтирания чего-либо' [СРЯ XI–XVII 17: 294]. Нетрудно заметить, что данное слово также имеет вид отглагольного производного, а тип производящей основы — одна из существенных характеристик словообразовательной модели.

В плане семантики вполне естественно использование основы со значением 'мыть' для обозначения орудия, при помощи которого это действие осуществляется. Далее мы постараемся показать, что корневой отрезок лексемы *потималка* имеет именно такое происхождение.

Обозначим теперь предполагаемую морфемную структуру. Если название орудия происходит от названия действия, то, следовательно, в нем может быть приставка (приставочное словообразование очень характерно для глаголов). Сравнение с вариантом *отималка* позволяет выделить в одном слове регулярную и продуктивную словообразовательную приставку *по-*, а в другом — приставку *о-*.

В русском языке суффикс *-к-* часто имеет уменьшительное значение, но это не всегда так: ср. *скалка*, *сеялка* и др. обозначают 'орудие действия'. В нашем слове естественно видеть суффикс *-к-* в инструментальном значении. Далее, сопоставление со *скалка* и *сеялка* позволяет исторически выделить еще один суффикс — *-л-* (с первоначальным грамматическим значением прошедшего времени).

Учитывая семантику сущ. *потималка*, предлагаем видеть в основе его номинации признак стремления обеспечить чистоту. Предположительно, форма *потималка* не является первичной. Возможно, в результате звукового процесса в ее фонетической структуре произошло изменение. На основании высказанных выше соображений можно реконструировать праслав. **romytalka*. Сущ. **помыталка* мы сопоставляем со словами *мытье*, *мытый*, т.к. в них *-т-* входит в основу, а приставка и суффикс присоединились позже, при этом от сущ. *мытье* отпал *-j-*. Выше

мы видели, что названия орудий действия не всегда образовывались от инфинитивов (ср. *прясть*, но *прял* > *прялка*).

Итак, мы предполагаем, что в анализируемом слове еще в праславянский период произошел такой фонетический процесс, как метатеза. В данном случае это метатеза сонорного и глухого согласного, т.е. нечастый случай, но, как утверждает О. Н. Трубачев, «доказанное единичное или редкое изменение с точки зрения этимологии ничуть не менее важно или реально, чем доказанное регулярное изменение. Подобный атомизм этимологического исследования — не слабость, а сила этимологии, и его едва ли следует преодолевать или изживать. Он обеспечивает максимум информации о происхождении слова, чего в полном объеме уже не может дать суммарная историческая фонетика, будучи, так сказать, первой ступенью абстракции» [Трубачев 1972: 4].

Предположение о метатезе позволяет нам прояснить формальное соотношение между словообразовательной структурой и фонетическим составом анализируемого слова.

Сущ. *отымалка* ‘кухонная тряпка, которой берут горшки из печи, вытирают пыль и т.п.’:

Возьми отымалку, прихвати чугуи; отымалкой и со стола стирают [ТСГТО 2004 3: 76].

Возвращаясь к анализируемому слову, мы можем резюмировать, что сущ. *потималка* представляет собой образование, имеющее структуру производного с приставкой *по-*, суффиксами *-л-* и *-к-*. Сближение с глаголом *мыть* позволило сделать следующий шаг вглубь к раскрытию внутренней формы рассматриваемого слова. Как видим, сущ. *потималка* хорошо согласуется с семантическими возможностями предполагаемого глагола, положенного в его основу. Т.о., все данные свидетельствуют в пользу происхождения рус. диал. *потималка* от глагола *мыть*.

§ 4. *Тарабарка*

Редупликация является одним из продуктивных способов формо- и словообразования в различных языках. В истории языка и в его современном развитии также представлен довольно широко способ семантического повтора. В лексической сфере редупликация и повтор используются для создания новых слов.

Распространенность и частотность редупликации варьируется от языка к языку. В тех языковых системах, где редупликация является употребительным видом словопроизводства, она тесно взаимосвязана со звукоизобразительностью. Эта взаимосвязь и есть мотивирующий признак, положенный в основу слов, которые являются результатом редупликации.

Данный параграф посвящен отражению редупликации и семантического повтора в названиях бытовых терминов. Такие названия встречаются во многих русских диалектах.

Большой материал о редупликации в различных языках мира представлен в работе Ф. Р. Минлоса [Минлос 2004]. Там же встречаются примеры редупликации и повтора при образовании терминов с бытовым значением, напр.: узб. *идиш-оёк* (букв. «сосуд-чаша»), *козон-товок* (букв. «котел-глубокая глиняная чашка») 'посуда (разного рода)'; пример из языка идиш: *gopl-lefl* 'столовые приборы' (букв. «вилка-ложка»). Следует упомянуть также диал. новос. *шура-мура* 'ненужные вещи, хлам' [там же: 19, 59, 67].

В основе образования многих бытовых терминов в русских говорах может лежать семантический повтор или редупликация. Учитывая активность семантического повтора, мы можем предложить правдоподобное объяснение происхождения сущ. *талаболка* 'глиняный рукомойник', до сих пор не имеющего этимологии [ЭСФ IV: 14]. Отчетливо виден семантический повтор: корень *тал-* со значением говорения (ср. *талала* 'тот, кто шепелявит', *талалакать* 'говорить неясно') и корень *бол-* (ср. *балаболить*). Значение 'глиняный рукомойник' можно объяснить по-разному. Во-первых, следуя за Ф. Р. Минлосом, который приводит слова с семантикой 'ненужные вещи', можно отнести и данный предмет к разряду не очень нужных в доме вещей. А во-вторых, при пользовании рукомойником неизбежно раздаются звуки. Т.о., второе предположение заключается в том, что рукомойник получил свое название по звуковому проявлению в ходе использования (гремит). Интересно, что существует и слово *толоболка* 'пирог из ржаной муки с горохом' [там же: 72]. Оно имеет ту же этимологию, внутреннюю форму, состоит из двух корней со звукоподражательным значением. Семантику объяснить сложнее. Ее можно истолковать так: дешевая, малоценная вещь.

Сущ. *тарабарка* встречается в донских говорах русского языка:

1) 'деревянная решетка':

[*Тарабарки — щитки испланок, штоп ни-плаваливалась салома*];

2) 'таган':

[*Раньшы называли тарабарки, а сычас тринога*] [СРДГ 1979 III: 153].

М. Фасмер констатирует тот факт, что ясность относительно этимологии этой лексемы еще не достигнута. Он определяет слово в разряд «темных» слов [ЭСФ IV: 20]. Трудность этимологизации данного существительного заключается в том, что мы не располагаем никакими сведениями о его истории и бытовании (кроме того факта, что в донском говоре слово имеет еще одно значение 'перекладина в стенке арбы'). Обращение к другим словарям позволило нам собрать некоторый материал, хотя бы косвенно способствующий прояснению этимологии данной лексемы.

Внешняя форма слова напоминает ряд лексем, обозначающих ‘пустое говорение’. В некоторых словах налицо семантический повтор: два синонимичных корня, связанных со звукоподражанием, повторяются для усиления значения семантики. Напр.:

тарабар ‘говорун, болтун’:

Он оказался очень живым, веселым и необыкновенно разговорчивым человеком и дал мне из своего обращения понять, почему его прозвали Тарабаром;

тарабарить ‘заниматься пустыми разговорами, болтать’:

— Как! — вскричал Иван Петрович, — человек гибнет, а вы тут тарабарите да суетитесь без толку. Два молодчика пьют, они пьют и тарабарят про женитьбу про свою [ССРЛЯ 1948–1965 15: 109];

тарабарить ‘говорить, беседовать, болтать; говорить резко и быстро, тараторить’, *тары-бары, тарабары, тарыбары* ‘болтовня, беседа’, *тарабар* ‘говорун, шутник, краснобай; пустой болтун’, укр. *тари-бари* — то же, *тарабарицина* ‘бестолковщина, непонятный, бессмысленный разговор, распоряженье, вести; неразборчивое письмо’ [Даль 2003 IV: 643];

тарабарить ‘болтать’, *табарить* ‘болтать’, *таракать, тараракать* ‘болтать’;

тарабарицина ‘что-либо сказанное или написанное на непонятном языке, наречии’:

— Расскажи-ка, любезный, что изображается на этой картинке и что за тарабарицина написана под нею?;

‘что-либо непонятное, бессмысленное’:

Некоторые термины, которые нам, старикам, с первого раза понятны, им покажутся тарабарщиной [ССРЛЯ 1948–1965 15: 111].

Возможно, этот лексический материал происходит от рифмованного образования *тары-бары*. В этом случае первоначальная внутренняя форма основана на комизме.

Хотя Ж. Ж. Варбот считает, что для *тара-* объяснение из звукоподражания или глагола говорения слишком поверхностно: семантика глаголов типа рус. диал. *торить* ‘повторять одно и то же’, чеш. *táratí* ‘болтать; бесцельно бродить’ показывает вторичность значения ‘говорить’. Особенно существенны образования от корня **ter-*, обозначающие отходы. Для *тара-* реконструируется первичное значение *‘ободранное, обмолоченное’, для *-бара* — *‘отнесенное, отброшенное’; для *тары-бары* — *‘отходы производства’ [Варбот 1986: 38].

Помимо этого, приведем примеры, когда подобные по образованию слова с корнем *тара-* имеют значение ‘чепуха, пустое говорение’:

тараторка ‘частушка’:

[*Деўки, идити к сусетки, анна вам многа бравых тараторак напаётъ, частушык разных, а можыт, ишо чаво збрихаитъ*] [СГСЗ 1999: 467];

таракать ‘разговаривать, болтать’:

Две старухи сошлись и таракуют: девка, иди к нам потаракать;

тарантуха ‘говорунья, болтунья’:

Мнук молчаливый, не как бабушка — тарантуха [СРГП 1989 4: 63];

тарадайка ‘болтушка, тараторка’:

Всё не спишь, тарадайка ты такая [СРГНО 1979: 532];

тарабонить ‘болтать попусту, пустословить’:

[Хто-небудь придет, тарабонит, тарабонит, вот уш памярки забил] [БТСДК 2003: 524].

Слова с корнем *бара-* и похожей структурой также имеют значение ‘чепуха, пустое говорение’:

словен. *bârati* ‘спрашивать’; *bârli* ‘шутка’, болг. диал. *барам* ‘спрашиваю’, польск. *baraszki* ‘шутки, проделки’, *barłozyc* ‘болтать’ и др. [Мельничук 1969: 60];

барабара ‘чепуха, вздор’, *барабарить* ‘тараторить’; *барабошить* ‘вести себя беспокойно, болтать вздор’ [ССРЛЯ 1948–1965 1: 272];

барабара ‘шалаш в поле; хижина из жердей; жилище бобров’¹³, *барабарить* ‘без умолку, быстро говорить, болтать, тараторить’; *барабать* ‘говорить без смысла’ [СРНГ 2: 99];

барабня ‘болтун, пустомеля’:

От такой барабни ничего путного не узнаешь;

бараболка ‘пустая и глупая женщина’; *барабонить* ‘говорить вздор’; *барабор* ‘болтун’;

бараборить ‘болтать вздор’; *барабоха* ‘сварливый человек, болтун, пустомеля’;

барабоша ‘тот, кто постоянно бормочет’:

Барабоша ты, говоришь, что к носу пришло;

барабошить ‘говорить вздор’ [там же: 101];

барабошка ‘частушка’; *барабошь* ‘вздор, пустяк, бестолочь, чушь, дичь’; *барабун* ‘болтун, хвастун’;

барабуша ‘словоохотливый человек, плохо, бестолково излагающий свои мысли’:

Пошел барабуша — ничего не поймешь! [там же: 102];

барамошить ‘бормотать, лепетать’ [там же: 103];

барабаться ‘перебиваться мелкой работой’:

[Вот барабаешься, пока можэш];

¹³ Отметим предметное значение слова.

барабола, барабоха, барабоша, барабуха, барабуша ‘болтливый человек, пустомеля’:

[*Анна такая барабоха, што барабан, цэлы́й день гаманить. Барабоха и баба и мужык, каво ты барабошыш? Матка ейня барабоха. Барабоха у нас такой Вася. Он фсё любит пабалтать. Эту барабуху послухать, так уши забаля. Барабуха языком балтая многа, хвастая, многа гаварит, а толку мала. Он такой барабуша, фсё попусту гаварит, слушать надаела*];

барабошнить ‘говорить вздор, болтать’:

[*Барабошыт многа, а парядачнава не аднаво слова*] [ПОС 1: 110].

Имеются и сходные исторические данные: *барабошнить* ‘шуметь, буянить’:

[*Перестань барабошнить. Он час отчасу более бурлить и барабошнить стал, и схватя палку, за людзьми гоняться*] [СРЯ XVIII 1: 140].

М. Фасмер в статье *тороторить* указывает на похожие звукоподражания у Н. В. Гоголя, но не дает прямого объяснения происхождения слова: «*Тараторить, таратора* ‘болтун’, блр. *тараторыць*, цслав. *трѣторь* ‘sonus’, сербохорв. *тртосити* ‘быстро трещать, болтать’, словен. *trtráti, trtrám* ‘шуметь, бормотать’, чеш. *trátořiti* ‘много болтать’, словц. *trátorit*’: праслав. *tortoriti, редулицированное образование, ср. лит. *tar̃ti, tariù* ‘говорю’, др.-прусск. *tārin* ‘голос’, лтш. *tārlāt* ‘болтать, нести чушь’, *terēt, teftelēt* ‘болтать’ (*teterēt), греч. *теторισω* ‘произнесу громко и отчетливо’, др.-инд. *tārás* ‘резкий, пронзительный’. Ср. звукоподражания у Гоголя: *Тара, тара! тарата татата*, а также рус. *тарару́й* ‘болтун’, *тарару́са, тарашá* — то же, далее укр. *теркотáти* ‘гремять’, *терлі́кати* ‘щебетать» [ЭСФ IV: 86–87].

Более решительно поступает П. Я. Черных. В статье *тараторить* указывается: «*Тараторить* ‘говорить быстро, много, громко о чем-либо незначительном’; ‘без умолку громко болтать’. В окающих говорах *тороторить, торотора*. Ср. словц. *trátorit* ‘много говорить’. В других славянских языках отсутствует. Несмотря на сравнительно позднее отражение в памятниках письменности, слова этой группы восходят к о.-слав. **tortor-*, представляющим собою удвоенный индоевропейский корень **tor-* ‘громкий, внятный’. Лит. *taryti* > *tar̃ti* ‘произнести, выговорить, сказать’, греч. *торос* ‘пронзительный’, др.-инд. *tārā-* ‘громкий’, хетт. *tar* ‘говорить, называть» [Черных 1993 II: 229].

Слова подобного типа (с удвоением, редупликацией) являются очень древними и широко распространенными образованиями. Хеттские параллели к славянским структурам такого рода находим у Вяч. Вс. Иванова. Напр., хетт. *galgal-*, др.-инд. *gargar-* по своей структуре в точности соответствует о.-слав. **golgol-*. Редупликация встречается также в хетт. *ḫaḫḫarš-* ‘хохотать’, *taṣtaṣiya-* ‘шептать’, греч. *βαρβαρ-* ‘говорить’. Хетт. *pariprai-* ‘дуть’, по форме близкое к древнеиндийским редулицированным глаголам типа вед. *saniṣvanat* ‘звучит’, представляет собой уд-

воение к *parai-* ‘дуть, раздувать’, также ‘дуть в рог’, ср. греч. гом. *επρηθου*, аттич. *πίμπρημι*, др.-инд. *prāna* ‘дыхание, жизненное дуновение’ [Иванов 1981: 105, 107]. Всё это глаголы со значением звукового проявления.

И для о.-слав. **tor-toritī* обнаруживается соответствие в анатолийском, ср. лув. *tatariya-* ‘проклясть’, *tatariyaman* ‘проклятие’; иер. лув. *tatar(i)a-*, лид. *tatro* ‘приказывать’. Как предполагает Вяч. Вс. Иванов, удвоение от **tor-* могло быть представлено в дописьменный период и в хеттском языке [там же: 106].

Сама по себе редупликация встречается и в глаголах другой семантики. Бегло коснемся некоторых из них: ср. рус.-цслав. *плаполати* и *попырскать*. В церковнославянском глаголе *плаполати* ‘гореть’ мы имеем редуплицированную основу **pol-pol-a-ti*. Редупликация носит экспрессивный характер, чем хорошо объясняется и отклонение в глагольном вокализме: не основной гласный *-e-*, а именной и перфектный гласный *-o-* [Кудрявцев 2001: 40]. *Попырскать* ‘поплакать; попрыскать’ родственно *порскать*, *порох*. К значению см. инославянские соответствия [ЭСФ III: 333–334]: укр. *порс(ь)кати* ‘брызгать’, блр. *порскаць* ‘фыркать; чихать; хихикать’, сербохорв. *прскати* ‘брызгать’, словен. *pr̂skati*, чеш. *prskati* ‘брызгать, прыскать; фыркать’, словц. *prskat* ‘брызгаться; сопеть; фыркать’. Древний корень с рефлексом в др.-инд. *pr̥ṣan-* ‘пестрый, пятнистый’, лит. *pur̃šlos* ‘брызги изо рта’, лтш. *pārsla* ‘снежинка, ледяная игла; также о хлопьях пепла, шерсти’, др.-исл. *fors* ‘водопад’, хетт. *papparš-* ‘брызгать, опрыскивать’ и др., см. [там же: 332–333, на *порох*]. Если *по-* в русском слове не приставка, а сохранение индоевропейской редупликации (см. хетт. пример; аналогично *тараторить*), то слово в таком виде имеет возраст как минимум 3500 лет [Кудрявцев 2002: 139–140].

Однако наибольшую популярность приобрели подобные образования именно со значением звукового проявления. К буквальным повторам в ходе развития языка присоединились повторы семантические. Выше были приведены примеры, к которым можно добавить имеющиеся в псковских говорах сходные значения *балабать*, *балаболить*, *балабонить*, *балакать*, *балахорить*, *балбенить*, *балботать*, *балмотать*, *барабанить*, *барабошничать*, *барахлестить*, *барахлить*, *барахолить*, *бахорить*, *шалаболить* и т.д. Ср. *балабола*, *балабоха*, *балакирь*, *балботуха*, *балмотун*, *барабола*, *барабоша*, *барабошка*, *барабуха*, *барабуша*, *барабушка*, *барахлила*, *бароха*, *бахора*, *шалаболка* [ПОС 1: 110].

Есть основания думать, что исследуемое нами *тарабарка* имеет такую же внутреннюю форму, т.е. образовано от глагола *тарабарить* с семантическим повтором. Смысл такого повтора может быть двояким: либо это древнее звукоподражание, как в описанных выше примерах из древних языков, либо это комическое средство для выражения семантики пустого говорения.

1) Известен перенос названия со слова со значением 'произведение звуков' на предмет домашней утвари (напр., *грохот*, *грохотать* 'произведение звуков' > 'сито, решето'). Это обусловлено тем, что большие промышленные решета производят сильный резкий шум. Мы полагаем, что отмеченная в донских говорах семантика сущ. *тарабарка* 'деревянная решетка' может быть связана с подобными обстоятельствами (*тарабарить* 'звукопроизводство' > 'решето' > 'решетка').

Такая же связь отмечается и в других примерах: лит. *skrebėti, skrėba* 'шуметь, шуршать, шелестеть' ~ *skrėbalas* 'побрякушка, погремушка' ~ слав. *скребок* 'различные орудия в домашнем быту и ремеслах' [ЭСФ III: 656];

лтш. *dudināt* 'издавать негромкие звуки, тихо разговаривать' [там же I: 550] ~ *дудка* 'музыкальный инструмент' ~ *дудка* 'рожок у подойника' [СРНГ 8: 247];

лит. *bambù, bambėti, bambiù, baĩbti* 'ворчать' [ЭСФ I: 226] ~ *бубен* 'музыкальный инструмент' ~ *бубен* 'круглый лубочный короб с кожаным дном' [СРНГ 3: 232];

стук звукоподражательного происхождения [ЭСФ III: 787] ~ *стукало*, *стукальце* 'колотушка у сторожа' ~ *стукалка* 'дрягалка, дубинка или палица' [Даль 2003 IV: 584].

Приведем еще одно слово, имеющее конкретно-чувственное значение и подтверждающее семантическую связь между говорением и предметностью:

барабара 'шалаш в поле; хижина из жердей; жилище бобров' ← *барабарить* 'без умолку, быстро говорить, болтать, тараторить'; *барабать* 'говорить без смысла'; *нести барабару* 'говорить вздор, чепуху' [СРНГ 2: 99].

Встречаются и обратные случаи. Так, славянская лексика свидетельствует о возможности развития значения 'болтать' у лексем, обозначающих различные производственные процессы: рус. диал. *бороновать* 'болтать; говорить вздор', *сучить* 'судачить; болтать', *чередить* 'ощипывать перья, пух, тербить; болтать попусту', чеш. *přástvu* 'домашний способ обработки льна и конопли; посиделки; разговор', словц. диал. *trepat'i* 'мять коноплю; болтать' [Варбот 1986: 38].

В говорах Забайкалья сущ. *тарабара* со специфической семантикой 'негодная, изношенная вещь, которая больше не пригодится в хозяйстве; лохмотья' заставляет думать, что это лишь заключительный этап семантического развития, истоки же его следует искать в сфере вещественного, поскольку значение 'болтовня' базируется здесь на первичном 'негодная вещь, лохмотья' (ср. также рус. диал. *лабуда* 'рваная, изношенная одежда, хлам, тряпье' и 'пустой разговор, чушь, чепуха') [там же: 37].

2) Труднее вывести таким образом анализируемое нами значение 'подставка из трех палок'. Между тем оно не является случайным, о чем свидетельствуют следующие факты:

тараборка (тараболка) ‘колыбель из брусьев, подвешивалась к трем соединенным вверху столбикам’:

[*Тараболки вазили ф поля. Тараборку вешали, в ней дитё*] [СРДГ 1979 III: 153; БТСДК 2003: 524];

тарабошка — то же, что *тараболка*:

[*Тарабошка — лехкая люлька, три палки паставят, полагам накроют, и анна висит*];

тарабрыки ‘связанные вверху жерди, служащие основой для шалаша’:

[*Зделают тарабрыки три-четыри палки, высоки, длинныи, кверху их скрып-лять*] [БТСДК 2003: 524].

Поскольку предмет, обозначаемый лексемой *тарабарка*, представляет собой очень простое сооружение ‘подставка из трех палок’, т.е. на его изготовление нужны минимальные технические затраты, мы предполагаем, что его название могло возникнуть в связи со значением пустого говорения (*тарабарить*), также не требующего никаких умственных усилий. Имеются некоторые примеры того, как семантика ‘пустого говорения’ связана со значением ‘хлам’. Напр., сущ. *чушь* имеет значения: 1) ‘чуха, чушка, чурка для игры в городки’, 2) ‘бессодержательная речь’, 3) ‘пустяк’ [ЭСФ IV: 388–389]. Сущ. *ворох* объединяет в себе значения ‘шум’ и ‘хлам’ (см. там же I, 355: блр. *вóрох* ‘шум’, польск. *zawroch* ‘метель, вихрь’ и рус. ‘груда, беспорядочная куча’¹⁴). Обычно указанные значения объединяют с производными от **vrěsti* ‘молотить’. Но по характеру значения целесообразнее связывать *ворох* со звукоподражательным **vor-vor+s*, редуцированная основа которого проявляется в греч. *barbaroj* ‘невнятно говорящий’, а суффикс **-s-* — в слав. *голос*.

У слов, обозначающих нечто мелкое, незначительное, следует отметить возможность развития значения ‘мелочь, мелкие вещи; домашняя утварь’. Ср. ст.-польск. *szczebrzuch, szczebrzuchy* ‘домашняя утварь; имущество; приданое невесты’, которое считается производным от слабо засвидетельствованного *szczebrу* и сближается с рус. *щепень*. Решающим аргументом в пользу объяснения А. Брюкнера может считаться фиксация польск. *szczebrzuch* еще в одном значении, а именно: ‘обломок, осколок’ [Петлева 1997: 72].

Краткие выводы параграфа заключаются в следующем: слова подобного типа (содержащие удвоения) являются очень древними и широко распространенными образованиями. Во многих лексемах, обозначающих бытовые термины, налицо семантический повтор, когда два синонимичных корня, связанных со звукоподражанием, повторяются для усиления значения, или происходит редупликация. Подробно разобранными нами история слова *тарабарка* подтверждает эти общие положения.

¹⁴ Ср. также влгд. *ворохостье* ‘ворох дряни, хлама, куча тряпья’ [Даль 2003 I: 415].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей диссертации была сделана попытка этимологического анализа этнически ориентированной диалектной лексики. Лингвистические построения подкреплялись преимущественно этнографическими свидетельствами. В результате такого подхода сложилась картина, лишенная монографической цельности, что находит оправдание в дробном, единичном характере самих анализируемых явлений.

Предметом исследования в данной диссертации была выбрана диалектная номенклатура предметов домашней утвари. Мы прибегали к фонетической, словообразовательной, реальной характеристике слов с рассмотрением диалектного материала. Кроме того, семантический анализ сыграл немаловажную роль в установлении дополнительных возможностей этимологизации лексем. Нами также учитывались некоторые фольклорные особенности применения данной утвари.

При этом мы использовали различные методы обработки материала: сравнительно-исторический (в форме внутренней реконструкции¹⁵ на основе русского языка и внешней — на фактах славянских языков), лингво-географический, описательный (при характеристике реалии) и др.

Лишь привлечение указанных методов, мы надеемся, помогло обеспечить успешное решение этимологических задач.

Обобщим результаты исследования отдельно по каждой главе.

В первой главе рассмотрены этимологии диалектных лексем с затемненной внутренней формой, обозначающих различного рода сосудов.

I Сосуды

§ 1. Балакирь

В основу довольно редкого диалектного существительного положен мотивировочный признак по функции. Поскольку такой предмет, как *балакирь*, предназначен для хранения молока, мы можем предполагать, что в составе существительного, обозначающего соответствующую посуду, имеется корень, содержащий сему 'молоко'. Хозяйственная функция коровы как дойного животного реконструируется уже для глубокой древности, соотносимой с общеиндоевропейской эпохой или во всяком случае с древними индоевропейскими диалектными общностями. Это подтверждает возмож-

---

¹⁵ Прием внутренней реконструкции состоит в том, что древнейшая форма восстанавливается путем сопоставления разных отражений ее в пределах одного и того же языка. Внутренняя реконструкция имеет большое значение и для изучения смысловой стороны языковых явлений: сопоставление фактов одного и того же языка на разных этапах его развития вскрывает законы его развития и проливает свет на более древнее состояние [Кодухов 1963: 45].

ность выделения в сущ. *балакирь* индоевропейского корня *-лак-* со значением ‘молоко’.

§ 2. *Глѣк*, § 3. *Егол*

Сущ. *егол* и сущ. *глѣк* представляют несомненный интерес с точки зрения своего происхождения. Применяя различные методы этимологического анализа, удалось доказать, что обе лексемы родственны и восходят к глаголу *гудеть*. Рассматривая различные способы применения посуды, мы обнаруживаем, что некоторые предметы домашней утвари использовались в процессе звукопроизводства. Возможно предположить, что наш кувшин употреблялся в такой вторичной функции, и сущ. *глѣк* по внутренней форме обозначало ‘некий музыкальный инструмент’. Внутренняя форма диал. сущ. *егол* удовлетворительно объясняется через генетическое родство с субстантивным образованием *глѣк*. Если анализируемая лексема сейчас однозначно интерпретируется как ‘черепок’, то в далеком прошлом она могла быть истолкована синкретически как ‘предмет кухонной утвари / музыкальный (ударный) инструмент’.

§ 4. *Каганец*

Диал. сущ. *каганец* как зафиксированное общеславянское наименование светильника до сих пор не имело однозначной этимологии. В словообразовательном и семантическом отношениях оно мотивировано глаголом *знать*; признак, положенный в основу номинации, — ‘лампадка, принцип функционирования которой состоит в том, что масло или жир по фитилю поступает (*гонится*) вверх, где затем возгорается’. Выводы, к которым привело такое исследование, вкратце заключаются в том, что *каганец* — русская инновация. Слово делится на приставку *ка-*, корень *-ган-* и суффикс *-ец* (окончание нулевое) и представляет собой именное образование от глагола *знать*.

§ 5. *Коморгъ*

Применяя метод реального обоснования и опираясь на хорошо обоснованную этнографическую гипотезу Д. К. Зеленина об использовании данного сосуда при варке пива, нам удалось выяснить, что диал. сущ. *коморгъ* связано со словами *морготá*, *морозгá* ‘мелкий дождь’, а в основу его номинации положено значение ‘влага’. При этом выделяется подобная непродуктивная ныне приставка, что и в слове *кочедык*.

§ 6. Кукиши

На основе этимологического исследования слова *кукиши* ‘кувшин’ мы выяснили, что данное существительное представляет собой исконно русское диалектное слово, членимое на корень *кук-*, суффиксы *-ъш-*, *-ин* (окончание нулевое) и образованное от сущ. *кука* через *кукъша*. В ходе работы удалось выяснить, какую форму имели первые кувшины (ср. цветок *кувшинка*, по-скольку название с сосуда было перенесено на фитоним).

Вторая глава посвящена разработке этимологий диалектных названий корзин, сумок и т.п.

II Корзины

§ 1. Борошня

Обнаруженный в Ярославской, Вологодской, Архангельской, Сибирской и Камчатской области диалектизм *бóрошень* ‘домашняя утварь, одежда, пожитки, скарб’ в фонетическом и семантическом отношениях ближе всего форме *борошня*. Ю. В. Откупщиков опирается на семантику ‘дробить, делить’ в индоевропейском корне **bherǵ-* / *bhreǵ-* и объясняет: **boršьno* < **bhorǵ-s-i-no-*. Предполагаемые им этимологические связи вносят ясность в семантику славянского материала. Если согласиться с его версией, то мы можем произвести из значения ‘делит’ значения ‘мука’ (дробить, делить зерно), далее ‘лохмотья, пожитки’ (т.к. речь идет о мелких предметах) и, наконец, ‘корзина, сумка, карман’ как средство отделить некую часть этих пожитков.

§ 2. Котуль

Сущ. *котыль* является сугубо диалектным словом, обозначает ‘кошелку или котомку, заплечную плетенку’. По аналогии с рассмотренными выше диал. сущ. *коморг*, *кочедык*, *каганец* выделяется приставка *ко-*. Согласно первой возможности этимологизации сущ. *котыль*, в слове выделяется корень *кот-*. Однако, не обнаружив ясного семантического соотношения, мы вынуждены были искать другую возможную этимологическую версию. Исходя из значения ‘кошелка или котомка, заплечная плетенка’, мы полагаем, что сущ. *котыль*, *котуль* по способу использования реалии могут быть связаны со словом *тыл*. В этом случае семантическое соотношение бесспорно и наглядно. В словообразовательном отношении такая этимология не нуждается в особом доказательстве.

§ 3. *Пестер(ь)*

Данный диалектный бытовой термин, обозначающий ‘большую плетеную из луба корзину для корма скоту’ на первый взгляд имеет «прозрачную» внутреннюю форму и А. Г. Преображенским толкуется как предмет, в который напихивают сено, солому, далее связывая его с глаголом *пихать*, диал. *пхать*. Однако, как показывает настоящее исследование, такое объяснение следует признать народной этимологией. При внимательном анализе целей и способов использования корзины выясняется ее непосредственная связь с глаголом *пестовать*. Т.о., действие по данному глаголу, т.е. нянчить, включает в себя не только формирование личности, но и обеспечение пищей. Такую же связь предполагаем в сущ. *пестер(ь)* (см. приведенное выше значение, связанное с кормлением скота).

§ 4. *Поняга*

Слово до сих пор остается неразъясненным. Рассматриваемая лексема обладает большим количеством значений, связанных друг с другом. Версия, которую мы выдвигаем в этом параграфе, заключается в том, что сущ. *поняга* — русская инновация. В данном существительном удалось выделить такие морфемы, как приставку *по-*, корень *-ня-*, суффикс *-г-*, окончание *-а*. Учитывая значение сущ. *поняга* ‘уздечка’ (то, чем перехватывают оленя), ‘ранец’ (ноша; то, что нужно взять и понести), мы можем утверждать, что оно (слово) образовано от глагола *поняти*. Т.о., в основе наименования такого предмета, как *поняга*, лежит семантический признак конкретного действия ‘хватать, брать’.

§ 5. *Чемеза*

Предметом рассмотрения в данном параграфе была выбрана существующая в русских говорах номинация *чемеза* (*чемизин*) ‘кошелек’. Предполагаем, что рассматриваемое существительное имеет генетическую связь с сущ. *мизинец*. Немаловажную роль в таком сопоставлении играет внешнее сходство реалий: *чемизин* — это кошелек в виде у з к о й т р у б к и, в которую кладутся монеты. Подобного рода кошелек напоминает по своей форме палец.

§ 6. *Чечень*

Разбираемая в этом параграфе лексема существует исключительно в восточнорусских говорах. *Чечень* — короб с крышкой, а также садок, в котором держат живую рыбу. Лексема не зафиксирована в других славянских языках и представляет собой этимологически «темное» слово.

Проведя семантический анализ, мы соотносим рус. *чечень* с глаголом *щечить*, имеющим два значения: 1) ‘бойко говорить’ и 2) ‘брать тайком; прятать’. Именно второе значение глагола *щечить* могло инициировать образование изучаемой нами лексемы. Поскольку предмет, обозначаемый этим существительным, использовался для хранения живой рыбы, мы предполагаем, что его название могло возникнуть в связи со значением исходного глагола. Следует также отметить, что, по мнению Н. В. Горяева, сущ. *щека* находится в связи со вторым значением глагола *щечить*. Т.о., устанавливается связь корней в сущ. *щека*, глаголе *щечить* и сущ. *чечень*.

Переходя к морфемному членению, мы выделяем в слове *чечень* корень *чеч-* и суффикс *-ень*. В доказательство возможности образования сущ. *чечень* от глагола *щечить*, через хронологическую ступень **щечень*, приводятся примеры из словаря А. А. Зализняка, где дан определенный ряд слов славянского происхождения с похожей структурой. Это дает нам возможность отнести сущ. *чечень* к описанному словообразовательному типу.

В третьей главе собраны диалектные названия других предметов кухонной утвари, не вошедшие в две предыдущие.

III Кухонная утварь

§ 1. *Баклуша*

Утверждается родство сущ. *баклуша* с раннепраслав. **klīnъ* ‘клин, гвоздь’, который в свою очередь восходит к раннепраслав. **kōliti* ‘колоть, резать’. При таком этимологическом решении в составе фразеологического выражения *бить баклуши* представлено сущ. *баклуша*, имеющее значение ‘чурка’ и восходящее ко второму омониму с корнем *-кл-*, а само выражение связано с игрой в городки, в попа-гонялу и под. и имеет значение ‘развлекаться, бездельничать’.

§ 2. *Кочедык*

Поскольку многие исследователи затрудняются дать определенный этимологический комментарий при изучении сущ. *кочедык*, мы позволим себе вновь поставить вопрос о происхождении данной лексемы. На основе этнографических обобщений *кочедык* используется для изготовления лаптей. Для осмысления внутренней формы слова проанализированы следующие варианты лексемы: *кочетыга* ‘инструмент в виде плоского изогнутого шила для плетения лаптей’ и *коточига* — то же, что *кочедык*. Первый вариант реально существует. В слове мы выделяем корень *кочет-* (др.-рус. *кочеть* — уключина в виде прибитого кола с кожаной петлей, железный крюк; петух’, а как мы помним, наш инструмент имеет крюко-

образную форму), суффикс *-ыз-* и окончание *-а*. *Коточига* — реально существующий вариант, делится на корень *кот-* (корень *кот-* в данном случае можно понимать как нейотированный вариант *коч-*, которое мы в предшествующем изложении связывали с праслав. **kotiiti* и, вслед за академиком О. Н. Трубачевым, с индоевропейским корнем **kat-* ‘скручивать, плести’), соединительный гласный *-о-*, корень *-чиг-* (*чига* — чурка, называемая также попом в игре в городки. Правила игры имеют много общего с игрой в *свайку*. Обратим внимание на то, что А. Г. Преображенский *кочедык* назвал лапотным шилом, или свайкой) и окончание *-а*.

§ 3. *Потималка*

На основе этимологического исследования диал. сущ. *потималка*, подкрепленного культурологическим материалом, удалось выявить возможность его этимологизирования на русской почве. Слово обозначает ‘кухонную тряпку’ и восходит к глаголу *мыть*. Реконструированное праслав. **romytalka* представляет собой форму без метатезы, которая произошла позднее. Учитывая семантику сущ. *потималка*, предлагаем видеть в основе его номинации признак стремления обеспечить чистоту.

§ 4. *Тарабарка*

Сущ. *тарабарка* представляет собой подставку под котлом из трех палок. Однозначной этимологии у слова нет, и мы специально исследовали его детально. Есть основания думать, что изучаемое нами сущ. *тарабарка* образовано от глагола *тарабарить*, в составе которого имеется семантический повтор. Известен перенос названия от слова со значением ‘произведение звуков’ на предмет домашней утвари. Труднее вывести таким образом анализируемое нами значение ‘подставка из трех палок’. Поскольку предмет, обозначаемый лексемой *тарабарка*, представляет собой очень простое сооружение (подставка из трех палок), т.е. на его изготовление нужны минимальные технические затраты, мы предполагаем, что его название могло возникнуть в связи со значением пустого говорения (*тарабарить*), также не требующего никаких умственных усилий.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что в ряде случаев о диалектных данных можно говорить не только как о вспомогательном, побочном материале при определении происхождения слов, но и рассматривать диалекты как равноправный источник этимологии.

Опора этимологов на отдельные факты диалектов, учет ими фонетических, морфологических и других закономерностей диалектного языка, изучение особенностей словообразовательной и семантической структуры диалектных слов приводят к появлению новых убедительных этимологий,

позволяют реконструировать первичную структуру слов за счет внутренних резервов языка, этимологизировать их на славянской (русской) почве [Шелепова 1977: 37].

Диалекты имеют большое значение для разных аспектов этимологического анализа: фонетического, словообразовательного и семантического.

Анализ существующих или существовавших в глубокой древности словообразовательных рядов и суффиксальных чередований — это один из наиболее важных исследовательских приемов, с помощью которых ученым удастся проникнуть в самые сокровенные тайны происхождения слов. Диалекты, материал которых используется при реконструкции древней словообразовательной структуры анализируемых слов, при построении словообразовательных рядов, оказываются одним из ценных источников для этимолога [там же: 28].

Диалектный материал оказывает определенную помощь и при семантическом аспекте этимологического анализа. Данные диалектов помогают и в реконструкции древнего значения анализируемых слов, и в построении изосемантических рядов, которые делают семантический анализ более убедительным, достоверным [там же: 36].

Дальнейшая реконструкция диалектных названий предметов быта на базе этимологии может вестись в нескольких направлениях. «Штучная» работа, аналогичная проделанной в настоящих очерках, может быть продолжена и вылиться в создание «Этимологического словаря русской диалектной лексики, обозначающей предметы домашнего обихода». Поскольку до сих пор не существует ни одной подобной монографии, специально посвященной вопросу этой темы, данная диссертация в таком отношении является шагом вперед. Одновременно с выполнением этой задачи можно расширять источниковедческую базу за счет введения в научный оборот редких, архаических, региональных наименований предметов русского быта, доносящих до нас отголоски культуры и образа жизни наших предков. Изучение подобной лексики требует теоретико-методологического обоснования, создания банка данных о диалектных названиях предметов домашней утвари (т.е. объединения всех корпусов информации с указанием возможных вариантов и приложением минимального исторического и лингвистического комментариев) и обобщения разновременного исследовательского опыта в указанном направлении.

В заключение хочется подчеркнуть, что этимологическое изучение лексики славянского быта может значительно продвинуться вперед, если будет уделено должное внимание культурологическому сопоставлению утвари различных народов, поскольку бытовая лексика как нельзя больше связана с предметами материальной и духовной культуры, отражая своеобразие этноса. Многие диалектные названия предметов домашней утвари еще ждут своего исследования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Абаев В. И. 1986 — Как можно улучшить этимологические словари. *Этимология* 1984. М. 7–27.
- Аверьянова А. П. 1951 — Функции именного суффикса *-ец* в русском языке. (Автореферат). *Доклады и сообщения филологического института ЛГУ*. Вып. 3. Ленинград. 280–282.
- Андреева-Васина Н. И. 1985 — К вопросу о начальном *ко-* в диалектных глаголах. *Диалектная лексика* 1982. Л. 165–174.
- Аникин А. Е. 1997 — *Этимологический словарь русских диалектов Сибири*. Новосибирск.
- Аникин А. Е. 2007–2011 — *Русский этимологический словарь*. Вып. 1–4. М.
- Антушева Е. 2005 — *К этимологии христианской лексики: диссертация на соискание ученой степени magister artium по русскому языку*. Тарту.
- Бернштейн С. Б. 1974 — *Очерк сравнительной грамматики славянских языков*. М.
- Богородский Б. Л. 1964 — *Русская судоходная терминология в историческом аспекте*. М.
- Борова Е. 2003 — *К этимологии слов на ба-* (дипломная работа). Тарту.
- Булаховский Л. А. 1948 — Общеславянские названия птиц. *Известия АН СССР, ОЛЯ*. Т. VII, вып. 2. М.
- Варбот Ж. Ж. 1969 — *Древнерусское именное словообразование*. М.
- Варбот Ж. Ж. 1971 — Заметки по славянской этимологии. *Этимология* 1968. М. 68–78.
- Варбот Ж. Ж. 1973 — К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. I. *Этимология* 1971. М. 3–19.
- Варбот Ж. Ж. 1978 — К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. VI. *Этимология* 1976. М. 31–42.
- Варбот Ж. Ж., Куркина Л. В. 1980 — *Etymologie*. Herausgegeben von Rüdiger Schmitt. Darmstadt, 1977. *Этимология* 1978. М. 185–193.
- Варбот Ж. Ж. 1986 — О возможностях реконструкции этимологического гнезда на семантических основаниях. *Этимология* 1984. М. 33–40.
- Вахрос И. С. 1959 — *Наименования обуви в русском языке. I. Древнейшие наименования до Петровской эпохи*. Хельсинки.
- Владышевская Т. Ф. 2006 — *Музыкальная культура Древней Руси*. М.
- Гавлова Е. 1968 — Слав. *gълькъ* ‘кувшин’. *Этимология* 1966. М. 97–99.
- Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. 1984 — *Индоевропейский язык и индоевропейцы*. Т. II. Тбилиси.
- Горяев Н. В. 1896 — *Сравнительный этимологический словарь русского языка*. Тифлис.
- Горяев Н. В. 1901 — *К сравнительному этимологическому словарю русского языка дополнения и поправки*. Тифлис.
- Горячева Т. В. 1982 — Этимологические заметки. *Этимология* 1980. М. 103–114.
- Горячева Т. В. 1985 — Этимологические исследования. *Этимология* 1982. М. 166–173.
- Гринкова Н. 1934 — *Очерки по истории развития русской одежды*. М.
- Даль В. И. 2003 — *Толковый словарь живого великорусского языка*. Т. I–IV. М.
- Данильченкова С. М. 1980 — Мотивировочные признаки в диалектных названиях одежды, посуды, кушаний. *Сравнительно-исторические исследования русского языка*. Воронеж. 107–112.
- Даркевич В. П. 2004 — *Народная культура Средневековья*. М.

- Дьяченко Г. 2000 — *Полный церковно-славянский словарь*. М.
- Ефремова Т. Ф. 1996 — *Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка*. М.
- Забелин И. 1990 — *Домашний быт русского народа 16–17 ст.* Т. I. М.
- Забьлин М. 1997 — *Русский народ*. М.
- Зализняк А. А. 1977 — *Грамматический словарь русского языка*. М.
- Зеленин Д. К. 1991 — *Восточнославянская этнография*. М.
- Иванов Вяч. Вс. 1981 — *Славянский, балтийский и раннебалканский глагол*. М.
- Ильинский Г. А. 1911 — Суффикс *oz / ez / ъz* в славянских языках. *Известия Отделения русского языка и словесности Российской Академии наук*. Т. 16, кн. 1–2. Петроград. 1–29.
- Ильинский Г. А. 1915 — Славянские этимологии. *Русский филологический вестник*. Т. 73. Варшава. 281–309.
- Ильинский Г. А. 1921 — Славянские этимологии. *Известия Отделения русского языка и словесности Российской Академии наук*. Т. 23 [1918]. Петроград. 229–237.
- Ильинский Г. А. 1923 — Славянские этимологии. *Известия Отделения русского языка и словесности Российской Академии наук*. Т. 24. [1919], кн. 1–2. Петроград. 119–130.
- Качалкин А. Н. 1963 — Бытовая лексика говоров Дона XVII века. *Ученые записки ЛГПИ им. Герцена*. Т. 248. Ленинград. 287–296.
- Киселенко О. 2005 — *К этимологии русских глаголов движения (дипломная работа)*. Тарту.
- Кодухов В. И. 1963 — *Методы лингвистического анализа*. Л.
- Кудрявцев Ю. С. 2001 — Морфонология старославянских глаголов IVб класса. *Труды по русской и славянской филологии. Новая серия V*. Тарту. 33–54.
- Кудрявцев Ю. С. 2002 — Архаичная лексика в местных староверческих говорах. *Труды по русской и славянской филологии. Новая серия VI*. Тарту. 135–145.
- Кузнецова А. И., Ефремова Т. Ф. 1986 — *Словарь морфем русского языка*. М.
- Куркина Л. В. 1972 — Словенско-восточнославянские лексические связи. *Этимология 1970*. 91–102.
- Куркина Л. В. 1974 — Славянские этимологии. II. *Этимология 1972*. 60–80.
- Куркина Л. В. 1982 — Rječnik govora otoka Vrgade. *Этимология 1980*. М. 180–186.
- Куркина Л. В. 1986 — К реконструкции состава праславянского лексического фонда словенского языка. *Этимология 1984*. М. 107–115.
- Ларин Б. А. 1977 — *История русского языка и общее языкознание*. М.
- Лукиянова Н. А. 1985 — Лексико-семантическая группа ‘человек ленивый’ в диалектной системе (опыт семантического анализа). *Русская лексика в историческом и синхронном освещении*. Новосибирск. 58–79.
- Мельничук А. С. 1969 — Об одном из важных видов этимологических исследований. *Этимология 1967*. М. 57–67.
- Меркулова В. А. 1967 — *Очерки по русской народной номенклатуре растений*. М.
- Минлос Ф. Р. 2004 — *Редупликация и парные слова в восточнославянских языках*. М.
- Мокиенко В. М. 1973 — Историческая фразеология: этнография или лингвистика? *Вопросы языкознания*. № 2. М. 21–34.
- Никончук Н. В. 1979 — Приставки *ка-* и *ко-* в полесских говорах. *Этимология 1977*. М. 122–126.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. 1992 — *Толковый словарь русского языка*. М.
- Откупщиков Ю. В. 1968 — *К истокам слова*. Л.

- Откупщиков Ю. В. 1969 — Словообразовательные модели и этимология. *Этимология 1967*. М. 80–87.
- Петлева И. П. 1997 — Этимологические заметки по славянской этимологии. *Этимология 199–1996*. М. 57–72.
- Пизани В. 2008 — *Этимология: история – проблемы – метод*. М.
- Потебня А. 1880 — Заметки этимологические и о народной поэзии. *Русский филологический вестник*. Т.3. Варшава. 91–115.
- Потебня А. 1993 — *Мысль и язык*. Киев.
- Преображенский А. Г. 1959 — *Этимологический словарь русского языка*. М.
- Рудницкий Я. Б. 1962–1972 — *Етимологічний словник української мови*. Вінніпег.
- Силина В. Б. 1968 — К вопросу о суффиксальной вариантности в русских народных говорах. *Слово в русских народных говорах*. Л. 53–65.
- Соболевский А. И. 1907 — *Лекции по истории русского языка*. М.
- Соболевский А. И. 1911 — Мелочи. *Русский филологический вестник*. Т. 66. Варшава. 345–352.
- Соболевский А. И. 1913 — Из истории русского словарного материала. *Русский филологический вестник*. Т. 70. Варшава. 77–100.
- Спирин А. С. 1969 — Как рождается поговорка? *Литературная газета*. № 32 (4214). 06.08.1969. М. 6.
- Срезневский И. И. 1902 — *Материалы для словаря древнерусского языка*. Т. II. СПб.
- Срезневский И. И. 1986 — *Русское слово*. М.
- Срезневский И. И. 1989 — *Словарь древнерусского языка*. Т. I–IV. М.
- Строгова В. П. 1993 — Бытовая лексика новгородских берестяных грамот и говоров (названия предметов утвари). *Вопросы теории и истории языка*. СПб. 178–183.
- Тимченко Е. 1930–1932 — *Історичний словник українського языка*. Т. I, II. Харків.
- Тихонов А. Н. 1985 — *Словообразовательный словарь русского языка*. Т. I, II. М.
- Тихонов А. Н. 1996 — *Морфемно-орфографический словарь*. М.
- Трубачев О. Н. 1961 — Задачи этимологических исследований в области славянских языков. *Актуальные проблемы славяноведения*. М. 202–210.
- Трубачев О. Н. 1964 — Этимологические заметки. *Этимология*. М. 71–80.
- Трубачев О. Н. 1966 — *Ремесленная терминология в славянских языках*. М.
- Трубачев О. Н. 1972 — Заметки по этимологии и сравнительной грамматике. *Этимология 1970*. М. 3–20.
- Трубачев О. Н. 1976 — *Etymologický slovník slovanských jazyků*. *Этимология 1974*. М. 175–177.
- Трубачев О. Н. 1983 — Български етимологичен речник. *Этимология 1981*. М. 159–160.
- Филин Ф. П. 1972 — *Происхождение русского, украинского и белорусского языков*. Л.
- Флоренский П. А. 1990 — *У водоразделов мысли*. М.
- Черных П. Я. 1993 — *Историко-этимологический словарь русского языка*. М.
- Шанский Н. М. 1972 — Слова с приставкой *ко-* и ее алломорфами в русском языке. *Этимологические исследования по русскому языку*. Вып. 7. М. 203–205.
- Шарифуллин Б. Я. 1985 — Из русской диалектной этимологии (словообразовательные архаизмы). *Русская лексика в историческом и синхронном освещении*. Новосибирск. 32–38.
- Шахматов А. А. 1902 — Примеры замены *aī* и *aī̇* под восходящим ударением сочетаниями *ará*, *alá*. *Известия Отделения русского языка и словесности Российской Академии наук*. Т. 7. Кн. 1–4. Петроград. 303–382.
- Шелепова Л. И. 1977 — *Диалекты как источник этимологии*. Томск.

- Шолохов М. 1975 — *Поднятая целина*. М.
- Шустер-Шевц Х. 1969 — Место и проблематика этимологического исследования. *Этимология 1967*. М. 71–79.
- Ягинцева О. 2006 — О происхождении сущ. *пестер(ь)*. *Acta et commentationes collegii Narovensis*. Нарва. 127–133.
- Ягинцева О. 2008 — К этимологии сущ. *коморгъ*. *Acta et commentationes collegii Narovensis*. Нарва. 149–155.
- Ягинцева О. 2010 — Темные слова у М. Фасмера (названия предметов домашнего обихода). *Studia slavica IX*. Таллин. 345–355.
- Ягинцева О. 2010а — Сущ. *глек* ‘глиняный горшок’ в этнолингвистическом и этимологическом аспектах. *Respectus Philologicus*. Kaunas. 219–227.
- Berneker E. 1908–1913 — *Slavisches etymologisches Wörterbuch*. Bd. 1. Heidelberg.
- Brückner A. 1927 — *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Kraków.
- Brückner A. 1957 — *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Warszawa.
- Buck C. D. 1949 — *A dictionary of selected synonyms in the principal indo-european languages*. Chicago & London.
- Būga K. 1959 — *Rinkiniai raštai*. 2. Vilnius.
- Falk H. S., Torp A. 1910 — *Norwegisch-dänisches etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg.
- Jagić V. 1877 — Zum litoslavische Sprachschatz. *Archiv für slavische Philologie*. Bd. 2. Berlin. 396–399.
- Kiparsky V. 1975 — *Russische historische Grammatik*. Bd. 3. Heidelberg.
- Korsch Th. 1886 — Die türkischen Elemente in den südost- und osteuropäischen Sprachen. *Archiv für slavische Philologie*. №9. Berlin. 487–520.
- Machek V. 1957 — *Etymologický slovník jazyka českého a slovenského*. Praha.
- Matzenauer A. 1870 — *Cizí slova ve slovanských řečech*. Praha.
- Matzenauer A. 1885 — Příspěvky ke slovanskému jazykozpytu. *Listy filologické a pedagogické*. № 12. Praha. 321–354.
- Pokorny J. 1959 — *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern–Stuttgart.
- Skok P. 1971 — *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*. Knj. 1–4. Zagreb.
- Miklosich F. 1884 — Die türkischen Elemente in den südost- und osteuropäischen Sprachen, I – II. *Denkschriften der Wiener Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-historische Klasse*. № 34. Wien. 239–338.
- Snoj M. 2003 — *Slovenski etimološki slovar*. Ljubljana.
- Wichmann Y., [Uotila T.] 1942 — *Syrjänischer Wortschatz*. Helsinki.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ СЛОВАРЕЙ И ИСТОЧНИКОВ

- БТС — *Большой толковый словарь русского языка*. СПб. 1998.
- БТСДК — *Большой толковый словарь донского казачества*. М. 2003.
- ЕСУМ — *Етимологічний словник української мови*. Т. I–V. Київ. 1982–2006.
- КЭС — *Краткий этимологический словарь*. Под ред. Н. М. Шанского, В. В. Иванова, Т. В. Шанской. М. 1961.
- ПОС — *Псковский областной словарь с историческими данными*. Вып. 1–. Л. СПб. 1967–.
- РГ — *Русская грамматика*. М. 1982.
- РС — *Русский Север: этническая история и народная культура. XII–XX вв.* М. 2001.
- САР — *Словарь Академии Российской*. Т. 1–6. СПб. 1789–1794.
- СГРС — *Словарь говоров русского Севера*. Екатеринбург. 2001–.

- СГСЗ — *Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья*. Новосибирск. 1999.
- СПГ — *Словарь пермских говоров*. Вып. 1. Пермь. 2000.
- СРГНО — *Словарь русских говоров Новосибирской области*. Новосибирск. 1979.
- СРГП — *Словарь русских говоров Прибайкалья*. Вып. 4. Иркутск. 1989.
- СРДГ — *Словарь русских донских говоров*. Т. III. Ростов. 1976.
- СРНГ — *Словарь русских народных говоров*. Вып. 1–. М. Л. СПб. 1965–.
- СРФ — Бирих А., Мокиенко В., Степанова Л. *Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник*. СПб. 1998.
- СРЯ — *Словарь русского языка*. Гл. ред. А. П. Евгеньева. М. 1982.
- СРЯ XI–XVII — *Словарь русского языка XI–XVII вв.* М. 1975–.
- СРЯ XVIII — *Словарь русского языка XVIII в.* Л. 1984–.
- ССРЛЯ — *Словарь современного русского литературного языка*. Т. 1–17. М. Л. 1948–1965.
- ССРНГ — *Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области)*. М. 1969.
- ТСГТО — *Тематический словарь говоров Тверской области*. Вып. 3. Тверь. 2004.
- ФСРЯ — *Фразеологический словарь русского языка*. Сост. Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков. Под ред. А. И. Молоткова. М. 1978.
- ЭИВР — *Этническая история восточных романцев*. М. 1979.
- ЭСРЯ — *Этимологический словарь русского языка*. Под ред. Н. М. Шанского. М., 1965–.
- ЭССЯ — *Этимологический словарь славянских языков*. М. 1974–.
- ЭВС — *Этнография восточных славян*. М., 1987.
- ЭСФ — *Этимологический словарь русского языка* М. Фасмера. Т. I–IV. М. 1986–1987.
- ESJS — *Etymologický slovník jazyka staroslověnského*. Praha. 1992–.
- Słownik prasłowiański*. T.1. Wrocław. Warszawa. Kraków. Gdańsk. 1974.

ИНТЕРНЕТ-ИСТОЧНИКИ

- Векслер 1997 — *Сокровища старого Гостиного двора*. М.
<http://nauka.relis.ru/12/9708/12708012.htm> [10.09.10].
- Гуленко Н. 2006 — *Как развивать музыкальные способности у детей дошкольного возраста?* Киев. <http://h.ua/story/25863/> [20.11.08].
- Дольник В. Р. 2004 — *Естественная история власти*.
<http://www.ethology.ru/library/?id=62> [10.09.10].
- КЛ — *Кацкая летопись*. № 1–2 (39–40), д. Мартыново. Январь 1996 г.
http://66.102.9.104/search?q=cache:iAtOEvb8--QJ:kl-21.narod.ru/39_40.htm+%D0%BE%D1%82%D0%B8%D0%BC%D0%B0%D0%B%D0%BA%D0%B0&hl=et&ct=clnk&cd=1&gl=ru [20.11.08].
- Коненко Ю. — *Все о варгане*. http://vargan.ru/vargan/vse/story_013.shtml [20.11.08].
- МК — *Монеты и керамика*. 2010. <http://www.bankidelo.ru/2010/03/%D0%BC%D0%BE%D0%BD%D0%B5%D1%82%D1%8B-%D0%B8-%D0%BA%D0%B5%D1%80%D0%B0%D0%BC%D0%B8%D0%BA%D0%B0-%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4%D1%8B-%D0%B8%D0%BB%D0%B8-%D0%B3%D0%B4%D0%B5-%D0%BF%D1%80%D1%8F%D1%82%D0%B0%D0%BB/> [10.09.10].
- Пучков В. 2009 — *Год бычка*. Николаев. <http://www.poezia.ru/article.php?sid=67083> [10.09.10].
- Шевченко Р. 2005 — *Королева пруда*.
<http://subscribe.ru/archive/home.build.landdesign/200508/05094850.html> [25.09.10].

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ ЯЗЫКОВ И ДИАЛЕКТОВ

аккад. — аккадский	луж. — лужицкий
ан.-сакс. — англо-саксонский	нем. — немецкий
араб. — арабский	нидерл. — нидерландский
арам. — арамейский	нижегор. — нижегородский
арх. — архангельский	новгор. — новгородский
аттич. — аттический	новос. — новосибирский
блр. — белорусский	о.-слав. — общеславянский
болг. — болгарский	перм. — пермский
бурят. — бурятский	польск. — польский
вед. — ведийский	праслав. — праславянский
влад. — владимирский	прибайк. — прибайкальский
волж. — волжский	псковск. — псковский
воронеж. — воронежский	рус. — русский
вост.-сиб. — восточносибирский	ряз. — рязанский
вост.-слав. — восточнославянский	саам. — саамский
гот. — готский	санскр. — санскрит
греч. — греческий	свердл. — свердловский
груз. — грузинский	сербохорв. — сербохорватский
датск. — датский	сиб. — сибирский
др.-англ. — древнеанглийский	симб. — симбирский
др.-в.-нем. — древневерхненемецкий	слав. — славянский
др.-евр. — древнееврейский	слвц. — словацкий
др.-инд. — древнеиндийский	словен. — словенский
др.-исл. — древнеисландский	смол. — смоленский
др.-прусск. — древнепруссский	ср.-лат. — среднелатинский
др.-рус. — древнерусский	ст.-арийск. — староарийский
др.-сакс. — древнесаксонский	ст.-слав. — старославянский
енис. — енисейский	т.-маньчж. — тунгусо-маньчжурский
забайк. — забайкальский	тамб. — тамбовский
зап. — западный	тур.-перс. — турецко-персидский
и.-е. — индоевропейский	узб. — узбекский
иер.-лув. — иероглифический лувийский	укр. — украинский
иран. — иранский	фин. — финский
иркут. — иркутский	фр. — французский
исл. — исландский	хетг. — хеттский
исп. — испанский	хорв.-кайк. — хорвато-кайковский
итал. — итальянский	церк. — церковный
кимр. — кимрский	цслав. — церковнославянский
кольск. — кольский	чак. — чакавский
костр. — костромской	чеш. — чешский

краснояр. — красноярский	шв. — шведский
кург. — курганский	шток. — штокавский
лат. — латинский	эвенк. — эвенкийский
лид. — лиддский	эст. — эстонский
лит. — литовский	юго-зап. — юго-западный
лтш. — латышский	южн. — южный
лув. — лувийский	якут. — якутский

KOKKUVÕTE

Mõningate kodutarvete murdenimetuste etimoloogiast

Käesoleva doktoriväitekirja teema on seotud mitme teadusvaldkonnaga, mistõttu on teoreetiliselt võimalikud selle erinevad käsitlused. Ühe käsitlusviisi kohaselt võib kaasata keelefakte rahvakultuuri rekonstrueerimiseks, teine käsitlusviisi lähtuks kulturooloogilistest faktidest varasemate keele olekute fikseerimiseks. Mõlemal lähenemisel on omad positiivsed jooned. Lähtudes keelest ja kasutades võrdlev-ajaloolist meetodit, esineb materjali analüüsis arvatavasti vähem ebatäpsusi ja vigu.

Erilist huvi pakuvad murdesõnad, mis on ammu minetanud oma sisevormi. Vene keelt emakeelena kõnelevad inimesed kasutavad taolisi sõnu pööramata neile erilist tähelepanu ega omistamata erilist tähendust. Seetõttu on need ka uurijate tähelepanusfäärist välja jäänud. Vene kodutarvete murdenimetuste etimoloogiat on üsna vähe uuritud.

Töös piiratakse kodutarvete üksikute elementide kirjeldamisega. Analüüsitud on 16 lekseemi. Antud sõnade valik on tingitud nende etimoloogilise «selguse» puudumisest M. Vasmeri etimoloogiasõnaraamatus, kus on olemas ka vastav viide. Huvi objektiks on murdelekseemid, milles ei ole selgeid etimoloogiale viitavaid tunnuseid. Need sõnad esinevad ajaloolistes ja etnograafilistes allikates ning murretes, mõned aga sisalduvad vaid vanavene allikates ning on seega aktiivsest keelekasutusest kadunud.

M. Vasmeri sõnaraamatut kasutades on uuritud 16 nimisõna: *кукишн, пестер(ь), коморг, кочедык, глѣк, тарабарка, борошня, егол, чемега, паняга, чечень, котуль, балакирь, баклуша, потималка, каганец*.

Lekseemide päritolu tõestamiseks on kasutatud foneetilist, semantilist, morfoloogilist ja sõnamoodustuseanalüüsi. On ilmne, et keelematerjali uurimisele etimoloogilises aspektis aitavad kaasa etnograafia, folkloori ja ajaloo andmed. Doktoritöös on materjali analüüsimisel kasutatud eelkõige võrdlev-ajaloolist meetodit ja etimoloogilise analüüsi meetodikat. Lisaks sellele on aktuaalne H. Schuchardi välja töötatud uurimissuund «Wörter und Sachen», mis on üles ehitatud vormist lähtuval ja tähendusele ning funktsioonile viival seletusel. Nimetatud uurimissuuna teine eelis seisneb selles, et sõna vaadeldakse lahutamatus seoses selle abil tähistatud esemega. Kolmas antud uurimuse seisukohalt tähtis metodoloogiline koostisosa seisneb slaavi etnolingvistilise traditsiooni järgimises.

Sissejuhatus omab mõnevõrra teoreetilist iseloomu, kuna selles sisaldub lisaks dissertatsioonis vaadeldavatele põhiküsimustele ka etimoloogia eesmärkide ja ülesannete lühiselgitus, samuti mõnede etimoloogilises, dialektoloogilises ja etnolingvistilises uurimistöös kasutatavate põhimõtete iseloomustus. Väitekirjas on kasutatud J. V. Otkupštšikovi klassifikatsiooni.

Kaugeltki mitte alati sõna etümologiseerimisel ei õnnestu jõuda kõigi võimalike elementideni, kuid etümoloogi jaoks on tähtis teada saada, kuidas on tekkinud antud eseme või nähtuse nimetus [Пизани 2008: 34].

Tingimata on vaja rõhutada, et etümoloogia on teatud sõltuvuses ka mittingvistilistest faktoritest, mistõttu mõned järeldused pakuvad huvi ka teistele teadusvaldkondadele.

Kuna sõnade päritolu on otseselt seotud rahvakultuuri kajastamisega keeles ehk etnolingvistikaga, siis doktoritöö autor pidas vajalikuks üksikasjalikumalt kirjeldada seda seost. Väitekirja sissejuhatus on otseselt pühendatud kodustele tarbeesemetele. Teemat vaadeldakse kulturooloogilises kontekstis. Teatud tegevusala etnograafiline kirjeldus, mis reeglina annab hea terminite ja nimetuste valiku, omab etümoloogi jaoks tähtsust peamiselt sellepärast, et selle kirjelduse kaudu saab süsteemse ettekujutuse tegevusalast endast, mida sellises süsteemses vormis ei suuda lingvistile anda mitte ükski kõige parem sõnaraamat. Keele- ja rahvaajaloo vahel on olemas tihe seos. Vene rahva kultuuri omapära on leidnud kajastust mitte ainult rõivaste ja ehete komplektis, vaid ka igapäevastes kodustes tarbeesemetes — mitmesugustes toiduainete säilitamise ja toiduvalmistamise moodustes. Vahel tuletavad vanad murdenimetused meile meelde vanaaegse eluolu eripära. Niisugune leksika vajab eriti hoolikat etümoloogilist analüüsi.

Töö põhiosa koosneb kolmest peatükist: mahutid, korvid, kõõgitarvikud. Järgnevalt tuuakse analüüsi tulemusi peatükkide kaupa.

I Mahutid

§ 1. Балакирь

Antud sõna tähendus on 'kann piima hoidmiseks'. Üsna haruldase murdenimisõna aluseks on funktsiooni motiveeriv tunnus. Seega võib oletada, et vastavat nõu tähistava nimisõna aluses on tähendust 'piim' sisaldav tüvi. Mõned teadlased, nt T. V. Gamkrelidze ja V. V. Ivanov väidavad seda tüüpivanades murdesõnades tähenduskomponendi 'piim' olemasolu (kreeka *γάλα*, ladina *lac*, hetiidi *galaktar*, vana hiina **lac* jne.). Antud fakt tõendab, et selline vorm on olnud ka üldindoeuroopa keelesüsteemis. Seega võime väita, et nimisõnas *балакирь* on olemas tüvi *-лак-* tähendusega 'piim'.

§ 2. Глѣк, § 3. Егол

Erinevaid etümoloogiameetodeid rakendades sai välja selgitada, et mõlemad lekseemid on seotud sugulussidemetega ja on motiveeritud verbiga *зудеть*. Slaavi etnolingvistilise traditsiooni järgimine aitas selgitada, et mõnesid kodutarbeid kasutati heli tekitamiseks. Võib julgesti oletada, et ka kannu oli kasutatud samas sekundaarfunktsioonis ja nimisõna *глѣк* tähendas 'mingit muusikapilli'. Nimisõna *егол* sisevorm on hästi seletatav sõna *глѣк* kaudu. Kui

analüüsitavat lekseemi praegu üheselt interpreteeritakse nagu 'kild', siis vanasti võis tal olla tähendus 'kodutarbeese / muusikapill (löökpill)'.

§ 4. *Каганец*

Murdesõna *каганец*, mis on fikseeritud kui ühisslaavi valgusti nimetus, täpne päritolu ei ole selge. Sõnamoodustuslikult ja semantiliselt on see sõna motiveeritud verbiga *знать*, mille tähendus on 'ajama'. Nominatsiooni aluseks on tunnus 'valgusti, milles õli tõuseb üles hõõgnööri pidi, mis seejärel süüdatakse'. Nimisõna koosneb eesliitest *ка-*, tüvest *-ган-* ja järellitistest *-ец*. See annab tunnistust, et kõnealusel tüvel oli tähendus 'ajama'.

§ 5. *Коморъ*

Lekseemil *коморъ* 'savinõu, kann' puudub etümoloogiline seletus. Ta on fikseeritud ainult vanavene ja kirikuslaavi sõnaraamatutes. M. Vasmer märgib selle tähendust kui «ebaselget». Käesolevas uurimuses tõestatakse, et seda sõna tuleb pidada vene innovatsiooniks (prefiks *ко-* ja tüvi *-моръ*) tähendusega 'niiskus'. Üksikasjalikult uurides nimetatud nõu kasutamise mooduseid ja eesmärke võib järeldada, et sõnamoodustuslikult ja semantiliselt on see sõna motiveeritud substantiiviga *морзота*, *морозга*, milles oli seem 'niiskus'.

§ 6. *Кувшин*

Sõna *кувшин* 'kann' suhtes postuleeritakse doktoritöös tüveks *кук-*, suffiksiteks *-ш-*, *-ин* ning sõna *кукъша* moodustamist sõnast *кука*. Oma nime on *кувшин* saanud samast tüvest mis vesiroos. Analüüsi tulemusena jõudsimme järelduseni, et esimestel kannudel oli vesiroosiga sarnane vorm.

Teine peatükk on pühendatud murdenimisõnadele, mis tähistavad korve, kotte jne.

II. Korvid

§ 1. *Борошня*

Murdenimisõnale *борошень* 'kodutarved, riided', mis on iseloomulik Jaroslavli, Arhangelski, Siberi ja Kamtšatka piirkonnale, on foneetiliselt ja semantiliselt lähedane sõna *борошня*. J. V. Otkupštšikov toetub tähendusele 'jagama' tüves **bherǵ-* / *bhreǵ-* ning seletab: **boršьno* < **bhorǵ-s-i-no-*. See on õige lähene misviis. Semantikast 'jagama' võib tuleneda semantika 'kaltsud, majakraam' (kuna jutt on piasjadest) ja lõpuks 'korv, kott, tasku' nagu vahend, et jagada mingit osa sellest majakraamist.

§ 2. Котуль

Nimisõna *котуль* on erakordne murdesõna tähendusega ‘kukkur, reisipaun, seljakott’. See on analoogiline sõnadega *коморг*, *кочедык*, *каганец*, kus eristub eesliide *ко-*. Vastavalt esimesele versioonile sõna *котуль* jaguneb tüveks *кот-* ja suffiksiks *-уль*. Kuna sellest ideest lähtudes ei õnnestunud leida selget semantilist korrelatsiooni, oli autor sunnitud otsima teist võimalikku etümoloogiat versiooni. Tähendusele ‘kukkur, reisipaun, seljakott’ tuginedes oletatakse, et nimisõnad *котуль*, *котуль* vastavalt eseme kasutamisele võivad olla seotud sõnaga *тыл*. Sel juhul semantiline korrelatsioon on vaieldamatu ja näitlik. Sõnamoodustamise suhtes niisugune etümoloogia ei nõua spetsiaalseid tõestusi.

§ 3. Пестер(ь)

Erinevad keeleanalüüside tüübid aitasid välja selgitada sõna *пестер(ь)* ‘suur niinkorv kariloomade söötmiseks; heinakorv’ etümoloogia. Tulemusena saab väita, et seda lekseemi võib vaadelda tegusõna *пестовать* sugulusnimisõnana. Eristatakse tüve *пес-* ja suffikseid *-т-* ja *-ер*. Analüüsitud materjal võimaldab teatud tõenäosusega oletada, et slaavi algkeeles olid niisugused suffiksivormid olemas. Tähelepanu on pööratud rõhuliikumisele ja selgitatud, et indoeuroopa algkeeles oli niinimetatud «tugevates» käänetes rõhk sõna algul ja «nõrkades» käänetes ta võis liikuda lõpule.

§ 4. Поняга

Siiaamaani on see sõna olnud ebaselge päritolu vaatepunktist. Valitud lekseem on mitmetähenduslik. Autori poolt pakutud versioon seisneb selles, et *поняга* on vene innovatsioon. Analüüsi tulemusena jõudis autor järelduseni, et nimisõna jaguneb järgmisteks osadeks: prefiks *по-*, tüvi *-ня-*, järelliide *-г-*, lõpp *-а*. Arvestades nimisõna *поняга* (‘valjad; seljakott’) tähendust võib väita, et sõna on moodustatud verbist *поняти*. Kokkuvõtteks võib öelda, et semantiline tunnus, mis põhjustas sellise sõna moodustamise, on ‘võtma, haarama’.

§ 5. Чеме́за

Murdenimisõna *чеме́за* (*чемизин*) tähendab ‘rahakotti’. Arvatavasti on sõna geneetiliselt seotud nimisõnaga *мизинец*. Olulist rolli mängib mõlema objekti väline sarnasus: *чемизин* on pika kitsa torukese moodi rahakott, kuhu pannakse münte. Taoline rahakott meenutab oma vormiga sõrme.

§ 6. Чечень

Antakse ülevaade iseäralikust murdenimisõnast *чечень*, mis on levinud ida-vene murretes ja tähendab ‘suur korv; kalakorv’. Antud lekseem ei ole fikseeritud teistes slaavi keeltes. Siiaamaani on see sõna ebaselge oma päritolult.

Semantilist analüüsi kasutades võib väita, et vene nimisõna *чечень* on seotud tegusõnaga *щечить*, millel on kaks tähendust: 1) 'ladusalt rääkima' ja 2) 'salaja võtma; ära peitma'. Just tegusõna teine tähendus tekitas lekseemi *чечень* moodustamise. Niisugust suurt korvi kasutati kala hoidmiseks. Rõhutame, et N. V. Gorjajevi järgi on nimisõna *щеча* seotud tegusõnaga *щечить* teise tähendusega. Niiviisi on tõestatud, et tüved sõnades *щеча*, *щечить*, *чечень* on omavahel seotud.

Morfeemanalüüsile tuginedes jõudis autor järelduseni, et nimisõna jaguneb järgmisteks osadeks: tüvi *чеч-* ja sufiks *-ень*. Mõned lekseemid A. A. Zaliznjaki sõnaraamatust, mis on ka slaavi päritolu ja sarnase struktuuriga, tõendavad, et nimisõna *чечень* võib olla moodustatud tegusõnast *щечить*.

Kolmandas peatükis on mõned murdesõnad, mis tähistavad muid köögitarvete hulka kuuluvaid esemeid.

III. Köögitarbed

§ 1. *Баклуша*

Antud paragrahv erineb teistest selle poolest, et siin on vaadeldud vene keele püsiühendit *бить баклуши*, mille tähendus on 'laisklema, lulli lööma'. Käesolev idioom on juba varem äratanud keeleteadlaste huvi. Autori ülesandeks oli üksikasjalikult uurida, kuidas oli moodustatud ja mis tähendas nimisõna *баклуша*. Väidetakse, et käesolev nimisõna on geneetiliselt seotud nimisõnaga **klīnъ* 'nael', mis pärineb tüvest **kōlti* 'lõikama, lõhkuma'. Idioomis *бить баклуши* kui ekspressiivses väljendis on olemas sõna *баклуша*, mis on kasutatav erinevates mängudes ja on paigutatav samasse ritta väljenditega *игра в городки*, *в попа-гонялу*.

§ 2. *Кочедык*

Kasutades etnograafia andmeid sõna *кочедык* 'viiskude punumise naaskel' sisevormi mõtestamiseks on analüüsitud lekseemi teisi variante. Substantiiv *кочедык* (*кочедык?*), *кочетыга*, *коточига* on vaieldamatult slaavi päritolu. Peale selle on see vene innovatsioon. Tugev foneetiline (osaliselt ka morfoloogiline) varieerumine tunnistab esmase sisevormi minetamist. Sellistes tingimustes seisneb etümoloogia ülesanne selles, et pakkuda sõna *кочедык* loomise erinevaid variante. Saadud järeldused tõestavad seda, et antud sõna semantika on seotud millegi koolutatud, kõveraga ja viiskude punumise viisiga.

§ 3. *Потималка*

Tuginedes lekseemi **pomytalka* etümoloogilisele uurimisele ja kultuuriloolisele materjalile võib väita, et murdenimisõna *потималка* ei ole laensõna, vaid on tekkinud vene materjali põhjal. On teada, et paljud tööriistad on motiveeritud

tegusõnaga, mis tähistab füüsilist tegevust: näiteks, *зажигалка* 'gaasitulemasin' < *зажигать* 'süütama'. Kuna *потималка* tähendab 'köögilapp, köögikäsn' ja sellega pestakse nõusid, võime väita, et antud nimisõna on moodustatud tegusõna *мыть* 'pesema' abil (tüves toimus metatees).

§ 4. *Тарабарка*

Antakse ülevaade mõningatest murretes esinevatest olmeterminitest, mis on moodustatud niisuguste aktiivsete vahendite abil nagu reduplikatsioon ja semantiline kordus. Etümoloogilise analüüsi põhjal ja etnograafia andmetele tuginedes on kindlaks tehtud vaadeldaavate lekseemide seos helimatkimisega. Viimane ongi motiveeriv tunnus ning reduplikatsiooni tulemusena tekkinud sõnade alus.

Reduplitseeritud olmeterminite nimetused on kasutusel paljudes vene keele murretes. Näiteks selgus uurimise käigus, et nimisõna *талаболка* ('savist kätepesunõu') on moodustatud sõnatüvede *тал-*, mis tähendab 'rääkimist' (vrd *талалакать* 'ebaselgelt rääkima') ja *-бол-* (vrd *балаболить* 'rääkima') semantilise kordamisega. Arvestades reduplikatsiooni aktiivsust rekonstrueeritakse murdekeelendite *балаболка* 'lobamokk' (tüve *-бол-* reduplikatsioon, tähendus-ega 'rääkima'), *хорхоры* 'kaltsud, hilbud' (tegusõnast *хорохориться* 'ennast tähtsaks ajama') arvatav etümoloogia.

Nimisõna *тарабарка* väline vorm meenutab mitut lekseemi, mis tähistavad 'tühja jutu ajamist'. See väline vorm ei ole juhuslik. Kuna antud ese on lihtne seade (kolmest kepi alus), mis nõuab paigaldamiseks vähest tehnilist vaeva ja ajakulu, siis on võimalik, et see nimetus tekkis seoses 'tühja jutu ajamise' tähendusega, mis samuti ei nõua vaimset pingutust. Paragrahvis on välja toodud mõned näited selle kohta, kuidas 'tühja jutu ajamise' semantika on seotud 'ülearuse, mittevajaliku asja' tähendusega.

Uurimise lühijäreldused on järgmised: reduplikatsiooni abil moodustatud sõnad on väga vanad ja laialt levinud. Paljudes olmeterminites esineb semantilist kordust: kaks sünonüümset helimatkimisega seotud sõnatüve korduvad tähenduse tugevdamiseks ehk toimub reduplikatsioon. Põhjalikumalt analüüsitud sõna *тарабарка* taust tõestab neid väiteid.

Kokkuvõttes reastatakse väitekirja põhijäreldused.

Tuleks veel rõhutada, et käesolevate sõnade tõese etümoloogia leidmine võib olla kasulikuks materjaliks etnolingvistika jaoks. Rahva vaimukultuuri kajastavate keelendite uurimine võimaldab jälgida selle kultuuri ajalugu ja evolutsiooni ning saada ettekujutust selle kultuuri muistsest struktuurist. Paljud kodutarvete nimetused alles ootavad uurimist.

CURRICULUM VITAE

Ольга Ягинцева

Гражданство: гражданка Эстонской Республики
Дата и место рождения: 12 августа 1983, Уссурийск
Адрес: Ус 61–30, 50606 Тарту
Телефон: +372 55 659 405
Адрес эл. почты: helga5@inbox.ru
Языки: русский, эстонский, английский, польский, латинский, итальянский, немецкий, чешский

Образование

1990–2001 Тартуская Славянская гимназия, *cum laude*
2001–2005 Тартуский университет, русская и славянская филология
2005–2007 Тартуский университет, *magister artium* (русский язык, *cum laude*)
2007–2014 Тартуский университет, докторантура (русский язык)

Послужной список

2004–2011 главный редактор сборника «Русская филология» и редактор научных текстов
2006–... частные уроки для школьников и студентов
06.–10.2007 Посольство Республики Польша в Таллине, помощник консула, секретарь, корреспондент, переводчик
2008–2011 Saag & Semevsky Keelestuudio, переводчик, учитель русского языка, редактор текстов
2008 –2011 Filoloog, переводчик
2008–... Тартуская школа здравоохранения, преподаватель эстонского, русского, латинского языка
2009–2010 Тартуская школа здравоохранения, преподаватель эстонского языка для медсестер
2010–2013 Языковой центр Тартуского университета, преподаватель русского языка
2013–2014 AS Dialoog, учитель русского и польского языка, переводчик
02.–10.2013 Studio lingua, учитель русского языка, переводчик
2013– 2014 Тартуская частная школа TERA, учитель русского языка

Профессиональное совершенствование

- 2003 стажировка в Торунском университете, на основе договора о сотрудничестве между министерством образования Эстонской Республики и Польской Республики
- 2004 стажировка в Люблинском университете
- 2008 стажировка в Краковском университете
- 2009 стажировка в Варшавском университете

Научная деятельность

Область научных интересов: этимология, этнолингвистика, этнография, русская диалектология, русский язык как иностранный, польский язык, история и культура.

Всего вышло 25 публикаций, из них 5 в международных изданиях.

ELULOOKIRJELDUS

Olga Jagintseva

Kodakondsus: Eesti
Sünniaeg ja koht: 12. august 1983, Ussuriisk
Aadress: Uus 61–30, 50606 Tartu
Telefon: +372 55 659 405
E-post: helga5@inbox.ru
Keelteoskus: vene keel, eesti keel, inglise keel, poola keel, ladina keel, itaalia keel, saksa keel, tšehhi keel

Haridus

1990–2001 Tartu Slaavi Gümnaasium, *cum laude*
2001–2005 Tartu Ülikool, vene ja slaavi filoloogia
2005–2007 Tartu Ülikool, *magister artium* (vene keele erialal, *cum laude*)
2007–2014 Tartu Ülikool, doktoriõpe (vene keel)

Teenistuskäik

2004–2011 kogumike “Vene filoloogia” ja teadustekstide peatoimetaja
2006–... eratunnid kooliõpilastele ja üliõpilastele
06.–10.2007 Poola Suursaatkond Tallinnas, konsuli abiline, sekretär, korrespondent, tõlk
2008–2011 Saag & Semevsky Keelestuudio, tõlk, vene keele õpetaja, tekstide toimetaja
2008–2011 Filoloog, tõlk
2008–... Tartu Tervishoiu Kõrgkool, vene, eesti, ladina keele õppejõud
2009–2010 Tartu Tervishoiu Kõrgkool, erialase (õendus) eesti keele õppejõud
2010–2013 Tartu Ülikooli Keelekeskus, vene keele õppejõud
2013–2014 AS Dialog, vene ja poola keele õpetaja, tõlk
02.–10.2013 Studio lingua, vene keele õpetaja, tõlk
2013–2014 Tartu Erakool TERA, vene keele õpetaja

Täiendus

- 2003 stažeerimine Toruni Ülikoolis, Eesti Vabariigi Haridusministeeriumi ja Poola Vabariigi Haridusministeeriumi koostöölepingu alusel
- 2004 stažeerimine Lublini Ülikoolis
- 2008 stažeerimine Krakovi Ülikoolis
- 2009 stažeerimine Varssavi Ülikoolis

Teadustöö

Peamised uurimisvaldkonnad: etümoloogia, etnolingvistika, etnograafia, vene dialektoloogia, vene keel võõrkeelena, poola keel, ajalugu ja kultuur.

Kokku on ilmunud 25 publikatsiooni, neist 5 artiklit rahvusvahelistes väljaannetes.

ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

1. **О. Ягинцева.** *Кувшин и кувшинка: загадка происхождения.* Русская филология. 17. Тарту. 2006. 243–249.
2. **О. Ягинцева.** *О происхождении существительного пестер(ь).* Acta et commentationes collegii Narovensis. V. Нарва. 2006. 127–133.
3. **О. Ягинцева.** *Возможности этимологизации существительного кочедык.* Русская филология. 18. Тарту. 2007. 307–312.
4. **О. Ягинцева.** *К этимологии существительного коморг.* Acta et commentationes collegii Narovensis. VIII. 2008. Нарва. 149–154.
5. **О. Ягинцева.** *Домашняя утварь в этнолингвистическом аспекте.* Studia Slavica VIII. Таллин. 2008. 298–308.
6. **О. Ягинцева.** *Этимологическая перспектива лексемы потималка.* Русская филология. 20. Тарту. 2009. 222–226.
7. **О. Ягинцева.** *Фразеологизм бить баклуши и первичная омонимия суц. баклуша.* The programme and the abstracts of the V international conference "The world in the language". 2009. Санкт-Петербург. 105–107.
8. **О. Ягинцева.** *К происхождению диалектного существительного тарабарка.* Актуальные проблемы русской диалектологии и исследования старообрядчества: Тезисы докладов Международной конференции 19-21 октября 2009 г. Москва. 2009. 232–234.
9. **О. Ягинцева.** *Редупликация и повтор как активные средства бытового терминообразования (на материале народных говоров).* Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XII. Активные процессы в русском языке диаспоры и митрополии. Тарту. 2009. 354–365.
10. **О. Ягинцева.** *Фразеологизм бить баклуши и первичная омонимия существительного баклуша.* In: Материалы XXXVIII международной филологической конференции. Секция История русского языка и культур: XXXVIII Международная филологическая конференция; Санкт-Петербург; с 16 по 21 марта 2009 года. 2009, 125 - 129.
11. **О. Ягинцева.** *К происхождению диалектного существительного балакирь.* Русская филология. 21. Тарту. 2010. 247–252.
12. **О. Наумова.** *«Темные слова» у М. Фасмера (названия предметов домашнего обихода).* Studia Slavica IX. Таллин. 2010. 345–355.
13. **О. Ягинцева.** *К происхождению диалектного существительного егол 'черепок'.* Русский язык: исторические судьбы и современность: IV Международный конгресс «Русский язык: исторические судьбы и современность». Москва. 2010. 101.
14. **О. Ягинцева.** *Об этимологическом родстве диалектного существительного егол 'черепок' и глѣк 'глиняный горшок'.* Valoda dažādu kultūru kontekstā. Daugavpils. 2010. 37–45.

15. **О. Ягинцева.** *Существительное глѣк 'глиняный горшок' в этнолингвистическом и этимологическом аспектах.* *Respectus Philologicus*, 17(22). Kauno. 2010. 219–226.
16. **О. Ягинцева.** *К этимологии диалектных существительных котуль и котыль.* *Русская филология*. 22. Тарту. 2011. 222–229.
17. **О. Ягинцева.** *К происхождению диалектного существительного чечень.* *Русская филология*. 23. Tartu, 2012. 220–227.
18. **О. Ягинцева.** *Этимология диалектного существительного чечень в свете взаимодействия фонетики, морфемки и семантики.* *Филологические науки* 1. Москва. 2013. 66–73.
19. **О. Ягинцева.** *Zur Herkunft des dialektalen Nomens Ponjaga (,Rucksack').* *Zeitschrift für Slawistik*, 58. Dresden. 2013. 435–443.
20. **О. Ягинцева.** *К этимологии диалектного существительного борошня.* *„Acta Baltico-Slavica*, 37, Warszawa, 2013. 585–593.

**DISSERTATIONES PHILOLOGIAE SLAVICAE
UNIVERSITATIS TARTUENSIS**

1. **Юрий Кудрявцев.** Очерки по русской фонологии и морфонологии. Тарту, 1996. 157 с.
2. **Светлана Туровская.** Проблемы изучения модальных смыслов: теоретический аспект (на материале современного русского языка). Тарту, 1997. 136 с.
3. **Елена Погосян.** Восторг русской оды и решение темы поэта в русском панегирике 1730–1762 гг. Тарту, 1997. 158 с.
4. **Ирина Белобровцева.** Роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита». Конструктивные принципы организации текста. Тарту, 1997. 167 с.
5. **Светлана Кулюс.** Эзотерические коды романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» (эксплицитное и имплицитное в романе). Тарту, 1998. 207 с.
6. **Леа Пильд.** Тургенев в восприятии русских символистов (1890–1900-е годы). Тарту, 1999. 136 с.
7. **Роман Лейбов.** «Лирический фрагмент» Тютчева: жанр и контекст. Тарту, 2000. 143 с.
8. **Валентина Щаднева.** Дискурсивно обусловленные невербализованные компоненты высказывания. Тарту, 2000. 212 с.
9. **Александр Данилевский.** Поэтика «Повести о пустяках» Б. Темиряева (Юрия Анненкова). Тарту, 2000. 151 с.
10. **Татьяна Фрайман.** Творческая стратегия и поэтика Жуковского (1800 – первая половина 1820-х годов). Тарту, 2002. 165 с.
11. **Татьяна Троянова.** Антропоцентрическая метафора в русском и эстонском языках (на материале имен существительных). Тарту, 2003. 166 с.
12. **Елена Нымм.** Литературная позиция И. Ясинского (1890–90-е гг.). Тарту, 2003. 169 с.
13. **Эрика-Оксана Хааг.** Функциональная типология и средства выражения причинно-следственных отношений в современном русском языке. Тарту, 2004. 165 с.
14. **Вадим Семенов.** Иосиф Бродский в северной ссылке: поэтика автобиографизма. Тарту, 2004. 176 с.
15. **Роман Войтехович.** Психея в творчестве М. Цветаевой: Эволюция образа и сюжета. Тарту, 2005. 165 с.
16. **Анжелика Штейнгольд.** Отражение древнеславянских верований в русском лексиконе. Тарту, 2006. 202 с.
17. **Катрин Кару.** Уступительные конструкции в эстонском и русском языках. Тарту, 2006. 248 с.

18. **Оксана Паликова.** Двухязычный словарь и функционально значимые связи слова. Тарту, 2007. 139 с.
19. **Тимур Гузаиров.** Жуковский — историк и идеолог николаевского царствования. Тарту, 2007. 156 с.
20. **Татьяна Кузовкина.** Феномен Булгарина: проблема литературной тактики. Тарту, 2007. 163 с.
21. **Ольга Бурдакова.** Имперфективация глаголов *v* продуктивного класса в современном русском языке. Тарту, 2008. 194 с.
22. **Ирина Абисогомян.** Становление чешской лексикографии в эпоху национального Возрождения: традиции и новаторство. Тарту, 2009. 200 с.
23. **Ирина Табакова.** Основные типы аббревиатур в современном польском языке (к специфике моделей производящих синтаксических структур). Тарту, 2009. 205 с.
24. **Дмитрий Иванов.** Творчество А. А. Шаховского-комедиографа: теория и практика национального театра. Тарту, 2009. 224 с.
25. **Инна Булкина.** Киев в русской литературе первой трети XIX века: пространство историческое и литературное. Тарту, 2010. 213 с.
26. **Алексей Вдовин.** Концепт «глава литературы» в русской критике 1830–1860-х годов. Тарту, 2011. 238 с.
27. **Ольга Мусаева.** Рецепция творчества Федерико Гарсиа Лорки в русской культуре (1930–1960-е гг.). Тарту, 2011. 217 с.
28. **Мария Боровикова.** Поэтика Марины Цветаевой (лирика Конца 1900-х – 1910-х годов). Тарту, 2011. 150 с.